

84(2)Рос = Рус 76
р. 99

Эльдар Рязанов
Андерсен
ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ

РОМАН - В КИНО

СКОР

Эльдар Рязанов

Андерсен

ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ

РОМАН - В КИНО

Эльдар Рязанов
Андерсен
ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ

РОМАН - В КИНО

МОСКВА

ЭКМО

2007

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6,4
Р 99

Андрсен

Оформление *А. Новикова* (переплет),
Е. Ененко (макет)

Фотограф *Николай Охрий*

Рязанов Э.А.
Р 99 **Андерсен. Жизнь без любви: Кинороман / Эльдар Рязанов.** — М.: Эксмо, 2007. — 256 с.: ил.

ISBN 5-699-18683-2

К гениям судьба чаще всего неблагоприятна. Вот и Андерсен, великий сказочник, был некрасив, беден и обделен любовью. Его в детстве до слез доводили мальчишки, женщины не отвечали взаимностью этому неуклюжему господину, а слава маячила где-то вдали, толком не коснувшись его при жизни своими лучами.

Эльдар Рязанов написал кинороман о жизни Андерсена специально для читателей «Эксмо», с которыми его связывает давняя творческая дружба. А мы приурачили выход книги к широкомасштабному показу одноименного фильма режиссера.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-18683-2

© Э.А. Рязанов, 2006
© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

*Книга написана по мотивам киносценария
Э. Рязанова и И. Квирикадзе «Андерсен. Фанта-
зия на тему».*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде чем Вы, дорогой читатель, примитесь за чтение этой книги, хочу предварить ее несколькими словами.

Этот роман написан мною по мотивам одноименного фильма, который, в свою очередь, снят по сценарию, созданному мною в соавторстве с замечательным Ираклием Квирикадзе, кинорежиссером и драматургом. Титульный лист киносценария выглядел так:

«Андерсен. Фантазия на тему».
Идея Эльдара Рязанова.
Авторы сценария Эльдар Рязанов
и Ираклий Квирикадзе.
Кинороман.

Когда возникло решение написать прозаическое произведение, оттолкнувшись от сценария и фильма, получившего другое название, мой друг Ираклий был занят новыми проектами, как литературными, так и режиссерскими. У него не было времени, и мне пришлось заняться писанием в одиночестве. Но должен сказать, что характеры персонажей и сюжетные повороты придуманы были нами совместно и что мы сочиняли сценарий в согласии и добром товариществе. Я хочу еще

раз поблагодарить Ираклия, моего друга и соавтора. Нас сплотила и объединила эта дорогая нашим сердцам работа. Теперь о названии. Первое название «Андерсен. Фантазия на тему» позволило свободно обращаться с биографическими данными из жизни великого сказочника. Это было важно, ибо вещь задумывалась не как фильм или книга из серии «Жизнь замечательных людей». Но надо сказать, что все действующие лица романа тем не менее существовали в действительности, каждый персонаж имеет своего реального прототипа. И Петер Вульф — адмирал и переводчик Шекспира; и Йонас Коллин, королевский советник, покровитель молодого Андерсена; и Йенни Линд, великая шведская певица, в которую угораздило влюбиться Хансу-Кристиану; и Август Бурнонвиль — француз, родоначальник датского балета; и Генриетта Вульф, дочка адмирала, самый близкий друг писателя, его муза; и прима-балерина датского балета мадемуазель Шалль; и великий датский скульптор Бертель Торвальдсен, старший друг молодого сказочника; и ректор Симон Мейслинг — злой гений, у которого в гимназии учился Андерсен; и супруги Мельхиоры — Мориц и Доротея — друзья, у которых Ханс-Кристиан прожил немало лет и на чьей вилле умер; и были в жизни Андерсена полковник Гульдберг, гадалка со своим предсказанием, и, разумеется, король Фредерик Шестой, давший юноше стипендию для учебы в латинской гимназии; и принц Кристиан, будущий датский монарх; и самое главное — сумасшедший дед, бабушка, мама Анна-Мария и сестра Карен. И то, как сложились их судьбы, нашло свое отражение как в фильме, так и в романе. Так что в какой-то степени эта книга очень правдива. Еще и потому, что немало сцен и событий заимствованы из автобиографии писателя «Сказка моей жизни», а также из воспоминаний современников об

Андерсен. Жизнь без любви

Андерсене. Но, с другой стороны, в романе и немало вымысла, сочинительства, выдумки, того, чего не было. Но могло бы произойти.

Сплав подлинного и легенды, документального и небылицы, реального и фантасмагорического составляет особенность этого сочинения. А как по-другому можно было рассказать о трудной, порою горькой жизни сказочника, фантазера, доброго выдумщика? Как иначе можно было поведать о жизнерадостном пессимисте, о счастливом неудачнике, о невезучем баловне судьбы?

Эльдар Рязанов

Андерсен (*в отчаянии*): Но было не так!..
Издатель (*жестко*): Было так, как вы напишете!

ПРОЛОГ

Над северным неприветливым морем дул пронизывающий ветер. Бабушкино платье развевалось, как флаг. Бабушка и внук быстрой походкой шли по берегу. Мальчик бежал вприпрыжку, кидал камни то в море, то в кусты, растущие на песчаных дюнах. Облака на небе были столь причудливы, что становилось понятно: дело происходило давным-давно. Теперь, разумеется, таких облаков не бывает. Мальчуган, кинув камень куда-то вверх, следил за его полетом. Камень, опускаясь с высоты, чуть было не упал на бабушку. Внук испугался, отвернулся, зажмурил глаза.

— Дедушка ждет! Пошли! Не отставай, внучек, — бабушка взяла мальчика за руку. — Ты помнишь дедушку?

Мальчик отрицательно помотал головой.

— Не очень. Помню, что у него большие усы, — сказал после паузы внук.

— Он болеет. Не огорчай его...

Они подошли к угрюмому зданию, окруженному высоким деревянным частоколом. На заборе, словно черные кляксы, сидели вороны. Привратник, похожий на апостола Петра, как его рисовали художники Возрождения, отворил скрипучие массивные ворота. Бабуш-

ка с внуком очутились во дворе, где гуляло несколько человек в серых рубахах и балахонах. В центре двора находилась большая лужа, в которой восседал жизнерадостный бородатый человек. Он весело плескался, бултыхал ногами по воде и хихикал. Мальчик в изумлении уставился на него. Ему тоже захотелось сесть в лужу рядом с бородачом.

— Это и есть смирительный дом? — с восторгом спросил мальчуган.

— Да... — озираясь, ответила бабушка. — Подожди меня здесь. Я найду дедушку. Не дергайся, стой... В смирительном доме все ведут себя смирно, а не то...

Мальчик, оставшись один, продолжал рассматривать странных людей. Один мужчина маршировал, командуя сам себе «кругом». Другой, стоя на четвереньках и опустив до каменного пола нос, толкал им куриное яйцо. Третий, в длинном балахоне, стоял на камне, торчавшем в море, размахивал руками и кричал:

— Я — птица! Я — птица!

— Мальчик, подойди сюда! — чей-то голос позвал маленького пришельца.

Оглянувшись, мальчик заметил бородатого мужчину, сидящего на скамье под единственным деревом двора. На нем была холщовая рубаха, щеки покрылись щетиной, а на голове красовался проволочный круг. Мужчина улыбнулся, у него не было передних зубов, но улыбка была доброй, глаза ласковыми, как-то по-особенному ласковыми...

— Как тебя зовут, малыш? — спросил мужчина с добрым лицом.

— Ханс-Кристиан Андерсен.

— Подойди ко мне, я тебя поцелую.

Ханс-Кристиан доверчиво приблизился и спросил:

— А что это у вас на голове?

— Это — нимб! — И мужчина погладил маленького Андерсена по волосам. Затем он поцеловал его в лоб.

— Запомни, тебя поцеловал сам Господь Бог! — сказал мужчина с нимбом. — Ты станешь великим человеком, тебя узнают все люди на Земле...

Лицо у Ханса-Кристиана было длинное, узкое. На нем выделялись лучистые глаза и несоразмерно большой нос.

— Дяденька, вы, значит, тот самый Бог?! — и Ханс-Кристиан показал пальцем в небо, на темные свинцовые тучи, из которых вот-вот должен был хлынуть дождик. Мужчина скромно кивнул.

— Вы тот, которому я молюсь каждое утро перед завтраком? — продолжал сомневаться маленький Андерсен.

— Молись мне и днем, когда садишься обедать, и вечером перед ужином, — назидательно молвил человек с нимбом.

— А у нас дома обед не каждый день. И ужин тоже не каждый... — сообщил Ханс-Кристиан.

— Молись с сердцем, тогда и обед будет. И ужин. И сладкое. Я люблю сладкое... — и человек с нимбом по-детски улыбнулся.

Ханс-Кристиан улыбнулся в ответ:

— Я тоже! — Недоверие снова закралось в душу Ханса-Кристиана. — А почему вы здесь, а не там — на небе?!

— Не веришь?! — с горечью осведомился человек с нимбом.

Андерсен кивнул, — мол, не верю... Тогда мужчина воздел руки к небу и торжественно провозгласил:

— Да будет дождь!

Тут же раздался удар грома. А через секунду с неба на этот край земли обрушился ливень. Но какой! Все

обитатели смиренного дома, спасаясь от вселенского потопа, побежали внутрь. В это время привратник ударил в колокол, и обитатели заведения быстро заняли места за огромным обеденным столом.

В столовой Ханс-Кристиан увидел бабушку, которая кормила с ложечки лысого старика с пышными усами и бессмысленным, устремленным вдаль взглядом.

— Ханс-Кристиан, поздоровайся с дедушкой, — бабушка запихивала в рот сумасшедшему мужу еду, принесенную из дома, и промокала его рот полотенцем.

— Здравствуй, дедушка! — малыш вскарабкался на скамью и клюнул в щеку старика. Тот не обратил на внука никакого внимания, продолжал есть кашу с бабушкиной ложки. Привратник тем временем расставил миски с похлебкой на дощатом столе, и постояльцы — их было человек двадцать — принялись за обед. Они ели жадно, отпихивая друг друга локтями, воруя друг у друга хлеб, испуганно озираясь по сторонам.

— Бабушка, а меня Господь Бог только что поцеловал! — заявил внук.

— Куда поцеловал? Когда? Кто? — удивилась бабушка, не прерывая кормежки. Дедушка ни на что не реагировал, но ел с аппетитом.

Ханс-Кристиан указал на лоб:

— Сюда. Он сказал, что я стану великим человеком. У него на голове еще такой круг был. Нимб называется.

— Кто это? Где он? — посерьезнела бабушка.

— Во дворе на скамейке сидит, — Андерсен подвел старушку к большому окну, по которому хлестал ливень.

Бабушка увидела пустую скамью, одиноко стоящую под дождем на берегу серого вспененного моря.

— Там никого нет.

Мальчик обернулся.

— Но он там был... — упрямо сказал внук.

— А среди этих... — бабушка показала на обедающих, — он есть или его нет?

Ханс-Кристиан внимательно осмотрел обитателей.

— Среди этих нет. Наверно, улетел к себе на небо, — резонно рассудил мальчик.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался.

— Скорее всего так... — ласково и снисходительно улыбнулась бабушка.

А в это время дедушка малыша напялил на голову пустую миску и запел нечто, напоминающее псалом или молитву. К нему присоединились другие обитатели смиренного дома.

Господи! Дай день прожить,
чтоб голодными не быть,
чтобы было нам светло,
чтобы солнышко пекло...
Ветер, ты не вой, не дуй,
море злое не волнуй,
волн холодных не гони,
рыбаков домой верни...
Боже, дай нам урожай,
не стращай, не угрожай,
мы боимся околеть,
а нам надо уцелеть.
Снег не падай, дождь не лей,
Боже, бедных пожалей.
Мы увечны и убоги,
мы давно сошли с дороги.
Господи, дай день прожить,
чтоб голодными не быть...¹

Сумасшедшие стучали ложками по оловянным мискам, в ритм ударяли кулаками по столу, кто-то дул в ложку, как в свирель, кто-то продолжал усердно жевать.

¹ Стихи Э. Рязанова.

Августовским днем, светлым и жарким, вдоль канала ехала открытая коляска. На потертом кожаном сиденье расположился плотный мужчина, чуть скуластый, с квадратным подбородком, какие бывают у боксеров и скиперов, но ни в коем случае не у немецких книгоиздателей, кем являлся пассажир коляски Клаус Лорк.

Он поглядывал на баржи, которые плыли по каналу груженные углем, песком, овощами. В руках у Клауса визитка с адресом скульптора Бертеля Торвальдсена. Книгоиздатель искал дом знаменитого скульптора. Во дворе, заставленном бюстами, торсами, бочонками со специальной глиной, кучами песка, тиглями, инструментами, коляска притормозила. Издатель ловко соскочил и устремился в коридор, приказав кучеру дожидаться.

Клаус Лорк энергично шагал по коридору. Скрипели половицы под его решительным шагом. Домоправитель Торвальдсена указывал направление гостю. В окнах виднелся сад, где стояли скульптуры. Преклонение автора перед искусством древних греков и римлян ощущалось явно. Какие-то скульптуры еще не были завершены, их накрыли мокрыми тканями. Среди статуй выделялись величественная фигура Коперника с земным шаром в руках и четырехметровая статуя Фридриха Шиллера. Первопечатник Иоганн Гуттенберг строго смотрел на своего потомка-издателя.

Домоправитель открыл тяжелую дубовую дверь. Клаус Лорк вошел и увидел большую, почти пустую комнату, если не считать гигантский женский торс из мрамора и небольшую группку людей, сгрудившихся вокруг странной фигуры, которую стоило описать подробней. В деревянном кресле сидел долговязый мужчина. На нем были бархатные штаны в обтяжку, бархатный сюртук, прикрытый холщовым передником. Руки

мужчины были привязаны к подлокотникам кресла. Верами же закрепили и туловище. Но не это являлось самым странным. У мужчины не было видно головы. На плечах его стояло нечто похожее на деревянный бочонок. Предполагалось, что голова пряталась в этом бочонке. В свою очередь, бочонок не только стоял на плечах мужчины, но еще и был закреплен на четырех металлических подпорках, опущенных к полу. Это инженерное сооружение служило скульптору Торвальдсену для создания гипсового слепка головы. Рядом высился сам Торвальдсен, могучего роста и дюжего телосложения, седой и длинноволосый. Клаус Лорк пожал его руку с большим почтением. Скульптор, радушно улыбаясь, сообщил.

— Ждали мы вас, господин книгоиздатель, ждали... и вот...

Торвальдсен указал на долговязого безголового мужчину. Клаус Лорк удивленно воззрился на сооружение, в котором была упрятана голова сидящего в кресле.

— Как я понимаю, это господин Андерсен? — предположил Лорк.

— Да, это он. Мы уже сидим так минут тридцать... Жидкий гипс застывает примерно около полутора часов, а то и поболее...

Лорк кивнул, но было видно, что он в недоумении. Торвальдсен же продолжал громко, вдохновенно:

— Это для вечности... Мучительная, но необходимая процедура. Дания — маленькая страна, нас мало и мы должны ценить своих героев. Я предложил Андерсену и еще нескольким живым датским классикам сделать их гипсовые головы, — он улыбнулся, — увековечить...

Два подмастерья знаменитого скульптора кружили вокруг бочонка. Один из них пальцем проверил, как

твердеет жидкий гипс. Второй внимательно следил за тростниковыми трубочками, которые тянулись из бочонка.

— Через эти трубочки он дышит, они вставлены в ноздри, — пояснил маэстро.

Скульптор разглядывал палец подмастерья, которым тот ткнул в гипс.

— Ханс-Кристиан, все замечательно! Тут к тебе гость. Но еще часок потерпи... Дышится как? Пошевели пальцами: одним — значит, хорошо, двумя — плохо...

Рука зашевелила одним пальцем.

— А почему он привязан? — поинтересовался Лорк. — Ему, наверно, больно...

— Сдвинуться нельзя ни на миллиметр. Наш враг — трещина в гипсе...

Скульптор предложил книгоиздателю сесть в кресло. На низком столе лежали молотки, стамески и другие приспособления для работы. Клаус Лорк сел, но тут же встал.

— К сожалению, из-за опоздания поезда из Дрездена опоздал и я... это смешало все карты, — быстро затараторил он. — Я тороплюсь. Мне обязательно надо сегодня же ехать в Париж...

— Почему такая спешка. Еще часок, мы снимем гипс, и вы сможете побеседовать...

— Это ужасно, но я должен успеть на сегодняшний парижский, — объяснил Клаус Лорк. — Завтра у меня встреча с господином Дюма. Вы же читали «Трех мушкетеров»?

— Еще бы! — воскликнул Торвальдсен, а Андерсен поднял вверх большой палец — «восхитительно».

— А в четверг я в Лондоне. Там у меня встреча с Чарльзом Диккенсом! — продолжал издатель.

К одному кулаку с поднятым пальцем присоеди-

нился второй кулак. Лорк взглянул на жесты Андерсена, потом на напольные часы. Похоже было, что он растерян:

— Как быть? Мы не оговорили ряд условий...

— Вы что-то хотите сказать господину Андерсену? Говорите... — вмешался Торвальдсен. — Он слышит. Только говорите громко. Он даже может ответить вам движением пальцев...

Торвальдсен сделал жест, приглашая Лорка к общению с бочонком, скрепленным медными крючками. Что-то шепнул двум юношам в замазанных гипсом блузах. Один из них вышел, тут же зашла служанка в белом гофрированном чепчике и внесла поднос с серебряным чайником и яблочным пирогом. Клаус Лорк еще раз взглянул на часы, подошел к Хансу-Кристиану:

— Приветствую вас, господин Андерсен. Наша встреча крайне необычна, но этим она мне и нравится... Вы же сами необычный человек, необычный писатель... Не знаю, что вам известно о нашем издательстве. В Германии нас любят. Упомянутые мною Александр Дюма и Чарльз Диккенс предпочитают печататься у нас...

Клаус Лорк остановился.

— Вы меня слышите?.. — решил проверить Лорк.

Рука Андерсена зашевелила пальцем, подтверждая, что слышит.

— Я хочу издать ваше полное собрание сочинений, — торопливо продолжал немец. — Писал вам об этом. Вы дали согласие... Но есть несколько проблем... Мне нужна ваша подробная автобиография... Могли бы вы ее написать?

Клаус Лорк перевел глаза на руки Ханса-Кристиана. Палец правой руки ответил: «Да». Лорк продолжал обольщать датского сочинителя:

— Немецкий читатель влюблен в ваш романтиче-

ский дух... Но о вашей жизни ничего ему неизвестно... О вас ходят легенды... Мне хотелось бы, чтобы ваша биография соответствовала вашему творчеству. Я понятно говорю?..

Ханс-Кристиан поднял два пальца, покачал ими — «нет».

— Понимаю... Постараюсь объяснить... — издатель говорил темпераментно, в стремительном темпе. — В одной из газет вы рассказывали о детстве... что ваш дед был сумасшедшим, мать прачкой, что она пила и алкоголь убил ее. Это все так печально! И, главное, мрачно... Наш читатель не любит такую действительность... Особенно, когда об этом повествует, я не боюсь сказать — Великий Сказочник. Моя просьба, сочините из вашей жизни сказку... Главную сказку Ханса-Кристиана Андерсена!

Клаус Лорк глотнул чай и надкусил яблочный пирог, Торвальдсен закивал головой.

— Ханс-Кристиан, напиши миф... — Торвальдсен включился в переговоры. — Вот я уже полвека совсем не вижу этот мир (показывает пальцем в окно), живу среди древних греков, общаюсь с Праксителем...

Скульптор повернулся к книгоиздателю:

— Он напишет...

— Чтобы успеть к парижскому поезду, я должен спешить... — Лорк приблизился к Хансу-Кристиану. — О гонораре не волнуйтесь... мы договоримся... автобиография подробная! Даже если она займет весь первый том, нас это не испугает... Но, повторяю, читателю нужна ваша жизнь такая... — тут Клаус Лорк указал на пирог, — как этот сладкий яблочный пирог.

Книгоиздатель осторожно прикоснулся к руке Андерсена:

— До свиданья, очень жду...

Эльдар РЯЗАНОВ

Лорк кивнул подмастерьям Торвальдсена, направился к выходу, в дверях раскланялся со скульптором и вышел.

Торвальдсен и его подмастерья, определив, что гипс затвердел, приступили к дальнейшей процедуре...

— Терпи, Ханс-Кристиан, будет больно. Но ради вечности можно потерпеть, — и скульптор взял в руки молоток и стамеску...

И вот согласно современным веяниям в искусстве, когда действие свободно перемещается из одной страны в другую, переносится из одного столетия в предшествующее или последующее, перенесемся и мы, дорогой читатель, из Копенгагена 1840 года на двадцать один год назад, когда Хансу-Кристиану было четырнадцать лет и жил он в своем родном городке Оденсе, что на острове Фюн. Ведь всем известно, что Дания раскинулась на трехстах островах и на каждом острове, как это ни удивительно, люди говорили на одном и том же языке, а именно на датском...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Холм на берегу узкой речки зарос бурьяном, лопухами и крапивой. На соседнем поле лениво вертела крыльями ветряная мельница. А тут у заброшенного амбара с земляной крышей несколько мальчишек, заломив руки долговязому и носатому пареньку, с криками и смехом заталкивали его в одну из бочек. Ханс-Кристиан, — а это был наш герой, — брыкался, как мог, но врагов было больше ровно в шесть раз. Опустив бочку набок, мальчишки столкнули ее с холма. Она покати-лась, набирая скорость. Ханс-Кристиан внутри бочки вертелся, как уж, но выбраться было невозможно. Наткнувшись на камень, бочка взлетела, упала в речку и стала тонуть. Под хохот и улюлюканье Андерсен с трудом выбрался из нее. И тут же рядом с ним, поднимая фонтаны брызг, в реку посыпались комья земли и камни. Мальчишки вели обстрел. И вдруг, завидев всадника в красном мундире, медленно пересекающего скошенное хлебное поле, они сорвались с места и помчались к лесу. Ханс-Кристиан, оступаясь и карабкаясь, выбрался, наконец, из холодной воды на берег и стал аккуратно раскладывать исписанные столбиком мокрые листы бумаги. За этим занятием его и застал полковник Гульдберг. Он спешил и, прихрамывая, подо-

шел к обрыву. Мокрый, грязный, с окровавленной губой и ссадинами на щеке и лбу, Андерсен бережно сушил бумажные листы со своими стихами.

Гульдберг внимательно разглядывал подростка: глаз кровоточит, ноги исцарапаны, одежда порвана, глубокая царапина на лбу.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил полковник.

— Хорошо! — буркнул Андерсен не слишком вежливо.

Полковник показал на мальчишек:

— Это они? За что они тебя так?

Ханс-Кристиан молчал.

— Ты, что, не хочешь со мной разговаривать?

Андерсен бережно складывал промокшие листы.

— У тебя нет друзей? — поинтересовался Гульдберг.

Ханс-Кристиан с трудом взбирался на холм.

— Почему же? Есть... это мои стихи, они друзья... Мои куклы, они артисты... Еще у меня друг Шекспир...

— Шекспир? Поэт? Он же умер давно...

Андерсен усмехнулся:

— Не для всех...

— С тобой всегда интересно говорить! — полковник улыбнулся. — Хочешь, я припугну твоих мучителей?

У полковника на мундире много боевых орденов, он невысок, жилист, правая нога чуть короче левой, видимо, это след ранения.

— Не надо, — отказался молодой поэт. — Вы можете дать мне подержать вашу саблю?

Полковник протянул подростку ножны. Тот вытащил саблю из ножен, лицо его перекосилось, он побежал, размахивая саблей вслед за мальчишками, которые находились на опушке в полусотне шагов, и заорал:

— Я вас не боюсь! Слышите, я вас не боюсь!

Андерсен изо всех сил грозил врагам холодным оружием.

Из плотной кучки мальчишек посыпался град ругательств:

— Сумасшедший! Поймаем, яйца оторвем! Певец драный! Дед твой идиот, и ты идиот! Поэт хренов!

Полковник отобрал саблю у Ханса-Кристиана и пригрозил огольцам:

— А ну, брысь отсюда!

Те сиганули в лес. Андерсен победно засмеялся. А Гульдберг тем временем читал размокшие листы с его стихами.

— Ты не только поешь, ты, оказывается, еще и стихи сочиняешь... Хорошие стихи, — заключил полковник. — Молодец!

— Я знаю, — улыбнулся окровавленным лицом Ханс-Кристиан.

— Только грамотности нет, — Гульдберг поставил на место молодого зазнайку...

Ветряные мельницы усердно размахивали крыльями. Около мельниц выстроилось несколько крестьянских подвод, нагруженных мешками. Мимо по стерне, тронутой инеем, легко бежала девушка — длинноногая, стройная, волосы ее развевались по ветру. Она пронеслась по окраинной улице мимо коз и коров, шедших по пыльной дороге, спугнула кур, вбежала во двор, где ее встретило возмущенное гоготание двух гусей, и остановилась около маленького домика. Она приблизилась к нему, встала на цыпочки и осторожно заглянула в окно...

В бедно обставленном жилище на полу сидел знакомый нам подросток Ханс-Кристиан. В каморке стоял верстак с инструментами и приспособлениями для

башмачного дела, в печке ярко полыхали дрова. По полу ковыляла хромая ворона. На входной двери со стороны комнаты красовался наивный пейзаж: капустное поле на берегу речки, на поле стоят большеглазые дикие звери, в которых без труда можно угадать слона, льва и носорога. Ханс-Кристиан поднял с пола деревянную чурку с нарисованными углем усами и глазами, над «лицом» был приклеен пучок пакли, изображающий кудри. У другой самодельной куклы волос из пакли было больше, на губы не пожалели красной краски, а кусок тряпки на чурбаке означал платье, — ясно, что это была женщина.

— О мой возлюбленный король! — писклявым голосом провозгласил кукловод Ханс-Кристиан. — На ком ты понесешься сражаться с сарацинами? На слоне, льве или носороге?

Андерсен с двумя куклами проскакал к двери.

— Конечно же, на льве! — грубым мужским голосом отвечивал король. — Я же Ричард Львиное Сердце! Неверные увидят льва и разбегутся в ужасе и страхе...

В окне показалась девичья голова, но увлеченный представлением автор и исполнитель не заметил девушки.

— О, мой драгоценный Ричард Львиное Сердце, — пискляво задекламировал Андерсен. — Я буду ждать тебя всю жизнь.

— О, моя дорогая леди Анна, — пробасил в ответ король, — вот увидишь, я отыщу гроб Господень...

Тем временем девушка открыла дверь, пересекла комнату и уставилась на подростка.

— В куклы играешь... Смешно, — вымолвила девушка.

— Это не куклы! — с досадой, что прервали представление, сказал Ханс-Кристиан, — это актеры. Они мою пьесу играют... Ты кто?

— Ты меня не знаешь? — девушка спросила и сама же ответила: — Не знаешь! Все скрывают меня от тебя... Я ведь воровка...

— Воровка? — изумился Андерсен.

— Да... Хочешь, научу тебя воровать?..

Ханс-Кристиан встал с пола, удивленно посмотрел на пришедшую незнакомку. Она была старше него года на три-четыре. Так же долговяза и длинноноса.

— А у нас ты ничего не украдешь? — осторожно спросил драматург, режиссер и артист.

— Да что у вас красть, — пренебрежительно улыбнулась девица, оглядывая нищенскую обстановку. Она наклонилась к вороне, которая вспорхнула на стол. — Разве что эту хромую ворону?..

На всякий случай Ханс-Кристиан взял ворону в руки.

— Ее зовут Клара. Она — мой друг.

Ханс-Кристиан сделал жест пальцем, и ворона послушно каркнула два раза.

— Видишь?

— Здорово! — восхитилась девушка. — Понимаешь, твой дом немножко и мой. Ведь твоя мама — моя мама тоже...

Ханс-Кристиан не понял.

— Тоже... Как? — спросил он, поглаживая ворону.

— А так, — принялась объяснять воровка. — Я твоя сестра. Но родилась от другого... мужчины... — она засмеялась недоумению Андерсена.

— Почему я об этом не знал? Мама мне ничего не говорила, — подростка одолевали сомнения.

— В этом доме меня не любят... И ото всех скрывают. Я росла далеко отсюда, в детском приюте. А теперь выросла, живу сама. Нянчу чужих детей. Иногда вору... К тебе пришла познакомиться. Познакомилась. Теперь пойду.

Она подошла к двери, примитивно разрисованной фигурками зверей.

— Дверь чудная, — сказала сестра.

Ханс-Кристиан произнес с гордостью:

— Ее мой папа нарисовал!

— А правда, что он ушел на войну вместо какого-то богача за деньги?..

Андерсен подтвердил кивком головы.

— На кой черт деньги, если он погиб, — рассмеялась сестра. — Он что, дурак был?..

— Сама дура! — обозлился подросток. — Мы жили на эти деньги три года... Уходи!

— Уйду. Не сердись... Меня, между прочим, Карен зовут.

— И ты воруеть? По-настоящему?!

Карен с видом превосходства достала из кармана платья чашку, украденную только что в каморке Андерсенов.

— Вот это да! — Ханс-Кристиан пришел в восторг.

— Пойдем покажу!..

И вот Карен и ее братец выбежали из узкой улицы на площадь городка. С церковной колокольни слышался звон. Они подбежали к бакалейной лавке Йоктона. Там продавалась всякая нужная и ненужная мелочь.

— Зайдем в лавку... Выбери, что хочешь, я вынесу и сделаю тебе подарок... Ты же брат... Как хорошо, что ты есть...

С этими слова Карен неожиданно обняла брата и прижалась к его щеке. Ханс-Кристиан замер. Он впервые почувствовал прикосновение женского тела, по его спине пробежала дрожь. Небольшие, упругие груди девушки прижимались к его груди. Ему стало приятно и

неловко, он покраснел. Карен почувствовала это и отстранилась от брата.

— Ну, полно, полно, — пробормотала она. — Зайдем!

Андерсен приходил в себя от незнакомого и сладостного прикосновения.

— Нет, Карен... Не надо... Воровать — это скверно.

Перед тем как шмыгнуть в магазинчик, Карен пренебрежительно поглядела на брата:

— Понятно... Маменькин сынок... Вся ваша семья терпеть меня не может. А я хотела брату... красивую тетрадь... Ты же у нас сочинитель!..

Ханс-Кристиан польщенно зарделся.

— Стой тут! — и сестра нырнула в дверь.

Андерсен устроился у окна. В окно он увидел, как Карен поздоровалась с толстым бакалейщиком и стала что-то перебирать на прилавке. Лавочник, казалось, не обращал на девушку внимания. Сестра выбрала большую тетрадь в картонном переплете и незаметно показала ее Хансу-Кристиану. Тот обомлел. Карен с тетрадью в руках двинулась к двери. И тут толстый Йоктон вцепился ей в волосы и стал орать. Карен завопила от боли. Рыжий хозяин бил девушку наотмашь.

— Мерзавка! Негодяйка! — надрывался лавочник. — За такое надо руки рубить!..

Хансу-Кристиану хотелось ворваться в магазин, вырвать сестру из лап толстяка, но вместо этого он трусливо оглянулся по сторонам и побежал к дому. На душе у него гадко и постыдно, но страх был сильнее...

Когда Андерсен вбежал в родительский дом, он был полон дыма. Густой черный дым валил из печки. Анна-Мария заливала топку водой из ведер. Увидев сына, она закричала:

— Уйди отсюда!

— Мама, пожар?!

Тут же суетилась бабушка. Ханс-Кристиан бросился спасать свои сокровища.

— Папины книги... Мои пьесы... — он подбежал к полке и сгреб в охапку книги и тетрадки. Потом устремился к своему кукольному театру и схватил деревянных актеров. Роняя чурки и подбирая их с полу, он, наконец, добрался до двери и выскочил на свежий воздух. Из комнаты во двор валили клубы дыма.

Бабушка снимала с веревок постиранное белье:

— Такое белье не примут, придется перестирывать.

Мать вышла из дымной комнаты и, сдергивая закопченные простыни с веревок, остервенело кидала их в ушат.

— Эти Карлсоны такая вздорная семейка! — в сердцах воскликнула она и добавила: — Дымоход засорился. Похоже, туда попала та хромая ворона... Ни туда, ни сюда...

— Моя Клара! — вскричал Ханс-Кристиан и помчался в дом.

В густом черном дыму он добежал до печи, засунул в нее голову и попытался заглянуть в дымоход... Мать вбежала следом. Сбросив на пол горячие кастрюли и сковородки, Андерсен вскочил на раскаленную плиту и устремился в дымоход.

— Задохнешься!!! Не пуцу! — кричала мама.

— Обгоришь! — пискнула бабушка.

Но Ханс-Кристиан пытался влезть в узкий проход, соединяющий топку с трубой на крыше.

— Клара! — зывал подросток.

Нашупав в дымоходе выступы, он протиснулся наверх и его длинные ноги исчезли из вытяжной дыры. Он вполз в дымоход... В кромешной темноте сделал еще

несколько движений вверх. Вытянутая рука наткнулась на чугунную решетку, на которой лежала ворона. Надежды, что она жива, не было, но Ханс-Кристиан кулаком сбил решетку, та сделала кувырок, и ворона оказалась в руках мальчика. Он полез не вниз, а вверх. Вскоре Ханс-Кристиан вылез из дымохода наружу. Спрыгнул с крыши на землю и получил оплеуху. Мать со злостью смотрела на его единственный наряд, вымазанный черной сажей.

— Зачем?! Из-за хромой спекшейся вороны... — в сердцах воскликнула Анна-Мария.

Бабушка отобрала у него ворону, затрясла ее, словно надеясь оживить:

— Все! Твоя Клара больше не будет хромать...

Ханс-Кристиан взял в руки птицу, сел с ней на землю. Открыл клюв, подул, словно хотел сделать вороне искусственное дыхание. Мать вновь вошла в дом. Ханс-Кристиан со слезами на глазах, поняв, что помочь уже нельзя, положил Клару на землю. Потом взял лопату и принялся копать могилу для Клары. Мать вышла на крыльцо, одеялом разгоняя дым.

— Приходила Карен... Моя сестра, — копая ямку для вороны, сказал Ханс-Кристиан.

— Зачем она приходила?

Сын, продолжая копать, не смотрел на мать.

— Откуда она, мама? И где она была?.. Почему я про нее ничего не знал?

Анна-Мария намочила полотенце в огромной кадке, принялась стирать сажу с лица мальчика. Она вздохнула:

— Твоя сестра жила в другом городе. Недавно приехала, но я запретила появляться у нас.

— Почему, мама?

— Тебе незачем это знать... — Анна-Мария уклонилась от ответа.

— Мама, ты знаешь... я буду писателем... я все должен знать... Кто отец Карен?

Мать еще раз вздохнула глубоко-глубоко и принялась рассказывать:

— Шел солдат, встретил прачку. Солдат был голодный, прачка добрая... Пустила солдата в дом... Родилась Карен. Вот и все...

Мать виновато улыбнулась сыну и продолжала:

— Я долго прятала растущий живот... Потом, когда спрятать стало невозможно, меня камнями закидали. Я не люблю твою сестру... Она напоминает мне о плохом. А тебя люблю... Если будешь писателем, не пиши об этом...

Посмотрела на притихшего мальчика, потрепала его по волосам...

Ханс-Кристиан мчался на площадь к лавке Йоктона. Вечерело. На торговой площади уже не было ни покупателей, ни торговцев. Рыночные прилавки были пусты. У толстого бакалейщика последний посетитель расплачивался с лавочником. Ханс-Кристиан отошел от лавки. Неожиданно для себя нагнулся, поднял увесистый камень и метнул его в освещенное окно магазинчика. Зазвенело разбитое стекло. А потом мститель побежал в тень деревьев...

Вдали ветряная мельница машет крыльями. Около нее снуют крестьянские подводы. По бывшему картофельному полю идут Ханс-Кристиан и Анна-Мария. Они собирают остатки картофеля. Наклоняясь, мать и сын поднимают клубни, кладут их в заплечные мешки. Мимо них проезжают три нарядные фуры. Рядом с кучерами сидят веселые люди, бьющие в барабаны и дующие в дудки. На одной фуре надпись: «Театр».

— Театр! Из Копенгагена! Люди добрые, приходите на наши представления! — кричал во все горло актер на передней фуре.

— Мама, театр! — замороженно сказал Ханс-Кристиан, не сводя восхищенного взора с кавалькады. — Настоящий театр!

— В театре люди — дерьмо! — откликнулась Анна-Мария. — Стирала я на одну артистку, так она смылась, не заплатив...

Около театра разгружались фуры. Артисты сами таскали в здание куски декораций, ящики с костюмами, бутафорское оружие, музыкальные инструменты, осветительные фонари для рампы. Из пассажирской повозки показалась красивая женщина лет двадцати пяти — балерина мадемуазель Шалль. Наш герой, конечно, уже был тут как тут. Увидев нарядную красавицу, Ханс-Кристиан просто обмер. Он не мог отвести от нее глаз, потому что подобное диво видел впервые. Элегантный француз-балетмейстер и один из директоров театра — мсье Бурнонвиль галантно подал примадонне руку, помогая ей выйти из повозки.

— Этот ваш город Оденсе, — сказала мадемуазель Шалль с гримаской, — жуткая дыра, господин Бурнонвиль. Хочется обратно в Копенгаген. А еще лучше — в Париж.

Бурнонвиль заискивающе успокаивал примадонну:

— Это второй город в Дании, мадемуазель Шалль. И потом... у нас здесь всего семь спектаклей...

— Вы же знаете, Луи, всегда приятно покапризничать... — бросила уходя любимица публики.

Проводив танцовщицу до дверей, Бурнонвиль заметил долговязого подростка, который с восхищением

взирал на балерину, разглядывал декорации и театральный люд.

— Хочешь поучаствовать в представлении? — снисходительно спросил балетмейстер.

— Да! Хочу! Очень хочу!!!

— Тогда приходи вечером. Надо будет махать мечом. Я покажу. Да... (балетмейстер достал из фуры сверток) вот афиши... Расклей их по городу...

И вместе с афишами Бурнонвиль дал подростку несколько мелких монет...

Вечер. Светильник, залитый ворванью, освещал убогую комнату родительского дома. Анна-Мария колдовала у печки, готовя ужин, а бабушка накрывала на стол. В это время пожаловал Ханс-Кристиан. По тому, как он боком протиснулся с улицы, бабушка сразу почувствовала неладное.

— Где ботинок, потерял? — спросила старуха, увидев, что у внука одна нога босая.

Анна-Мария, ставя кипящий горшок с супом на стол, заметила, что нога у Ханса-Кристиана окровавлена.

— Покажи ногу...

Ханс-Кристиан послушно поставил на скамейку раненую ногу. Глаза Анны-Марии наполнились слезами:

— Где тебя носит допоздна? Опять в театре болтался? Где ботинок?

Ханс-Кристиан молчал.

— Отвечай, когда мать с тобой говорит, — вмешалась бабушка.

В это время входная дверь распахнулась, в комнату вошел Гундерсен, отчим Ханса-Кристиана, тоже сапожник, как и умерший отец подростка. Он вошел в веселом настроении и привычно, с удовольствием, ударил ногой дверь с нарисованным капустным полем и

Кинопробы. Взрослый Андерсен — *Сергей Мигицко*
и молодой Андерсен — *Станислав Рядинский*

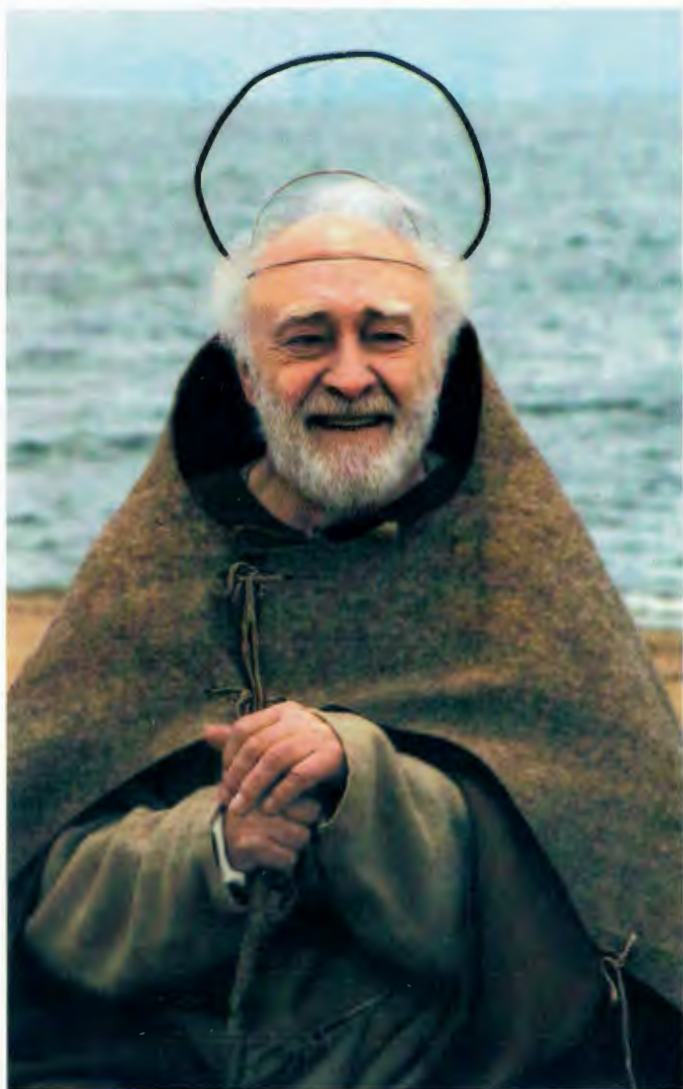

Бабушка с внуком идут навещать деда

«Господи, дай день прожить, чтоб голодными не быть...».

Песня-молитва в смиральном доме

Человек с добрым лицом.

Вячеслав Тихонов

Маленький Андерсен — *Ваня Харатьян*

Сестра Ханса-Кристиана — *Галина Тюнина*

Молодой Андерсен

Дверь в родительском доме,
разрисованная отцом Ханса-
Кристиана

Бабушка — Людмила Аринина

Мама Ханса-Кристиана — *Оксана Мысина*

Сцена с бочкой

Ханс-Кристиан вытащил саблю из ножен и заорал мальчишкам: «Я вас не боюсь!..»

«Я не люблю твою сестру.
Она напоминает мне о плохом. Я тебя люблю...».
Мать и сын

Скульптор
Бертель
Торвальдсен —
Юрий Цурило

Бурнонвиль —
Федор
Чеханков,
Андерсен —
Станислав
Рядинский

Бежать с привязанным за спиной бутафорским
деревом было нелегко

Сцена на суконной фабрике

Гадалка —
Лия
Ахеджакова

Отъезд из Оденсе.
«Купи ботинки
деду, — кричала
бабушка. —
Нога на полпальца
длиннее, чем у
тебя». Мать —
Оксана Мысина.
Полковник
Гульдберг —
Леонид Тимцуник.
Бабушка —
Людмила Аринина

Адмирал Петер Вульф —
Андрей Толубеев

Прима-балерина м-ль Шалль —
Наталья Щукина

Пение
молодого
Андерсена
поразило
гостей
м-ль Шалль
и саму
хозяйку

После еврейского погрома. Хозяин магазина
игрушек Мельхиор — *Владимир Пинчевский*
и молодой Андерсен

Сьюзен
Мейслинг,
жена ректора
гимназии —
*Мария
Аронова*

Ректор гимназии Симон Мейслинг,
злой гений Андерсена — *Олег Табаков*

Приют в
лебедином
домике

«Наставь рога ректору, ты же хочешь этого...».
Сьюзен не теряла времени даром

«Учите его, господин ректор!
С ним вы добьетесь большего»

симпатичными дикими зверями. Ханс-Кристиан порывисто соскочил со скамейки и запальчиво крикнул:

— Не смейте бить эту дверь ногами!

— О-о-о! — насмешливоотреагировал отчим.

Анна-Мария хмуро взглянула на мужа, но продолжала отчитывать сына. При этом она накладывала повязку на раненую ногу.

— Опять мальчишки тебя отлупили?! В прошлый раз зуб себе сломал!..

— Это ему сломали, — уточнил Гундерсен, накладывая похлебку в свою тарелку.

— Два дня назад пришел весь в синяках, — добавила обвинений бабушка.

— Потому что шляется без дела. Парни его возраста гнут спину, деньги домой приносят... А он, видите ли: «Я — артист, я — певец, я — поэт...» Как тут не надавать по шее?.. Увидишь, однажды придет домой с оторванным ухом или носом.

У Андерсена всегда глаза были на мокром месте. Чуть что, и из глаз уже текли слезы. Вот и сейчас...

— Вообще-то такой нос подкоротить неплохо бы! -- и отчим заржал, довольный удачной шуткой.

— А ты помалкивай, — Анна-Мария грозно повернулась к мужу. — Это мой сын, а не твой. Все! Кончились твои театральные гулянки, — это уже относилось к сыну. — Завтра не явишься домой до захода солнца... Ты меня знаешь.

И Анна-Мария для убедительности продемонстрировала свою тяжелую руку.

— А где ботинок потерял? — подхватила бабушка. — Дедушка твой, хоть он и сумасшедший, разве должен лежать в гробу босой? Нет! А я его ботинки отдала тебе.

— В чем будем деда хоронить?! — распаялась мать. — Ну, отвечай.

— Да не хорони ты старика раньше срока-то, — беспечно вмешался Гундерсен.

Мать, мощная, сильная женщина, не посмотрела на то, что муж был на семь лет моложе, сжала кулаки и отвесила сапожнику тумак.

— Не трепи языком. Сам-то откуда сейчас заявился. Знаю, с кем шляешься... Встречу с этой тварью... утоплю обоих!

— Да я у родителей был... — оправдывался Гундерсен.

— Тоже хороши гуси! — Анна-Мария не замедлила врезать и по родителям мужа. — Мол, стара я для тебя... Да еще и с готовым ребенком!

И Анна-Мария ловко проглотила селедку целиком.

— Ну, я пойду, — сказала бабушка, которая жила отдельно. — Ты же башмачник! Смастерил бы парню второй ботинок. Эх, был бы жив его отец!..

И бабушка скрылась в темноте...

Ночь. Ханс-Кристиан затаился на своей лежанке, читает при свечке, в который раз, Вальтера Скотта. А с койки, где мать спит с Гундерсеном, слышится возня, доносятся тихие голоса.

— Ты чего в портках-то улегся? Снимай...

— Устал я сегодня... Что-то не хочется...

— Снимай и иди ко мне, — командовала мать.

Андерсен отвлекся от книги и сжал зубы.

— Малец-то не спит...

— Не твое дело! — Мать приподнялась на локте и цыкнула на Ханса-Кристиана. — А ну, хватит читать! Гаси свет!

Сын послушно задул свечу и повернулся лицом к

стене. Его длинные босые ноги свисали над коротким топчаном.

— Залезай на меня! — руководила Анна-Мария.

— Что же ты такая ненасытная! — вяло сопротивлялся муж, выполняя приказания.

— Я тебе погуляю со шлюхами, скотина... Ну, давай же!

Через некоторое время послышалось удовлетворенное кряхтение матери:

— Стервец! Ох, стервец! Ну, стервец!

По лицу Ханса-Кристиана катились слезы. Он накрыл лицо одеялом...

На сцене маленького театрिका в Оденсе показывали балет из античной жизни «Похищение римлянок». Молодой красивый патриций поддерживал танцующую очаровательную римлянку Валерию, роль которой исполняла примадонна — мадемуазель Шалль. Среди гостей, облаченных в тоги и туники, возвышался длинный подросток Андерсен в шлеме и костюме вольноотпущенника. Он самозабвенно любовался балериной, в которую был, конечно, влюблен. На скамейках в тесноте зала сидела публика попроще. Лишь у некоторых зрителей, принадлежавших к «сливкам» общества в Оденсе, были отдельные стулья. Среди «сливок», разумеется, восседал и полковник Гульдберг со своей дородной женой. Супруги были в восторге от представления. Тем более что на сцене подвизался и их юный протеже Ханс-Кристиан.

Неожиданно Ханс-Кристиан заметил в окне зрительного зала, что солнце садится, и вспомнил угрозу матери. Он двинулся было со сцены за кулисы, но тут...

Музыка заиграла тревожно, и на сцену ворвалась толпа полуголых вооруженных варваров. Началась схват-

ка. Варвары оттеснили пытавшегося удрать к маме вольноотпущенника, схватили его и привязали к бутафорскому дереву.

— Отпустите меня... Меня мама ждет, — умолял статист, но тщетно. — Варвары, развяжите меня!

Оркестр играл громко, и зрители, по счастью, этой отсебятины не слышали.

Воспользовавшись тем, что на сцене царила суматоха, шла рубка, трупы громоздились друг на друга, Ханс-Кристиан вместе с деревом, к которому был прочно привязан и от которого не смог избавиться, семеня ногами, как века спустя станет танцевать ансамбль «Березка», испарился за кулисами.

И вот он выбежал из театра на вечернюю улицу своего родного города Оденсе. Прохожие с удивлением взирали на нелепую фигуру в шлеме и дурацком костюме, да еще с деревом за спиной. И вдруг Ханса-Кристиана заметили его личные враги — мальчишки. С улюлюканьем они помчались за ним. Ханс-Кристиан, таща на себе дерево с пышной кроной, бежал из последних сил. Силы его таяли! Один из мальчишек, волочивший за хвост дохлую кошку, метнул ее в Андерсена. И попал... Приятели заржали и стали орать:

— Эй, поэт! Прочти стихи про сиськи! Артист дерьмовый!

Они окружили подростка. Началась потасовка. Андерсен крутился вокруг себя и кроной дерева наносил удары по врагам, но те сумели войти с артистом в прямой контакт. Мальчишки сладострастно лупили Андерсена.

И вдруг из переулка на пустырь выскочила сестра Андерсена Карен. Она появилась, как бог из древнегреческих пьес, оказавшийся «в нужном месте, в нужный

час». Карен схватила за ворот самого сильного из мальчишек и принялась лупцевать его. Враги разбежались.

— Отвяжи дерево, — попросил брат спасительницу.

— Ты что, с ума сошел? — Карен уставилась на дерево.

— Я в театре выступаю, — объяснил Ханс-Кристиан. Свежие раны на лице кровоточили.

— Деньги хоть тебе платят? — поинтересовалась Карен, освобождая брата от пут.

Андерсен помотал головой.

— Она такая красивая... И так танцует!..

— Она? — повторила сестра и улыбнулась. — Растешь, братец! — Она дала дружеский подзатыльник. — А я уезжаю. В Копенгаген! Счастья искать. Матери передай, что уехала...

— Я тоже скоро уеду в Копенгаген, — похвастался Ханс-Кристиан.

— Вот там и увидимся! — беспечно сказала сестра и побежала по пустырю.

Андерсен с завистью смотрел ей вслед. А Карен удалялась. Время от времени она оборачивалась и прощально махала брату рукой...

Страшный грохот.

Ханс-Кристиан и бабушка, стоящая рядом с ним, зажали руками уши. Они находились в грязной низкой зале с окнами, завешанными рваными занавесками. Между десятком станков, ткущих сукно — ткачи, мастера, подмастерья — шустро сновали, делая свое дело. Полуодетые, потные женщины помогали работникам. Именно сюда, в этот ад, бабушка и привела своего внука, чтобы устроить его на работу. Внезапно грохот стих, ткацкие машины остановились. Хозяин объявил пере-

рыв на обед. Достав из своих торб и мешков скудную пищу, мастеровые потянулись во двор.

Там, во дворе, они немедленно принялись за свою скудную еду. С деревьев медленно сыпались на землю желтые листья.

Хозяин фабрики подошел к бабушке с внуком.

— Чего пожаловали?

— Вот внука привела... — сказала бабушка. — Он сын башмачника Андерсена. Отец его умер два года назад. Возьмите... на работу.

— Не нужен он мне! — резко отказал хозяин.

— Хоть в ученики. Слезно прошу.

Хозяин пренебрежительно поинтересовался:

— А чего он умеет?

Бабушка принялась «продавать» любимого внука:

— Он грамотный. Пьесы знает. Стихи читает по памяти... танцует... может тяжелую работу делать... да, и еще поет. Как он поет!

Во время этого монолога мастеровые заржали.

— Ты куда его привела, старуха? Танцует?! Ошалела, что ли? — смеялась мастерица с подбитым глазом.

— Ступай в балаган на рыночную площадь. Там пусть и поет! — резонно заметил пожилой ткач.

— Сейчас включат машины, пусть тогда балбес попоет... Вот будет потеха-то... — издевательски произнес подмастерье, ровесник Андерсена.

Вид у него был довольно мерзкий.

— Какие вы все неотесанные! — в сердцах сказала бабушка.

Хозяин разозлился:

— Ты язык-то не распускай!

— Пойдем отсюда, Ханс-Кристиан, — бабушка взяла мальчика за руку.

Но тут случилось непредвиденное. Долговязый

внук сделал шаг вперед, вскочил на телегу, встал в позу и неожиданно запел. Неожиданно не только для всех, но и для самого себя. Чистый, звонкий голос затянул старинную датскую песню. Мальчик пел с чувством. Печальная песня тронула души мастеровых. Кончилась песня. После паузы ткачи загалдели.

— Молодец! Здорово! Давай еще что-нибудь! — слышались голоса.

Ханса-Кристиана вдохновил успех.

— Я мечтаю стать актером. Скоро я поеду в Копенгаген и поступлю на сцену в Королевский театр.

— Вот и представь нам что-нибудь эдакое! Давай, вертись!

— Пусть споет еще одну песню... — разрешил хозяин. — А потом все за работу. У нас тут пока не Королевский театр, — он засмеялся, довольный своей шуткой. — Ладно, — обратился он к бабушке, — оставьте вашего соловья — не съедим...

Поцеловав Ханса-Кристиана, бабушка шепнула:

— Спой, спой... они любят тебя.

Внук начал было петь арию из репертуара недавно гастролировавшего театра, но... Тут к исполнителю приблизился довольно-таки мерзопакостный подмастерье, однолеток Ханса-Кристиана, прислушался к пению и прервал очередную руладу.

— По-моему, он — девчонка! Голос-то, как у мамзели... — гнусавым голосом заявил подмастерье.

И парень ловко обшарил тело Андерсена. Тот смолк.

— Ей-богу, в чистом виде мамзель! — Подтвердил он свою догадку. — Потрогайте... там у него ничего нет... я проверил — нет...

— Мальчик он! Я-то знаю! — возмутилась бабушка.

Андерсен громко запротестовал.

— Оставь меня... Не трогай! Не прикасайся ко мне!
Скотина!

В ответ послышался гогот. Шутка пришлось по вкусу.

— Надо проверить! Разденем его... вернее, ее!.. — на Ханса-Кристиана навалилась дородная ткачиха.

Замечательное развлечение в перерыв увлекло всех. Началась куча мала.

— Девчонка, девочка, барышня, девица... — орал ткач.

Рабочий залез под рубашку певца:

— Грудей вроде бы нет...

Андерсен вопил, брыкался, вырывался, защищался, как мог. Но раззадоренная неожиданным развлечением толпа разбушевалась. Ханс-Кристиан пытался вырваться. Он побежал по пыльной дороге, толпа за ним, его вновь схватили.

— Оставьте его в покое! Не трогайте его! — плакала бабушка.

Подмастерье вопил, подзуживая:

— Сиськи вырастут, если их щипать!

— Да, парень он, я щупал между ног, — пытался урезонить толпу ткач.

— Я сама выясню, есть ли у него пиписька! — молодая мастерица расстегнула штаны Ханса-Кристиана. Тот извивался, хрипел, задыхался.

— И каких она у него размеров? — хохотала ткачиха.

Андерсен извернулся и каким-то чудом выскользнул из толпы мучителей. Побежал. Штаны спадали, он поддерживал их и бежал. Бабушка, обливаясь слезами, семенила вслед за внуком. Подмастерье, начавший этот спектакль, улюлюкал вслед:

— Куда же ты несешься, красавица!

Все хохотали от души: вот уж развлечение так развлечение.

Ханс-Кристиан, рыдая, захлебываясь слезами, спасался от своих палачей. Оглянувшись, крикнул в облако пыли, в котором скрылись рабочие суконной фабрики:

— Вы все — суконные рыла! Суконные рыла! Слышите, суконные рыла! Вы — суконные рыла!

Подбежавшая бабушка обняла его...

Анна-Мария сняла с плиты дымящуюся кружку кофе и отнесла гадалке, которая расположилась на крыльце. Рядом находился Ханс-Кристиан, заинтересованный в результатах гадания больше всех. Вот уже несколько месяцев, как он ежедневно приставал к матери, чтобы она отпустила его в датскую столицу. Мать сопротивлялась, и поэтому пригласили старуху — цыганку, которая прославилась своими предсказаниями на весь Оденсе.

Гадалка понюхала кофе, сказала: «Хороший!» и передала кружку подростку.

— Выпей, сынок, до дна, и я погадаю тебе на кофейной гуще.

В это время разносчица хлеба принесла товар, и Анна-Мария спустилась с крыльца, чтобы купить буханку.

Ханс-Кристиан, давась, быстро опорожнил кружку и шепнул гадалке:

— Тетя! От вашего гадания зависит, отпустит ли меня мама в Копенгаген...

Старуха озорно подмигнула подростку:

— Договоримся.

Анна-Мария вернулась со двора. Села. Заглянула через плечо гадалки в кружку.

— Что говорит кофейная гуща? — спросила мама.

После паузы старуха оторвала глаза от кружки и забормотала:

— Когда мальчик станет взрослым, к нему придет слава. Настанет день, и родной его город Оденсе зажжет в его честь иллюминацию. Но, несмотря на почести, сердце его останется печальным. Жизнь даст ему многое, но не все. То, что дороже всего на свете, будет ему недоступно...

— А что дороже всего на свете? — полюбопытствовала мама.

— Для мужчины... любовь женщины... Давай деньги!

— Всего-то? Вот ерунда, — Анна-Мария задрала юбку и достала из чулка мешочек с монетами. Гадалка тоже задрала юбку и переложила деньги в свой чулок.

В разговор встрял Ханс-Кристиан:

— Слава — вот самое дорогое для меня. Если я стану знаменитым, чего мне еще желать?..

Гадалка улыбнулась:

— Ты еще очень молод. Но наступит день, когда ты поймешь меня... И вспомнишь мои слова.

— Слава может прийти ко мне только в Копенгагене! Может, она уже ищет меня там и не находит... Мама, я должен ехать... — умоляюще произнес сын.

Гадалка согласилась:

— Пусть едет...

— Хорошо, езжай! Что с тобой поделаешь? — с глубоким вздохом сдалась Анна-Мария...

Городские ворота города Оденсе. У ворот стоял дилижанс, готовый к отправке. Почтальон с колокольчиком на груди уселся на козлы, а пассажиры, едущие в Копенгаген дешевым образом, на почтовом, заняли в дилижансе места. Мать и бабушка стояли печальные.

Рядом на плацу под звуки духового оркестра маршировали датские солдаты. У Андерсена лицо обмотано платком. У него флюс, болели зубы.

Полковник Гульдберг вручил Хансу-Кристиану конверт.

— Рекомендательное письмо, как ты просил. Я уж постарался!.. Да... И если тебе там будет невмоготу, вот адрес моего брата в Копенгагене. Счастливо!

И полковник откозырял своему подопечному. Ханс-Кристиан с благодарной улыбкой тоже взял «под козырек». Они пожали друг другу руки, и полковник захромал прочь.

Ханс-Кристиан остался с мамой и бабушкой.

— Это твой любимый яблочный пирог. Пусть копенгагенская жизнь будет сладкой...

И мама показала на пакет в корзине.

Все трое молчали. Доносились звуки военного оркестра, команды да дружный топот солдатских ног.

— Когда ты станешь богатым, купи дедушке ботинки... черные... у него на полпальца нога длиннее, чем у тебя... — и бабушка положила в карман внука несколько монет, которые она скопила на черный день.

— Найди там Карен. Она гувернанткой устроилась, — сказала мама.

— Все-таки сестра... — добавила бабушка.

Анна-Мария вздохнула:

— Безумие отпускать тебя одного в такой огромный город...

— ...в котором ребенок не знает ни души... — подхватила бабушка. — И зубы у него болят...

И вдруг Анна-Мария решительно схватила сына за руку и потащила прочь.

— Не пущу! Никуда не поедешь. Марш домой!

Ханс-Кристиан стал вырываться из рук матери.

— Мама! А что гадалка сказала!? Я уезжаю!

Анна-Мария дала сыну подзатыльник:

— Никуда не поедешь!

Андерсен изо всех сил дернул свою руку. Ему удалось освободиться от цепкой материнской хватки.

— Я тут не останусь! Меня ждет слава!

Анна-Мария попыталась опять ухватить сына, но тот отскочил. Когда она снова подбежала к юноше, тот дал деру. Мать и сын бегали вокруг экипажа под выкрики и улюлюканье пассажиров.

— Паршивец! Неслух! Выпорю! — кричала мать.

И она запустила в сына яблочным пирогом, но... попала в лицо одного из пассажиров. Тот начал ругаться.

Андерсен не отвечал на материнские ругательства, но и не поддавался.

— Оставайся, Ханс-Кристиан! — умоляла бабушка.

— У меня плохое предчувствие! Я отсюда провожала отца в армию. Он вернулся почти неживой... — на бегу кричала Анна-Мария.

— Внук! Милый! Не оставляй нас!..

Ханс-Кристиан продолжал увертываться. Пассажиры начали роптать.

Почтальону — он же кучер — надоело ждать:

— Андерсен! Ну, ты едешь или остаешься?

Андерсен вскочил на облучок рядом с возницей:

— Дядя Карл! Поехали! Трогай!

— Но-о-о! Вперед, поехали! — скомандовал лошадям возница.

Дилижанс тронулся с места. Пассажиры радостно завопили:

— Ура! Вперед!

— Мама! Бабушка! Простите меня! Не сердитесь!

Андерсен. Жизнь без любви

Все будет хорошо... Я буду писать, — надрывался с облучка Ханс-Кристиан.

Почтальон протрубил в свой рожок, экипаж набирал скорость. Заплаканная мать еще некоторое время бежала за дилижансом, потом остановилась.

Бабушка кричала вслед:

— Не забудь! Ботинки для деда! На полпальца длиннее...

Две фигурки стояли у городских ворот. Они становились все меньше и меньше...

ГЛАВА ВТОРАЯ

В сентябре 1819 года Ханс-Кристиан с котомкой за плечами стоял на холме Фредериксберг и смотрел на город своей мечты — Копенгаген. Отсюда столица Дании была видна как на ладони. Соборы, высоченная башня ратуши, причудливое здание биржи, королевские дворцы, каналы и бухты, где плавали корабли со всего мира, широкие улицы, запруженные экипажами, толпы народа поразили четырнадцатилетнего парнишку. Он смотрел на город и взахлеб смеялся, до сих пор не веря, что сбылись его дерзкие желания.

Он хотел крикнуть:

— Здравствуй, Копенгаген! Я приехал!

Но постеснялся. Однако хохотал долго и неудержимо. А потом спустился вниз, в город, и принялся за поиски дома, где жила прима-балерина мадемуазель Шалль. В руке он держал заветный конверт от Гульдберга.

Увидев нужный особняк, Ханс-Кристиан снял с себя платок, который согревал больной зуб, и постучал в дверь. Вскоре появилась служанка.

— Мне к мадемуазель Шалль...

Ханс-Кристиан всматривался в лицо служанки. Ему хотелось, чтобы оно излучало доброту.

— У хозяйки гости, — сухо ответила служанка.

— У меня к ней рекомендательное письмо. От полковника Гульдберга! — и юноша помахал конвертом.

— Пускать никого не велено.

На всякий случай женщина своим громоздким телом перегородила дверь.

— Тогда я сяду и дождусь ее. Гости когда-нибудь уйдут... — у Андерсена не было выхода. Идти ему некуда, приходилось вести себя нахально.

Ханс-Кристиан сел на ступеньку лестницы. Поразмышляв, женщина испарилась. Андерсен устроился поудобней, намереваясь ждать до победного конца. Служанка вернулась довольно быстро и буркнула нелюбезно:

— Проходите.

Только что вкусно отобедав у знаменитой балерины, в просторной гостиной расположилась компания, представлявшая собой художественную элиту датской столицы. Здесь и итальянский тенор Сиббони, назначенный недавно королевским указом директором консерватории, и адмирал Вульф, известный не столько морскими баталиями, сколько своими переводами на датский язык пьес Шекспира, и королевский советник, один из директоров театра Коллин. Все они с интересом воззрились на вошедшего долговязого, бедно одетого юношу со светловолосой пышной шевелюрой. Чем-то диким, необузданным веяло от него.

— У меня к вам рекомендательное письмо от полковника Гульдберга из Оденсе, — почтительно поклонился провинциал.

И Андерсен передал знаменитой танцовщице конверт.

— Но я не знаю господина Гульдберга, — распечатывая конверт, молвила балерина.

— Зато он вас знает. Он видел ваше выступление в Оденсе. И я видел. Это было восхитительно! И я еще расклеивал афиши, — юноша умолчал, что участвовал статистом в нескольких представлениях. Он понимал, что примадонна его не запомнила.

— Тогда другое дело... — иронично произнесла балерина.

— Вы божественно танцевали, мадемуазель Шалль!

Гости, снисходительно улыбаясь, разглядывали странного юношу. Хозяйка дома пробежала глазами письмо.

— Послушайте... — она стала читать вслух: — Дорогая мадемуазель Шалль... Уверен, что вы убедитесь в исключительном таланте этого молодого дарования. Таланты его многогранны... Но главное — он любит театр...

Гости с изумлением слушали письмо.

— Сильное письмо! — откомментировала хозяйка.

— Я сам помогал полковнику сочинить его, — наивно объяснил молодой честолюбец.

— Это еще не все... — и мадемуазель Шалль продолжила чтение: — Не теряйте случая помочь этому молодому таланту, я бы даже сказал, гению! — она усмехнулась саркастически. — Ну, это уже чересчур!

— Не бойтесь, мадемуазель Шалль. Это будет именно так. Увидите, я стану гением, — серьезно объявил Ханс-Кристиан.

— Ну, вы, братец, наглец! — охнул опешивший адмирал Вульф.

— Сильные рекомендации. Значит, мечтаете стать артистом... — сказал директор консерватории.

— Это правда! Я мечтаю умереть в театре! — напыщенно подтвердил Андерсен.

— Думаю, это лучшее, что вы можете сделать для театра... — пошутил вполголоса Вульф.

Андерсен. Жизнь без любви

— Для театра надо иметь талант, — резонно заметил Коллин.

— У меня их много. Могу показать вам, мадемуазель Шалль, и вашим гостям, как я, например, танцую...

— Может, не надо... — жалобно попросила хозяйка.

Ханс-Кристиан был упорен:

— Надо! Надо! Вы не пожалейте! Я покажу вам тот танец, который вы исполняли в Оденсе...

Гости развеселились, энергия молодости, наглости и наива заразила сытно пообедавших мужчин.

— Давайте я поработаю аккомпаниатором. Что вы там танцевали? — спросил у балерины мэтр Сиббони.

— Танец Валерии из «Похищения римлянок».

Сиббони отошел к инструменту, заиграл мелодию.

Ханс-Кристиан стал прыгать, выделять рискованные антраша и даже прошелся на руках. Вульф прикрыл собой стеклянный шкаф с дорогой посудой, не без оснований опасаясь за ее сохранность. Андерсен, кружа на одной ноге, сбил стул, тот покатился по паркету. Наконец, он, чуть сам не упав, закончил свой балетный дивертисмент. Гости озадаченно молчали. Надо было бы выгнать нахального бездаря. Но... Не дав присутствующим опомниться, Андерсен продолжил демонстрацию своих талантов.

— А сейчас я прочту вам свою пьесу. Недавно ее закончил. Герой пьесы — негр. Он душил жену из-за ревнивых чувств. Слушайте. Это сцена в спальне перед удушением.

И он принялся декламировать.

Ж е н а

Но ты меня пугаешь. Ты зловещ,
Когда вращаешь бешено глазами.
Мне страшно.

Негр

О грехах своих подумай.

Жена

Единственный мой грех — любовь к тебе.

Адмирал Вульф с подозрением прислушивался.

Ханс-Кристиан поворачивался вправо, когда говорил муж, и влево, когда говорила жена. При этом он менял тембр голоса с мужского на женский и наоборот.

Негр

За это ты умрешь!

Жена

Бесчеловечно оплачивать убийством за любовь.
Что ты кусаешь губы в испуге?

Негр

Где мой платок, подаренный тебе?

Адмирал Вульф прервал автора:

— Но это же Шекспир! «Отелло». Я переводил эту пьесу с английского на датский!

— Я не знал, что вы переводили, простите, — извинился Андерсен. — Но я и сам знаю, что это Шекспир.

— Так он уже эту пьесу написал. И раньше вас! — Переводчик пытался открыть глаза графоману.

Ханс-Кристиан восхищенно ответил:

— Но это такая прекрасная история, и я решил переписать ее еще раз. Своими словами. Но тоже в стихах...

— И вам кажется, что ваши стихи лучше, чем у Шекспира? — насмешливо спросил Вульф.

Возникла пауза. Андерсен был озадачен. Видно было, что подобная мысль не приходила ему в голову.

— Я не думал об этом, — признался Ханс-Кристиан. — Слова Шекспира, может, лучше, чем мои. Но это пока. Вскоре я стану писать лучше...

— Не сомневаюсь, — Вульф был вне себя.

— Значит, вы еще и стихи пишете... — с подначкой поинтересовался Коллин.

Но Ханс-Кристиан не чувствовал иронии:

— Разумеется. Я уже много написал. Вот, к примеру... — Андерсен приготовился читать еще. — Небольшая поэма...

Тут Сиббони попросту встал на дыбы:

— Юноша, мы верим, но читать больше не надо!

— Может, вам пойти на кухню перекусить? — предложила балерина.

— Я не голоден! — отпарировал юноша.

— Не надо врать, молодой человек. У вас на лице написано, что вы давно не ели. Элиза, — позвала служанку хозяйка, — отведите господина Андерсена на кухню и покормите его.

— Но я еще многое умею! Я могу свистеть... — и он свистнул, — изображать крики ужаса... — и он заорал: — Делать представления с куклами, я могу...

Андерсен прилагал все силы, чтобы вырваться из цепких рук служанки, которая тащила его в кухню, но это ему не удалось. Победила Элиза...

Ханс-Кристиан со слезами на глазах поедал на кухне остатки от званого обеда. Но как! Он закладывал в рот куски пищи и, не жуя, глотал их. Служанка испуганно следила за голодным юношей.

— Осторожно, вы подавитесь!.. — сказала служанка.

А юноша ел, как удав! И одновременно слезы градом катились у него из глаз, он ел и плакал. Внезапно

Ханс-Кристиан порывисто вскочил и бросился вон из кухни. Андерсен вбежал в гостиную, где компания уже начала расходиться.

— Господа! Не уходите. Я еще и пою. Я замечательно пою! Послушайте меня, пожалуйста! — он рухнул перед гостями на колени.

— Вот как! Что же вы поете? — участливо спросила балерина.

— Может, хватит. Пожалеем нашу несравненную хозяйку, — отпор адмирала был решительным.

Но Коллин пожалел провинциала:

— Пусть споет. Дадим бедняге еще один шанс.

— Я спою нашу народную песню «Лучший кузнец».

Гости уже стояли: Вульф оделся, Коллин держал в руках плащ, Сиббони намеревался раскурить сигару...

Кому-то юноша надоел, а кто-то готов развлекаться им и далее. Сиббони уселся за рояль и начал наигрывать мелодию. По лицу Андерсена текли слезы. Он запел:

Объехал весь свет я на резвом коне,
Любовь я искал на чужой стороне...
Был я в горах, степях, городах,
Плакал о той, что снилась в мечтах...
Как горько мне.

Коня своего я не раз подковал,
Но ту, что искал, я нигде не встречал.
В ближнем селе любовь я нашел,
Ради которой мир обошел...
Глупый дурак!..

Я встретился с нею и все ей сказал,
И в дивных глазах заблестела слеза...
Стал я в деревне первый кузнец!
Стал я в округе лучший отец:
Десять парней! Как счастлив я!¹

¹ Стихи Э. Рязанова.

— Да-а-а... Голос — ваше богатство! Зачем вам танцевать, писать, у вас в глотке сидит соловей... Юный, неокрепший, но соловей... — И Коллин потрепал юношу по плечу.

Остальным гостям тоже понравилось пение Ханса-Кристиана.

— Не ожидал! — и адмирал пожал руку солисту.

— Bravo! Bravo! — мадемуазель Шалль была в восхищении.

— Жаль, что голос скоро может пропасть... — сказал Сиббони. — Через год-два юношеские альты, сопрано куда-то исчезают. В персидских гаремах по сей день поющих мальчиков кастрируют... Кстати, сколько вам лет?

— Скоро пятнадцать.

— Кто ваши родители? — поинтересовался Коллин.

— Папа умер. Он был сапожником.

— А мама? Она жива? — участие балерины было неподдельным.

— Да! Она прачка! — с легким вызовом ответил Андерсен.

— Идите с Элизой на кухню. Перекусите!

— Да он уже все съел, — улыбнулась служанка, сменившая гнев на милость.

— Ну, угостите его чем-нибудь вкусеньким, — распорядилась хозяйка. — А мы тут подумаем, чем вам помочь...

Вечерело. Андерсен вышел из дома мадемуазель Шалль обнадеженным и сытым. Первый его день в Копенгагене показался юноше очень долгим, но удачным. Он брел по улице в поисках места, где можно было бы переночевать. Гостиницы и постоялые дворы были ему не по карману. Но он утешался, что скоро его примут в театр, — гости балерины обещали за него похлопотать.

Мысль, что он скоро будет получать жалованье, очень грела Ханса-Кристиана. Как вдруг... О это «вдруг!» Человек, как правило, не ожидает того, что с ним вдруг может приключиться...

Из переулка на улицу, по которой двигался провинциал, выбежала взъерошенная разношерстная толпа. Во главе ее шел заводила в шляпе, сапогах и дубиной в руке. Он орал:

— За мной, граждане! Разнесем жидовские заведения в щепки...

В толпе было человек пятьдесят. У некоторых были ружья, топоры, рогатины. Все были возбуждены и что-то кричали.

— На охоту? — спросил на бегу Ханс-Кристиан.

— Еще на какую! На славную охоту!.. Парень, присоединяйся к нам!

И парень присоединился...

Стадное чувство охватило юношу. Он не совсем понимал, куда идут эти люди, но хотел быть с ними.

Ханс-Кристиан слушал выкрики, странные для его уха, не совсем ему понятные. Тем более что слово «жид» он услышал впервые.

Разъяренная толпа кричала:

— Нашего Христа распяли!

— Хватать надо за горло и давить, пока не перестанут дрыгаться...

— Громи лавочников! Бей жидов! Спасай Данию!

Призыв громить лавочников и спасти Данию пришелся подростку по душе. После истории с Йоктоном Андерсен невзлюбил торгашеское сословие. Орда остановилась около дома, где размещался магазин игрушек под вывеской «Мельхиор и сыновья». Несколько человек вломились в жилой подъезд этого дома, и вот уже с балкона какой-то погромщик скинул пачку книг и не-

сколько стульев. Одну из книг схватил заводила. Он раскрыл ее и показал толпе. На странице книги были изображены непонятные иероглифы и шестиконечные звезды:

— Это каббала! Они насылают на нас порчу! Бей их!

Толпа взревела. Люди стали метать камни в стеклянную витрину магазина.

Толпа голосила:

— Бей жидов! Громи лавочников!

Приезжий подросток, чувствуя безнаказанность, швырял булыжники вместе с погромщиками.

— Громи лавочников! — азартно кричал Андерсен вместе со всеми.

А в это время внутри магазина в простенке между входом и витриной стояли испуганные владельцы магазина — супруги Мельхиоры. Мимо них со свистом пролетали камни, и с полок и прилавков падали на пол разные игрушки. Уничтожив витрину, один из зачинщиков заглянул внутрь магазина, но не увидел хозяев, которые прятались под прилавком.

— Хозяева, видно, ушли. Пошли дальше! — И толпа двинулась вниз по улице.

Погромщики протопали мимо Андерсена. Он остался один. Он увидел много игрушек, которые выпали на тротуар из разоренной витрины. На земле валялись деревянные раскрашенные кони, китайские болванчики, куклы, принцессы с коронами на фарфоровых головах, оловянные солдатики, игрушечные трубочисты и балерины. Андерсен присел и стал рассматривать игрушки. Многие из них были поломаны, разбиты, искалечены. Из разгромленного магазина вышел курчавый мужчина с длинными пейсами — это был владелец магазина Самуил Мельхиор, — и стал разбирать игрушки. Уцелевшие он складывал в большую корзину.

— Что они наделали?! Изверги! Какой кошмар! — причитал хозяин.

Из дверей магазина выглядывала жена Мельхиора. Она не решалась покинуть убежище. Да и сам хозяин испуганно озирался по сторонам: не возвращаются ли погромщики.

— Это ваши игрушки? — спросил Ханс-Кристиан.

— Мои. Какая беда! Какая беда! Погибло не меньше чем два месяца моей работы, — рыдал Мельхиор.

— А вы их сами делаете?

— Сам делаю, — кивнул Мельхиор. — А потом продаю. Какой ужас! Что они натворили...

— А я думал, вы лавочник... — чувство вины закралось в душу приезжего подростка.

— Я видел тебя. Ты кидал камни в мой магазин! — взъярился Мельхиор. — Зачем? Зачем ты это делал?

Наконец жена Мельхиора осмелилась и присоединилась к мужу, стала тоже собирать игрушки.

— Все кидали... и я кидал, — объяснил Андерсен. Азарт покинул его.

— Никогда не делай того, что делают все, — и чета принялась спасать то, что еще можно было спасти.

Андерсен стал рассматривать свиток с непонятными письменами, который тоже валялся на земле. Повертев со всех сторон и ничего не поняв, Ханс-Кристиан протянул его женщине.

— Это, наверное, ваше, возьмите...

Жена Мельхиора взяла свиток, прижала к сердцу и поцеловала ее.

— Это что? Какая-то священная книга? — спросил Ханс-Кристиан.

— Это Тора. По-вашему, ну... как бы сказать... по-вашему, это Библия.

Андерсен подобрал с мостовой одноногого оловянного солдата.

— Можно, я возьму этого солдата? Он — одноногий.

— Конечно, забирай, — разрешила жена Мельхиора. Она грустно улыбнулась. — Зачем нам солдат-калека.

— Можно сказать, что он потерял ногу в сражении, — начал фантазировать Андерсен.

— Если вдуматься, так оно и есть... — печально согласился хозяин разгромленного магазина.

— А за что они... Так вот вас... — попытался понять ярость толпы подросток.

Мельхиор задумался:

— Наверное, за то, что мы не такие, как все...

— Вы? Да вы такие же... Такие же... — во взгляде юноши сквозило сожаление. Это был урок, в котором ему еще надо было разобраться.

Андерсен посмотрел на одноногого оловянного солдата. И тут случилось неожиданное. Стоя на ладони Ханса-Кристиана, оловянный воин поднял руку под козырек и отдал юноше честь. Андерсен улыбнулся и приветливо откозырял оловянному вояке. А может, этого ничего не было. И Хансу-Кристиану этого просто захотелось...

В театре шла подготовка оперы «Армида». Режиссировал знакомый нам балетмейстер француз Бурнонвиль. По-датски говорил он с большим акцентом.

На скамейках для зрителей никого не было, кроме постановщика.

Бурнонвиль объяснял мизансцену:

— Репетируем сцену «Пролет ангела». Когда ангел в воздухе, злые тролли разбегаются в панике. Когда ангел скроется за кулисой, через секунду выходит маэстро Сиббони точно в таком же костюме, как у ангела.

У зрителя должно создаться впечатление, что это только что пролетевший ангел. Понятно? Летит ангел-статист, поет ангел-Сиббони.

Толстый Сиббони, мадемуазель Шалль, кордебалет в костюмах поселян, а также тролли, среди которых Андерсен, закивали головами, что все понятно.

Все встали на исходные позиции.

Бурнонвиль скомандовал:

— Дирижер, музыка «Пролет ангела»!

Дирижер в оркестровой яме взмахнул палочкой, оркестранты заиграли. Бурнонвиль закричал:

— Начали танец! Ангел полетел! Злые тролли побежали!

Мадемуазель Шалль начала крутить фуэте, поселяне задрыгали ногами, злые тролли, испуганно глядя наверх, делали вид, что убегают.

А над сценой от левой кулисы к правой медленно двигался в воздухе подвешенный на веревке рыхлый человек, изображающий божьего посланца. Он пытался размахивать «ангельскими» крыльями, надетыми на руки. Сиббони выглядывал из-за кулисы, чтобы во время выйти. Вот зазвучало вступление к арии. Сиббони, размахивая крыльями, выбежал на авансцену и уже раскрыл рот, как неудовлетворенный постановщик заорал:

— Стоп! Стоп! Этот ангел очень медленный. Он — не ангел, он — черепаха. Надо придумать эффектный мизансцен.

Кордебалет сразу же начал жить своей жизнью. Оркестранты тоже стали переговариваться.

— Снимите меня отсюда скорее, — попросил ангел, висящий в воздухе, — веревки в тело врезаются.

— Снимите его, — приказал равнодушно балетмейстер.

— Господин Бурнонвиль, а что если спустить верев-

ку с галерки на сцену, — робко предложил статист Андерсен. — У веревки будет большой наклон. И ангел стрелой полетит над зрителями. Будет эффектно!

— Как это над зрителями!? А если он сорвется и упадет на голову королевского советника? Или на какую-нибудь знатную даму!? — взвился Бурнонвиль.

Ханс-Кристиан развивал идею:

— Взять толстую корабельную веревку. Укрепить с двух сторон... а к костюму ангела пришить кольца...

Бурнонвиль задумался.

Сиббони заметил:

— А парень-то — не дурак.

— Я не полечу над залом. Я не самоубийца, — сказал Ангел, спускаясь вниз.

— Вообще-то ваша идея противоречит традициям театра. Но в этом что-то есть... Выйти за территорию самой сцены... Но кто согласится рисковать собой?

— Я! — сказал Андерсен.

— Вы не боитесь? — удивился француз.

Ответил Ханс-Кристиан после паузы:

— Боюсь! Но полечу!

Поздно вечером Ханс-Кристиан в своей каморке разглядывал премьерную афишу. В конце списка действующих лиц и исполнителей он прочитал: «Летающий ангел — господин Х.-К. Андерсен». И он стал прыгать от восторга.

— Я в афише! Моя фамилия в афише!

Вошла квартирная хозяйка.

— Где деньги за квартиру?

Ханс-Кристиан от радости пустился в пляс:

— Фру Ингрид, меня поместили в афишу Королевского театра!

— Тише. Жильцы спят! — зашипела фру Ингрид...

И вот наступил день премьеры. Среди почетных гостей и королевский советник Коллин с женой и дочкой, и адмирал Вульф с дочерью Генриеттой, и еще немало других почетных граждан города.

Бурнонвиль за кулисами нервно ждал музыки, возвещающей, что начинается аттракцион с летающим ангелом. И вот раздалась знакомая мелодия. Бурнонвиль сделал знак Андерсену — пора.

Ханс-Кристиан и сам знал, когда ему начинать свой коронный номер. Лишь началась та самая музыка, Андерсен взмахнул своими «ангельскими» крыльями и бросился в полет над залом. Зрители в изумлении поднимают головы вверх. Андерсен судорожно, рывками, двигался по канату вниз. Пролетев немного, ангел завис над партером. В оркестровой яме всюю наигрывал оркестр под управлением маэстро-дирижера. За кулисами мэтр Сиббони выглядывал из-за декорации, готовый выскочить на сцену в точно необходимый по музыке момент. Публика в недоумении рассматривала «ангела», который дергался в надежде обрести движение. Но тщетно. Злые тролли побежали. А тут по музыкальным нотам пришло время выходить уже не дублеру, а солисту. И из-за нарисованных холмов выскочил тучный Сиббони, машущий крыльями, и начал петь свою сладкую арию. Публика недоуменно смотрела на двух ангелов, раздалась смешки, выкрики. И тут случилось непоправимое. С ноги Ханса-Кристиана соскочил туфель ангела. Медленно и по причудливой параболе летела ангельская обувь над залом. Потом произошло ускорение, и туфель упал на лысину какого-то важного советника. На авансцену выбежал Бурнонвиль и трагически устался на Андерсена, который завис, но продолжал дергаться, раскачиваться, размахивать крыльями. Вдруг большие белые крылья соскользнули с рук и,

паря в воздухе, полетели вниз, на публику. Зрители в волнении и испуге вскочили со своих мест.

Раздались голоса:

— Что это за фокусы?! Издевательство над публикой! Возмутительно! Мальчишка может упасть в любую минуту! Это опасно!

Тенор Сиббони продолжал петь свою арию. Надрывая легкие, он смотрел на своего двойника, застрявшего на канате.

— Успокойтесь, господа! Извините! Недоразумение! — Тут Бурнонвиль обернулся и рявкнул оркестру: — Да перестаньте же играть! Дирекция приносит извинения! Занавес!

Пошел занавес.

Оркестр прекратил играть, Сиббони смолк.

Но тут его арию ни к селу, ни к городу подхватил висящий над залом Андерсен. Оркестр возобновил игру, сопровождая теперь уже не Сиббони, а Хансу-Кристиану. Занавес остановил свое движение. Снова пополз вверх.

Бурнонвиль орал:

— Прекратить! Да дайте же, наконец, занавес, проклятые идиоты!..

Пустой зал театра. Публика покинула представление. Андерсен по-прежнему висит над партером.

— Андерсен! Вы уволены! Чтоб я тебя никогда больше не видел в театре!

Этим воплем постановщика завершился театральный дебют Андерсена.

Дом адмирала в отставке Петера Вульфа на окраине Копенгагена был похож на фрегат. На крыше торчал флагшток, на котором развевалось знамя датских воен-

но-морских сил. Окна в доме были круглые, как иллюминаторы на судне. А у парадных дверей горделиво стояли две старые чугунные мортиры. С первого взгляда было ясно, что здесь обитает старый морской волк, покрытый с головы до ног ракушками. Именно сюда и явился Ханс-Кристиан со своей пьесой. Шел снег. Ни плаща, ни пальто у юноши не было, но рукопись свою он завернул в полотенце. Дверь открыла барышня с прелестным лицом и сияющими глазами. Это была дочь адмирала — Генриетта. Ей около шестнадцати лет. Вид у Андерсена был весьма и весьма плачевный. Несмотря на все свои усилия, он выглядел оборванцем. Девушка приняла его за нищего.

— Здравствуйте, фрекен... Я хотел бы вас попросить...

— Минуточку, — Генриетта перебила Андерсена и направилась в комнату.

Девушка исчезла и через секунду снова появилась в дверях, подала оборвышу несколько монет.

— Возьмите.

Но Андерсен обиженно отвел ее руку. Он повзрослел. Ему уже семнадцать лет.

— Я драматург. Я принес свою новую пьесу и хочу ее прочесть адмиралу Вульффу! — обиженно пробормотал Ханс-Кристиан.

Генриетта покраснела.

— Простите, ради бога, — повинилась Генриетта. — Как неловко получилось! Сейчас я доложу о вас отцу.

Когда девушка повернулась, чтобы пойти внутрь дома, Ханс-Кристиан увидел, что у нее на спине небольшой горб... Адмирал сидел за столом, где был сервирован вкусный завтрак, к которому он не успел приступить.

Адмирал отодвинул от себя тарелку и вздохнул:

— Ну, что ж! Начинайте!

— Трагедия называется «Разбойники в Виссенберге», — начал с пафосом Ханс-Кристиан. — Кнуд, Хеннинг, Ульрик и Роллер сидят вокруг стола, на котором стоят бутылка рома и стаканы. Йорген Кло со стаканом рома в руках греется у камина. И все они — разбойники...

— Молодой человек, я на слух плохо воспринимаю текст. Оставьте мне рукопись. Обещаю вам, я ее быстро прочту, — адмиралу хотелось завтракать, а не слушать графомана.

В комнате, смежной со столовой, припав к двери, Генриетта внимала беседе Андерсена и отца.

— Но у меня отвратительный почерк, — Ханс-Кристиан остановил декламацию. — Да и ошибок, небось, уйма. Хочу послать пьесу в театр, но мнение переводчика Шекспира для меня очень важно. После отдам в переписку. Правда, на переписчика нет денег.

— Может, позавтракаете со мной? — после паузы предложил адмирал.

— Спасибо, я, видите ли, спешу. Дела! — соврал Андерсен. В животе у него было пусто, а дел как раз никаких не было.

— Генриетта! — позвал хозяин дома.

Та не замедлила появиться в столовой.

— Это моя дочь.

Андерсен улыбнулся и поклонился. Девушка кивнула в ответ.

— У нее очень хороший почерк, — сказал адмирал. — Да и с грамотой все в порядке. Попробуйте ее уговорить. Может, она перепишет вам вашу пьесу.

— Бесплатно? — вырвалось у драматурга.

Отец и дочь расхохотались. Ханс-Кристиан понял бестактность своего вопроса:

— Простите.

— Думаю, все будет зависеть от содержания вашей трагедии. Если тоска и скука, я брошу, — вступила в разговор дочка. — Папа, приятного аппетита.

И барышня увела посетителя, чтобы он не мешал завтракать отцу.

— Спасибо, Гетти. До свидания, господин Андерсен, — крикнул вслед адмирал. — Постарайтесь увлечь Генриетту вашей пьесой.

Терраса дома была сооружена, как палуба океанского военного корабля. В центре находился настоящий судовой компас, а сбоку вдоль бортов были установлены подлинные орудия. Веревочные лестницы поднимались к крыше дома. А вокруг вместо моря росла дубовая роща. Сюда под снегопад выскочили Генриетта и Ханс-Кристиан. Молодой автор изо всех сил старался прельстить потенциальную переписчицу крутыми поворотами своего сюжета:

— События в трагедии потрясающие. Атаман разбойников прикидывается знатным господином. Он красив, щедр, весел, богат. Ему удастся пленить сердце молодой девушки.

— А где происходит действие? — Генриетта бросила снежок.

— Около Оденсе. Эту легенду я слышал от моей бабушки, но и сам многое сочинил. Так вот, эта девушка попадает в логово разбойников. Когда те отправились на очередной разбой, девушка находит целую кучу золота и драгоценностей!

Глаза Генриетты горели, ей нравился рассказ.

— Так, так... это прямо как «Тысяча и одна ночь».

— А дальше... — хотел продолжить Андерсен, но Генриетта вскричала:

— Стойте! Не рассказывайте дальше. А то мне будет неинтересно переписывать...

Ханс-Кристиан радостно вскрикнул:

— Значит, вы согласны?..

— Перепишу. Но не бесплатно. За это вы позавтракаете вместе со мной, несмотря на то, что спешите и у вас много дел... Договорились? — И Генриетта насмешливо взглянула на Андерсена.

— Нет. Нет... Спасибо... Я побегу... — уперся Ханс-Кристиан.

— Бегите! — пренебрежительно отвернулась адмиральская дочка. — А я в вас пальну из пушки!

— Из этой? — усмехнулся сын сапожника, показав на мортиру. — Так она же не настоящая!

— Дядя Мартин! — Генриетта позвала бородатого матроса, который с факелом в руке отогревал компас. — Дайте мне, пожалуйста, пальник. Это пушки с корвета моего отца.

Девушка с факелом в руке присела перед артиллерийским оружием.

— Заткните уши! — приказала она.

Андерсен покорно заткнул руками уши Генриетты.

— Да не мои! — с досадой произнесла она.

Ханс-Кристиан послушался и прикрыл собственные уши. Генриетта поднесла факел к прорези в дуле мортиры. Шарахнул мощный выстрел. Девушка, довольная, расхохоталась.

Андерсен шутливо поднял руки:

— Сдаюсь!

— Пойдемте завтракать, господин драматург!

Генриетта и Андерсен рассмеялись. Пленный девушкой Ханс-Кристиан пошел вслед за молодой хозяйкой. С ботинка сорвалась подошва, но Ханс-Кристиан

сделал вид, что ничего не произошло. Ноги юноши и девушки оставляли следы на снегу. Один из следов — отпечатки босой андерсеновской ступни...

Вечером в канун Рождества в Копенгагене падал снег. Бездомный Андерсен, обмотанный шерстяным платком поверх своего дырявого костюма, брел к Королевскому театру. Перед театром стояла нарядная, вся в блестящих елка, украшенная фонариками. По площади неслись в повозках, санях и каретах спешащие на встречу Рождества жители столицы. Уличные фонари, заправленные ворванью, тускло освещали улицы. Витрины магазинов тоже были освещены. Андерсен остановился около уличного фонаря, обнял его и сказал:

— Привет, старый! Жаль, что ты не говоришь. Жаль. Какие истории ты бы мог поведать!

Неожиданно фонарь со скрипом изогнулся и приблизил светильник к лицу Ханса-Кристиана. Отсвет пламени падал на стекло так, что казалось, у фонаря были глаза и рот. Пламя плясало в фонаре и создавалось впечатление, будто рот открывается. Послышался скрипучий голос старого фонаря:

— Завтра в ратуше будут решать мою судьбу... Отцы города либо сошлют меня из центра освещать окраину, либо отправят на пенсию, то есть отдадут в переплавку. Если я уцелею, приходи. Я расскажу тебе много историй.

— Вот здорово! — восхитился Андерсен. Никто из людей, которые торопились на праздник, конечно, не заметил того, что фонарь побеседовал с нищим.

Юноша поплелся дальше. Обернулся к фонарю. Тот дважды поклонился ему вслед:

— Счастливо тебе!

— Я обязательно навещу тебя! — откликнулся бездомный бродяжка.

— Буду рад! Приходи!

Впереди Андерсена шагала женщина, нагруженная сумками. Вдруг из одной сумки что-то упало на мостовую и покатилося.

— Фру, у вас что-то выпало из сумки, — окликнул Андерсен.

Женщина обернулась и взглянула на потерю.

— А... это картофелина, — она зашагала дальше. — Спасибо, молодой человек. Счастливого вам Рождества!

Ханс-Кристиан остановился, воровато оглянулся по сторонам, нагнулся и поднял картофелину. Андерсен очистил ее снегом, вонзил свои молодые зубы в твердое картофельное тело. Он ел сырую картошку вместе с кожурой, а в глазах его застыли слезы.

Обойдя театр, Ханс-Кристиан постучал в служебную дверь. Вскоре на крыльце появился старый полуслепой сторож с фонарем в руке.

— Никого нет. Театр закрыт.

— Дядя Глезер, это я, Андерсен. Впусти меня, пожалуйста.

— Опять ночевать негде? — спросил сторож, явно из бывших артистов.

— Негде. И холодно очень, — пожаловался Ханс-Кристиан.

Сторож, закрывая за Андерсеном дверь, произнес:

— Ладно уж, входи. Только никому ни словечка, ты же уволенный. Директор узнает, и я стану уволенным. Голос твой не вернулся?

— Нет... Пропал совсем, видно... Можно, я пройду на сцену? — попросился занесенный снегом Андерсен, пытаясь отогреться.

— Чего еще выдумал! Не положено. Если директор узнает...

— Есть такое поверье, как встретишь Рождество, так и проведешь весь год. А я так хочу, чтобы в этом году меня снова приняли в труппу. Я там на сцене помолюсь.

— Ступай, — кряхтя разрешил сторож.

И Ханс-Кристиан мимо декораций через кулисы проследовал с фонарем на сцену. Перед ним была черная пустая оркестровая яма, а за ней находился нарядный зрительный зал, еле освещенный дежурным светильником.

Юноша опустился на колени, зашептал:

— Господи, сделай так, чтобы я оказался на этой сцене. Помоги мне. Я же не могу возвратиться в Оденсе ни с чем. — Андерсен продолжал молиться: — Меня там просто заклюют! Я так хочу играть на этой сцене. Мне необходимо получать жалованье, иначе я умру от голода... Помоги мне, Господи!

На сцене появился полуслепой Глезер.

— Господь Бог далеко... Идем, я тебя похлебкой покормлю... Рождество ведь! Праздник!..

Дирекция театра заседала днем, когда не было спектакля, прямо на сцене в окружении декораций. Среди директоров были уже знакомый нам королевский советник Коллин, режиссер и балетмейстер Бурнонвиль, адмирал в отставке Вульф, а также советник Мольтен. Семнадцатилетний Андерсен стоял перед ними с бледным лицом. Ничего хорошего от этого приглашения он не ждал.

— Почему бы вам не заняться карьерой певца, — доброжелательно спросил Коллин. — Я помню, у вас дивный голос...

— Был голос, — мрачно буркнул Ханс-Кристиан. — Теперь нет. Исчез.

После небольшой паузы Коллин продолжил:

— Ваша пьеса «Солнце Эльфов», как, впрочем, и все предыдущие, которыми вы забомбили театр, показали, мягко говоря, недостаток образования и...

Тут в беседу вмешался советник Мольтен:

— Вы даже слово «корова» пишете через букву «а».

— И литературную неопытность, — невозмутимо продолжал Коллин. — Все ваши пьесы не годятся для постановки на королевской сцене.

— Да, дорогой Андерсен, вы нас просто допекли. — добавил Бурнонвиль безжалостно.

Андерсен попытался сдержать слезы, но ему это не удалось.

— Спасибо. Извините. — Ханс-Кристиан повернулся и пошел прочь. Он уже успел дойти до кулисы, как его остановила реплика Коллина:

— Подождите! Вернитесь!

Шмыгая носом, Андерсен подошел к столу.

— Тем не менее я, как это ни странно, — сказал Вульф, — нашел в вашей последней трагедии искры таланта.

— Я тоже считаю, что вы не безнадежны. — Коллин улыбнулся Андерсену.

— Ваша настырность, желание заниматься искусством, в общем, тоже похвальны! — сказал адмирал.

— Хотя порой чрезмерны, — не удержался советник Мольтен.

Коллин, наконец, пожалел Андерсена и сообщил ему то, ради чего его, собственно, и пригласили:

— Я поговорил о вас с Его Величеством королем и просил его согласия на предоставление вам королевской стипендии для учебы в латинской гимназии.

Эльдар РЯЗАНОВ

У Ханса-Кристиана слезы мгновенно высохли.

— И-и-и он обещал?! Сам-м-м королю? — Ханс-Кристиан не верил своим ушам.

— При одном условии, что вы всецело посвятите себя школьным занятиям. — Это сказал Бурнонвиль.

— И выбросите из головы всяческую дурь вроде сочинения пьес или стишат. — Мольтену Андерсен явно не понравился.

— Но как же?! Сочинять для меня все равно что дышать! — напыщенно, но искренне сказал юноша.

— Марать бумагу и дышать — не одно и то же, — усмехнулся Вульф.

— Никто не гонит вас в гимназию насильно. Вы имеете право выбора. — Коллин явно благоволил к Хансу-Кристиану.

— Но какова милость Его Величества! — с пафосом сказал адмирал. — К неграмотному сыну сапожника!..

Все верноподданно покивали головами...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Латинская гимназия, где проходил обучение великовозрастный Ханс-Кристиан, находилась в маленьком городке Слагельсе. Андерсену было семнадцать лет, а его соучениками являлись восьми-девятiletние молодкосы.

За окнами виднелся парк, покрытый инеем.

Долговязый Ханс-Кристиан беспомощно топтался около географической карты. Смотрел и не мог разыскать на ней Копенгаген. Одноклассники, гораздо более юные по возрасту, смеясь, подсказывали, дурачились. Около стола находился пышноволосяый толстяк — ректор гимназии Симон Мейслинг.

— Где Ко-пен-га-ген?! — шипел Мейслинг злобно. — Есть такой город, столица государства, которого вы, болван, являетесь подданным. Я же не спрашиваю о Китае, где живут китайцы, там даже император — кто?

Ханс-Кристиан был раздавлен натиском Мейслинга. Одноклассники, оживившись, подсказывали всякие глупости: «Эскимос... Колумб... Людоед...»

Мейслинга несло:

— В Китае даже император — китаец! Этого, допускаю, вы можете не знать! Но Копенгаген, где живет наш любимый король, назначивший вам стипендию, благо-

даря которой вы стоите перед этой картой и не можете разыскать Копенгаген, в котором живет — кто?..

Ханс-Кристиан растерянно молчал. Словесный понос ректора загнал его в тупик.

— Наш король Фредерик VI! Садитесь, Андерсен! — торжествующе заключил ректор.

Одноклассники веселились от души. Слезы Ханса-Кристиана, всегда ожидающие мельчайшего повода, чтобы хлынуть из глаз, не заставили себя ждать. Вдруг Мейслинг пальцем подозвал Андерсена к себе. Ханс-Кристиан нерешительно приблизился, ректор стал обнюхивать ученика. Андерсен с испугом следил за Мейслингом.

— Андерсен, вы когда мылись? — тихо спросил Мейслинг.

— Недавно, господин ректор, — так же тихо ответил ученик.

Мейслинг обошел вокруг гимназиста, приняхался.

— Недавно — это когда?

— В субботу, — Андерсен недоумевал.

Мейслинг зажал нос:

— А сегодня какой день?

— Кажется, четверг, господин ректор, — Андерсен от испуга запинаясь.

— Воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг, — Мейслинг считал вслух. — Сегодня пятый день. А мыться надо каждый день! — провозгласил наставник.

Глаза Андерсена наполнились слезами:

— Я не знал, простите...

— Человек, который хочет стать поэтом, должен быть образцом для всех остальных. И во всех отношениях. А от вас потом воняет!

Не дослушав тираду ректора, Андерсен побежал к дверям и выскочил из классной комнаты.

— Андерсен, Ханс-Кристиан, вернитесь сейчас же!!! — орал вслед Мейслинг.

Не оглядываясь, перескакивая через ступеньки, Андерсен мчался вниз по лестнице, отворил дверь подъезда и исчез в снежной пурге.

Ханс-Кристиан бежал по заснеженному парку. В центре замерзшего ледяного озера стояла деревянная конура — зимний дом для лебедей. Неожиданно поскользнувшись, юноша упал. Слышались крики «Ханс-Кристиан! Ханс-Кристиан!» Вместо того чтобы вернуться, гимназист вполз в дыру лебединого дома. Ветер крутил снежные хлопья...

Ханс-Кристиан прижимался к лебединым спинам. Прекрасные птицы смотрели на длинного неуклюжего отрока. Они о чем-то тихо говорили между собой. Ханс-Кристиан вслушивался в их гортанные звуки. Он достал из кармана кусок хлеба, стал крошить его лебедям. Одна из птиц положила голову на плечо Андерсена...

Ханс-Кристиан демонстрировал жене ректора свои аппликации — различные фигурки, вырезанные из цветной бумаги. Здесь были и драконы, и балерины, и разные цветы, и фантастические узоры. Сьюзен Мейслинг бросила вялый взгляд на творчество гимназиста, который жил у них в доме.

— Красиво, — сказала полнотелая ректорша, накрывая стол на три персоны. — Кто тебя этому научил?

— Папа! — с гордостью ответил Андерсен. — Вот эта нравится?

— Угу, — равнодушно ответила Сьюзен.

— Я вам дарю, — и Ханс-Кристиан протянул картинку своей квартирной хозяйке.

— Повешу на стенку, — сказала мадам и добавила: — Сегодня второе апреля. День твоего рождения. Ты знаешь об этом?

— Знаю, — кивнул головой гимназист.

— Раньше ты справлял дни своего рождения?

— Нет...

— Для нас с Симоном дни рождения, как наши, так и наших близких, очень, очень важны. Это же праздники! — Фру Мейслинг усаживала за стол Андерсена. — Сегодня Симон увидел на календаре 2 апреля и сказал мне: «Зайди к Хансу-Кристиану, ему, наверно, одиноко, справим день его рождения».

Пораженный Ханс-Кристиан даже приподнялся из-за стола:

— Он так сказал?

— Ты радуйся, что у нас живешь. — Лицо Ханса-Кристиана исказила гримаса. — Квартирные хозяйки в нашем городке стали бы доить тебя так, что никакой королевской стипендии не хватило.

В столовую быстрым шагом вошел Симон Мейслинг. Налил бокал вина, поднял его, посмотрел на Ханса-Кристиана.

— Вы обещали Королевскому советнику Коллину, что, пока учитеесь здесь, не напишете ни единой строчки. А вы пишете и пишете. Если вы больны литературным недержанием, вас надо лечить от этого. А не учить грамматике. Такое впечатление, что вы по ночам пьете чернила и закусываете свечами...

Мейслинг выпил вино и покинул комнату. Потом, вспомнив что-то, вернулся.

— Да, Сьюзен мне сказала, что сегодня ваш день рождения, — он приподнял пустой бокал. — Будьте здоровы!

Сьюзен смотрела на гимназиста, который, сжав гу-

бы, не притронулся к своему бокалу. Она показала глазами, чтобы Ханс-Кристиан поднял его, но тот не повиновался.

— Думаю, хозяйка, пора тушить свечи, уже поздно, пора спать. — Тут ректор снова взялся за Андерсена: — Из-за вас у нас огромный перерасход свечей.

Господин ректор пальцами прошелся по горящим свечам. Пш, пш, пш — произнесли затухающие свечи. Но одна из свечей не хотела гаснуть. Пламя ее убежало от пальцев ректора. Сьюзен, сидевшая близко от подсвечника, набрала воздух и стала дуть. Огонек затрепыхался, оторвался от фитиля, но когда Сьюзен перестала дуть, он вновь прилепился к фитилю. Муж и жена Мейслинги с удивлением смотрели на огонь свечи.

— Что за чертовщина?! — воскликнул Мейслинг.

Свеча, весело потрескивая, продолжала гореть. Ханс-Кристиан весело засмеялся.

Мейслинг недовольно сказал:

— Идите к себе. Погуляли на дне рождения — и хватит!

Ханс-Кристиан послушно направился из комнаты. Фру Мейслинг, удостоверившись, что ученик ушел, сказала:

— Если ты его так не любишь, с трудом терпишь в гимназии, зачем он тебе здесь в нашем доме?..

— Тебе нужен новый корсет? — спросил Мейслинг. — Нужен! Ну, а мне нужен обогреватель для постели, это я так, к слову. А где на все взять деньги? Стипендия короля — очень хороший корсет и прекрасный обогреватель, — он засмеялся. — Поэтому-то я и терплю этого мерзкого мальчишку!

И супруги дунули вместе на подсвечник, чтобы загасить непокорный огонек. Но тот вдруг оторвался от

свечи и поплыл по комнате прочь к двери, за которой недавно скрылся Андерсен. Изумленные Мейслинги оторопело глядели вслед...

Осенний дождь молотил по крыше, и отдельные капли монотонно падали с потолка в медный таз, стоявший на полу. Дверь в комнатку Андерсена распахнулась, и на пороге, разумеется, без стука появилась фру Мейслинг. Ханс-Кристиан лежал на полу около таза и трудился над стихотворением. Увидев мадам, он засуетился, быстро сунул листок бумаги в конторку и поспешно отложил ручку. Комната, в которой обитал гимназист, была не то складом, не то чуланом, куда поставили кровать. Фру Мейслинг подошла к бочонку в углу и стала наливать в сосуд масло для лампы.

— Опять пописывал стишки? — добродушно установила состав преступления жена Мейслинга.

— Только, пожалуйста, не говорите господину Мейслингу, — взмолился Ханс-Кристиан. — Он почему-то не выносит, когда я пишу стихи. Это его злит.

— А знаешь, почему?

— Нет.

— Он завидует, — сказала фру Мейслинг и вдруг задержала свой взгляд на гимназисте. Что-то пришло ей в голову.

— Кому? — спросил Ханс-Кристиан.

— Тебе, — объяснила ректорша.

— Мне? В чем? — изумился затюканный ученик.

— Я открою тебе тайну, — женщина отставила сосуд с маслом в сторону и присела на стул. — Он тоже поэт. Неудачник. Мусолит одну поэму уже семь лет. А ты постоянно что-то сочиняешь. Поэтому он раздражен.

И мясистая мадам смачно захохотала. Фру Мейслинг явно была в легком подпитии. Она, уже не скры-

ваясь, плотоядно посмотрела на долговязого юношу, подошла к двери и заперла ее на крючок изнутри.

— Побеседуем? — с неким намеком спросила она, приближаясь к ученику.

— Побеседуем, — настороженно согласился Андерсен, всегда ожидавший подвоха от этой семейки.

Жена Мейслинга бухнулась на кровать, но тут же вытащила из-под себя два томика Шиллера и отбросила их в сторону.

— Что ты все время корпишь над стихами или латынью! А любовь? А поухаживать за дамами? — улыбнулась женщина.

— За какими дамами? — растерялся Андерсен.

— А я кто, по-твоему? — весьма прозрачно намекнула ректорша. — Не дама, что ли?

— Вы дама! Конечно, дама, фру Мейслинг, — покорно согласился гимназист. — Определенно, дама!

— Перестань называть меня фру Мейслинг. У меня есть имя: Сьюзен, — и она кокетливо растрепала прическу ученика.

— Хорошо, — покорно согласился Ханс-Кристиан. — Я буду называть вас «тетя Сьюзен».

— Какая я тебе тетя?! — зазывно улыбнулась толстуха и погладила юношу по щеке. — Ну?

— Что ну? — не понял Андерсен.

Фру Мейслинг понизила голос:

— Неужели ты не хочешь отомстить Мейслингу?

И ректорша положила голову гимназиста на свою могучую грудь.

— За что? — осторожно осведомился ученик.

— Да за все! — и она стала гладить кудри объекта своего желания. — У тебя есть сейчас такая возможность... отомстить.

— Как отомстить? — тупица Андерсен действительно не понимал. Или делал вид, что не понимает. Он отодвинулся от фру Мейслинг: у нее изо рта разило пуншем.

— Хватит! Не притворяйся! Тебе уже двадцать один год... — И она принялась стаскивать с юноши рубашку. — Наставь ему рога! Ты же хочешь этого!

— Вы не любите господина ректора, тетя Сьюзен? — Андерсен попробовал выскользнуть из рук дамы.

— Перестань меня называть тетей. Он мне осточертел, проклятый педант. Почему я люблю пунш? Потому что не люблю мужа. Ну же, пользуйся случаем, дурачина, давай! Действуй! — и она принялась жадно лапать Ханса-Кристиана.

Но Андерсен не внимал страстному призыву и бездействовал. Она понимающе улыбнулась.

— Ты смущаешься тем, что некрасивый? Для мужчины красота не главное. Главное — совсем другое, — и она стала прижимать юношу к своей груди. — Действуй, дай мне свою любовь... Дай!

— Я не хочу действовать, тетя Сьюзен, — противился Андерсен. — Я не хочу давать! Ведь это все равно что воровство!

Оскорбленная ректорша вскочила с кровати. Ее глаза налились злобой.

— Гаденыш! — она подошла к одной из аппликаций Андерсена, приколотой к ширме, сорвала ее и разорвала на мелкие кусочки. По дороге к двери она сдернула еще одну картинку, вырезанную Хансом-Кристианом, и тоже растерзала ее в клочья. — Ты не мужчина!

И уже перед самым уходом смяла третью аппликацию и швырнула ее на пол.

— И никогда им не станешь!..

В открытые окна класса влетал тополинный пух. С улицы слышалось баранье блеянье. Ханс-Кристиан, опустив голову, стоял у стола, за которым возвышался ректор. Андерсен стал постарше, да и его одноклассники тоже подросли.

— Вы же были на прошлых занятиях? — осведомился Мейслинг.

— Был, — тихо ответил гимназист.

— Ну, хорошо. Тогда поведайте нам, что вам говорят такие имена, как Катулл, Тибулл, Пропорций? — задал вопрос ректор.

Андерсен молчал. Мейслинг подошел к отворенному окну, посмотрел на улицу.

— Египетские фараоны! — зашептал один из одноклассников.

Андерсен благодарно кивнул и сказал вслух:

— Это египетские фараоны!

Класс в восторге заржал. Ребяшня веселилась от души.

— Все, кроме Андерсена, подойдите к окнам! — командовал педагог.

Мальчишки с шумом поднялись с парт, стали смотреть на улицу. Из окна гимназии было видно, как по улочке захолустного городка пастухи перегоняли стадо баранов на другое пастбище.

— Взгляните на эти существа, которые по своему умственному развитию превосходят некоторых из вас... — Мейслинг величаво показал на баранье стадо.

Ученики смеялись, отпускали шуточки. Им было ясно, кого имеет в виду ректор.

— Думаю, если любого из этих баранов посадить за парту, он бы смог прочесть в учебнике, что Катулл, Тибулл и Пропорций не египетские фараоны, а поэты Древнего Рима. Садитесь!

Класс шумно возвращался за парты.

— Вы меня слушаете, Андерсен? — Мейслинг продолжал экзекуцию.

Андерсен кивнул.

— Тогда повторите мои слова!

Терпение Андерсена подходило к концу.

— Вы сказали, что если бы королевскую стипендию получил любой из этих баранов и сел бы вместо меня за парту, он на ваших уроках научился бы большому, — со скрытым вызовом сказал он.

Мейслинг почувствовал это и усилил атаку:

— В то время как ваша мать в Оденсе голодает, каждый день пьет и даже буйнит, вы здесь валяете дурака, не желаете учиться, позорите своего короля...

Андерсен побледнел и сделал шаг вперед.

— Откуда вы знаете? Это неправда!

— Вот письмо! — Мейслинг вынул из стола конверт. — Пишут мне ваши соседи. Порицают вашу мать. Жалеют ее. И не понимают, как вы могли ее бросить, оставить одну.

Андерсен попытался взять письмо.

— Не трогай письмо! Люди просят вмешаться, — куражился садист. — А как я могу вмешаться? Вы же безмозглый, тупой! Ваш отчим умер.

— Я знаю...

Мейслинг купался в безнаказанности:

— А что толку-то, что вы знаете. Вместо того чтобы вернуться в родной город...

У Андерсена дрожали руки. Из них выпал мелок и покатился по полу.

— Поднимите. Чистота и аккуратность важнее всего, — педагог указал на мелок.

Ханс-Кристиан нагнулся и подобрал с полу кусок

мела. В классе кто-то хихикнул. Мейслинг продолжал издеваться:

— Ваш отец был сапожник. И отчим тоже. Сколько пользы вы принесли бы людям, исполняя благородный труд сапожника, починая сапоги. А на вашем месте мог бы находиться действительно способный человек!

Ханс-Кристиан, не дослушав ректора, двинулся к двери. Он боялся разреветься. Однокашники, выходцы из обеспеченных семей, слушали эту выволочку вполуха, зевали, они привыкли к издевательствам ректора над дылдой Андерсеном.

— Вы куда, Андерсен? — любопытно спросил Мейслинг.

— В Оденсе... — глухо ответил тот.

Выйдя из дверей гимназии, Ханс-Кристиан оказался в стаде баранов. Его лицо выражало отчаяние...

Внезапно распахнулась классная дверь, и долговязая фигура Андерсена появилась на пороге. На руках у него блеял и сопротивлялся баран. С бараном на руках Андерсен приблизился к педагогу.

— Он вместо меня. Учите его, господин ректор. С ним вы добьетесь большего.

Мейслинг задохнулся от ярости:

— Да как вы смеете!

— Благодарю вас за все. Я у вас многому научился. Не научился только одному — ненавидеть людей!

Андерсен с трудом скрывал переполняющую его горечь и обиду. Господин Мейслинг был взбешен, что предмет его издевательства ускользает из клетки.

— Вон отсюда, неблагоприятная тварь! — крикнул Мейслинг.

Баран заблеял и начал бегать между партами. Уче-

ники стали гоняться за ним. Ханс-Кристиан и ректор обменивались оскорблениями, не обращая внимания на бедлам, творившийся в классе.

— Вряд ли ваше имя «Симон Мейслинг» останется в истории! Но если такое случится, то только благодаря мне. Люди будут знать имя того, кто третировал гений Ханса-Кристиана Андерсена!

Дом адмирала Вульфа утопал в снегу. Фигурка путника пересекла поле, вошла в ворота приусадебного парка. Вид фрегата, окруженного заснеженными елями, вызывал, конечно, странное чувство: как будто гигантский кит выбросился на лесистый берег. Ханс-Кристиан читал в одной из книг, что безумие порой охватывает китов, и они целыми косяками выбрасываются на сушу и там погибают. Андерсен приблизился к знакомому особняку. На мачте, как и прежде, развевалось знамя датского королевства. Матросы чистили от снега дорожку, ведущую к подъезду. Ханс-Кристиан постучал. Дверь, как и когда-то, открыла Генриетта. Она, как и Андерсен, стала постарше. С момента их знакомства прошло семь лет. Они молча уставились друг на друга. Генриетта по-прежнему выглядела замечательно. В ее огромных сияющих глазах, уставившихся на пришельца, пробежали озорные искры. Потом дочь адмирала сказала очень серьезно:

— Подождите, я сейчас подам вам милостыню.

Андерсен тут же включился в игру и гордо заявил:

— Я окончил латинскую гимназию!

— И теперь не делаете ошибок? — строго, учительским тоном спросила Генриетта.

— Почему же? — Ханс-Кристиан был надменен. — Делаю. Почти столько же, как и раньше.

Тут они оба рассмеялись и обнялись.

— Я рада, что ты приехал, — Генриетта отряхивала снег с пальто Андерсена.

У него уже имелось пальто. Пусть плохонькое, но все-таки было.

— Где ты живешь?

Андерсен, снимавший в этот момент шляпу, — у него имелась и шляпа, — был застигнут врасплох.

— Э-э-э... Я... собственно говоря... Я живу...

— Не говори! — воскликнула Генриетта. — Я знаю, где ты живешь! У нас!

Вечером, на палубе «фрегата» Генриетта смотрела в подзорную трубу, а Ханс-Кристиан держал руки на штурвале. На голове каждого было по адмиральской треуголке. В черной повязке, прикрывавшей глаз, Андерсен выглядел бывалым пиратом.

— В честь окончания гимназии великим мореплавателем Андерсеном поднять все паруса и покинуть Копенгаген! — провозгласила Генриетта.

— Слушаюсь, командор, — отозвался великий мореплаватель, крутя штурвал. — Мы вышли в открытое море.

— Не уходи, — прошептал Андерсен. — Я сейчас!

И исчез за дверь в своей комнате. Через секунду он появился в дверном проеме.

— Закрой глаза, — потребовал он.

— Зачем? — удивилась адмиральская дочка.

— Так надо! — таинственно сказал Ханс-Кристиан.

Генриетта послушно закрыла глаза. Андерсен надел на голову девушки королевскую корону, сделанную из кусочков зеркала, цветного картона, дерева и материи, и подвел Генриетту к зеркалу.

— Теперь открой...

По глазам девушки было видно, как она удивлена и как довольна.

— Боже, красиво-то как! — выдохнула Гетти.

— Сделал для тебя. В гимназии.

— Ты меня вспоминал там? — смотрясь в зеркало, спросила Генриетта.

— Да. Очень часто.

— Ой! Я, прямо, как королева, — чувства переполняли девушку. — Спасибо тебе большое! — она приподнялась на цыпочки и поцеловала Ханса-Кристиана в щеку.

Андерсен попробовал губами перехватить ее губы, но сначала неловко клюнул в нос. Потом поискал ее рот и неумело прикоснулся к нему. Генриетта так же неискусно ответила на его поцелуй. Потом их словно захлестнуло. Они начали жадно целовать друг друга. Андерсен обнимал девушку, прижимал к себе, а потом нечаянно коснулся рукой горба. И тут Генриетту словно что-то пронзило. Она отскочила от юноши и крикнула:

— Нет!

Корона свалилась с головы, но ее никто не поднял. Оба тяжело дышали. Наконец, Генриетта произнесла хрипло:

— Спокойной ночи!

И направилась по коридору к своей комнате. Андерсен побежал за ней, догнал и снова попытался обнять, но Генриетта изо всех сил отбросила его от себя. Они стали раскачиваться, изображая морскую качку.

— Вижу справа по борту необитаемые острова!

Андерсен провозгласил:

— Предлагаю назвать их в честь нашего доблестного командора архипелагом Генриетты!

— И произвести артиллерийский салют, — добавила командор.

Андерсен подал горящий пальник Генриетте. Она поднесла пальник к стволу. Пушка грохнула, изрыгнув пламя.

— Виват! Виват! — орали оба и исполняли пляску диких аборигенов...

На изразцах печки шло представление теней. Генриетта и Ханс-Кристиан продолжали дурачиться. Девушка, скрестив обе руки, замахала ладонями, и на печи отразилась летящая бабочка. Тогда выпускник гимназии, мигом сложив пальцы рук, изобразил какого-то страшного стервятника, который накинулся на бедную бабочку и уничтожил ее.

— Ах, так! — воскликнула Генриетта. — Мой гусь сейчас тебя съест!

И на печке возникло теневое изображение агрессивного гуся с большим и страшным клювом. Но Андерсен не растерялся. Его ладони сложились, пальцы растопырились, и вот огромная страшная собака с лаем набросилась на гуся. Завязалась схватка. Генриетта шипела вместо гуся, Ханс-Кристиан грозно лаял, изображая собаку. Но схватка закончилась безоговорочной победой пса.

— Ну, хорошо, сейчас я тебе покажу, — вскричала девушка и щелкнула врага по лбу. — Негодный мальчишка!

На печных изразцах тень отобразила и эти боевые действия. Вдруг в руке Андерсена появился цветок, очевидно, как предложение мира. Но противник отверг эту инициативу, расценив ее, очевидно, как слабость, и дал подзатыльник цветку. Тот оторвался от стебля. Все это сражение происходило в длинном и узком коридоре нижнего этажа. Противоборствующие силы во время битвы веселились от души.

— Тише! — вдруг спохватилась Генриетта, ибо было поздно и дом давно спал.

Они постояли друг против друга, и Андерсен, поняв, что больше ничего не произойдет, рванулся к себе. Он остановился в дверях и попросил:

— Генриетта, прошу, запри меня. Меня одолевают дурные желания. Запри...

И он захлопнул за собой дверь.

Генриетта стояла, прижавшись к стене. Глаза ее были полны слез...

Ханс-Кристиан шел по улице, ведущей к гавани. По дороге он достал из кармана несколько далеров и пересчитал их. Это было нетрудно, ибо далеров было всего три. Морозило, мелкая снежная крупа неслась с моря. В порту на рейде высились мачты кораблей со всего света. Кто дожидался своей очереди на разгрузку, кто пополнял запасы пресной воды, кто занимался мелким ремонтом. Андерсен свернул в переулочек, где один за другим стояли дома с красными фонарями. Мимо них взад и вперед прогуливались моряки в поисках дешевой, но сильной любви. Молодой Андерсен очень боялся, что его кто-нибудь опознает в этом скверном районе, пропитанном пороком. Он поднял воротник, приспустил шляпу, стараясь остаться неузнанным и незаметным. Хотя узнавать его в Копенгагене было особенно некому. Наконец, он решился. Подошел к одной из дверей, освещенной красным фонарем, и постучал. Дверь открыл громила с усами, оглядел Ханса-Кристиана и сказал:

— Проходите, господин.

— Я бы хотел узнать, сколько стоит визит, — робко молвил юноша.

Громила еще раз оглядел клиента и с легкой усмешкой дал справку:

— Ну, если без угощения барышни, то три далера. А если с шампанским или ужином, то потянет, пожалуй, на пять или больше.

Андерсен поблагодарил.

— Будете заходить? — осведомился швейцар.

— Не сегодня, — с приниженной улыбкой ответил недавний ученик гимназии.

Громила потерял интерес к несостоявшемуся клиенту и захлопнул дверь, — с улицы несло холодом и снегом. Андерсен поправил воротник пальто и побрел по улице. У причалов стояли еле видные за снежной пеленой суда.

Проститутка, которую было легко опознать, потому что в те времена панельные фрекен, по указу короля, носили специальные шляпки, обратилась к бравому моряку:

— Господин, посмотрите на меня. Я сделаю вам все, что пожелаете... Уютная квартирка рядом...

Матрос осмотрел внешность жрицы любви и, покачав головой, прошел мимо.

Андерсен решил прицениться. Он приблизился к шлюхе и начал было:

— Скажите, пожалуйста, а сколько будет стоить... — и осекся. Он признал в женщине свою сводную сестру. Он знал от матери, что Карен живет где-то в Копенгагене. Вроде бы она гувернантка...

Карен разглядела юнца и побледнела.

— Ханс-Кристиан, это ты? Что ты здесь делаешь?

Ханс-Кристиан во все глаза глядел на Карен.

— Я?.. Я... Гуляю, — растерянно объяснил Ханс-Кристиан. — А ты?

Помолчав и поняв, что брат обо всем догадался, Карен ответила деловым тоном:

— А я... я работаю.

— Мама знает? — спросил Андерсен.

— Наверное, догадывается, — понуро сказал Карен. — А ты устроился? Мать мне писала, что ты здесь... Учишься?

— Да, — с гордостью произнес Андерсен. — Ну, в общем пока нет. Кончил гимназию. Сейчас пробую поступить в университет.

— Удачи тебе, братец. Будешь писать матери, не пиши о том, что меня встретил. Ладно? — и сестра потрепала Ханса-Кристиана по холодной щеке.

— Я тоже тебе что-то скажу, но ты не обижайся, хорошо? — сказал младший брат и добавил: — Если ты меня увидишь на улице, не здоровайся со мной. Не надо, чтобы кто-то знал, что ты — моя сестра. Сам король дал мне стипендию, он интересуется мной, меня принимают у себя дома такие люди... Понимаешь?

— Чего уж тут не понять, — кусая губы, ответила проститутка. — Прощай, братец! Да, мне писали из Оденсе, что мать сильно пьет. Если сможешь, навести ее.

— Если смогу, — ответил братец. — Обязательно.

А Карен, завидев дюжего матроса, заспешила к нему:

— Какой красавец! — профессионально заговорила Карен. — Вот кто согреет меня в эту стужу! Уютная квартирка. Много не возьму.

— А я много и не дам! — отозвался моряк и обнял Карен...

На следующий день Андерсен снова появился на улице красных фонарей. В гавани стоял большой британский военный корабль. Припортовые улочки были заполнены английскими моряками. Из кабачков доно-

силось пение. Около знакомого нам публичного дома выстроилась небольшая очередь из матросов-англичан. Андерсен подумал и встал в очередь последним. Вокруг него были одни иностранцы, и он не боялся, что его узнают. Наконец, его впустили внутрь. Томная мадам приняла от Ханса-Кристиана деньги и указала ему на стул около комнаты под номером «7». Андерсен сел ждать. Его била нервная лихорадка. Наконец, из седьмого номера выплыл верзила, мурлыкающий песенку. Он сделал жест Андерсену, мол, входи. Андерсен послушно встал, вытер ноги о коврик и постучался.

Из комнаты раздалось:

— Входи, котик!

Андерсен робко переступил порог маленькой полутемной комнаты и замер около двери. Его глаза были полны страха. На койке лежала голая шлюха, готовая, как говорится, к употреблению. Тело Андерсена сотрясала дрожь.

— Ну, чего ты там застрял! Давай, котик! — хорошо сложенная проститутка раскуривала пахитоску.

На Ханса-Кристиана напал столбняк.

— Поторапливайся, котик! Сзади тебя тоже люди, они ждут.

В это мгновение в комнату вернулся предыдущий клиент, который только что покинул еще горячую постель.

— Прости, цыпочка! Я забыл свой берет.

Разыскав головной убор, матрос сделал приветственный жест барышне и пошел обратно.

— Ты был очень хорош, котик! — изрекла жрица любви. — В следующий раз спрашивай Лолу.

И она чмокнула моряка.

— На абордаж! — подмигнул тот Андерсену. — Лола знает свое дело!

Лола поднялась на кровати и поманила юношу к себе. Но тут с Андерсеном произошло нечто неожиданное. У него начались спазмы в горле, и он зарыдал. Слезы потоком полились из глаз. Озадаченная Лола села на кровати и уставилась на плачущего клиента. Она взяла со столика грушу и, поедая ее, размышляла, что же делать. Потом накинула на себя халатик и приблизилась к всхлипывающему гимназисту.

— У тебя что? Горе какое-то?

Андерсен помотал головой.

— А что случилось-то?

— Я боюсь, — хлюпал носом плакса.

— А-а, — понимающе протянула жрица любви. — В первый раз?

Ханс-Кристиан, продолжая рыдать, кивнул.

— Мама-то знает? — полюбопытствовала «девушка».

— Нет, — продолжал шмыгать Ханс-Кристиан. — Она далеко, в Одессе.

— Значит, без родительского ведома явился, — шлюха при ближайшем рассмотрении тянула лет на сорок и по возрасту годилась Андерсену в матери. Она не знала, как поступить с необычным клиентом: то ли затянуть в койку, то ли отпустить восвояси.

— Ну, не реви, нечего... Иди домой. Рано тебе еще по блядам-то ходить.

В комнату без стука влетела служанка с подносом, на котором красовалась бутылка шампанского и угощение.

— Это ты заказал? — спросила шлюха, заботливо вытирая сопли и слезы клиента полотенцем.

— Угу, — подтвердил незадачливый Андерсен. — Я...

— Отнеси обратно, пусть ему деньги вернут, — сказала Лола служанке. — Пусть за все вернут, он ничем не пользовался.

Служанка выскочила из номера.

— А ты иди, сынок, домой. Успеешь еще. В бабах у тебя недостатка не будет, — и на прощанье Лола смачно поцеловала юношу, явно не без удовольствия. — Ну, иди...

Она подтолкнула Ханса-Кристиана к двери и, грустно вздохнув, произнесла:

— Зовите следующего...

В прихожей публичного дома его остановила бандерша, здоровая бабища, одетая в десять пышных юбок.

— К сожалению, деньги мы вернуть вам не сможем. А шампанское ваше забирайте...

Она вручила Андерсену откупоренную бутылку и дала знак швейцару — «выпустите».

Светало. По утреннему Копенгагену шел пьяный Ханс-Кристиан. Он регулярно прикладывался к горлышку бутылки, наталкивался на стены, на ограды и пару раз шлепался на мостовую. Снег валил изо всех сил...

А вот и дом адмирала. Ханс-Кристиан кривой походкой приблизился к парадным дверям, хотел было позвонить в колокольчик, но вовремя остановился. Сообразил, что все спят, что дом будить неловко. Он оглянулся вокруг и увидел, что с палубы до земли свисает веревочная лестница, по корабельному «шторм-трап». Он зигзагом подскочил к нему, вцепился и начал карабкаться наверх. В конечном итоге его усилия увенчались успехом. Он с трудом перебросил себя через борт и свалился рядом с пушкой. Положил голову на ствол орудия. Щеке было холодно, но уж очень хотелось спать...

Пробуждение было ужасным. Снег уже не падал, ночью ударил мороз.

Матрос, обслуживающий дом адмирала, вышел на палубу и увидел спящего Ханса-Кристиана в обнимку с

Эльдар РЯЗАНОВ

пушкой. Он вскрикнул и помчался в дом. От его крика Андерсен открыл глаза и захотел приподнять голову, но не смог. Он почувствовал, что щекой примерз к чугуну. Он еще раз попытался оттянуть лицо от дула и понял, что это невозможно.

— Помогите! — прошептал перепуганный насмерть Ханс-Кристиан. — Спасите!

На палубу выскочил полуодетый адмирал и его бравые матросы. Адмирал, увидев приклеенного Андерсена, не растерялся.

— У меня на корабле был такой случай!

Вбежала растерянная Генриетта:

— Врача! Врача!

— Смирно! — скомандовал Вульф. — Нужна горячая вода. А ты не шевелись, — обратился он к примороженному. — Тащите чайник!

Генриетта осторожно лила кипяток на дуло, рядом с лицом Ханса-Кристиана. На морозе над головой Андерсена поднялось облако пара.

— Больно? — страдала Гетти. — Обжигает? Терпи, милый!

Ханс-Кристиан чувствовал себя глупо. Щека болела. Но вот ледяная корка, склеившая человека и пушку, растаяла. Генриетта бережно оттянула голову друга, подула на щеку.

— Как же ты так? — жалостно спросила она.

— Надрался вчера! — опытный адмирал сразу поставил верный диагноз.

Щека у Ханса-Кристиана пылала и выглядела ужасающе.

— В первый и последний раз! — простонал Андерсен.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В пустом театральном зале горело множество свечей, озаряя скамейки партера, бельэтажа и яруса. Открылись двери, и в зале появилась нарядная публика, пришедшая на первое представление нового спектакля. По-нынешнему, на премьеру. Среди зрителей выделялись мундиры военных — все больше генералы да адмиралы. Вот прошел на свое место великий скульптор Торвальдсен. У него, так же как и у поэта Эленшлегера, было постоянное закрепленное за ним кресло в первых рядах партера. Получить такое кресло, — особый знак признания, — было заветной мечтой Андерсена. Она сбудется со временем, а пока мы попали на одну из первых андерсеновских премьер. Видно, молитва Ханса-Кристиана была услышана наверху, но не сразу. Ведь сегодняшнее представление в этом зале случилось почти четверть века спустя после того, как голодный и промерзший юноша обратился к Господу с просьбой. Разодетые дамы с биноклями и лорнетами рассаживались на скамейках, обменивались поклонами, обсуждая туалеты соседок. Чиновники в разноцветных сюртуках и фраках степенно занимали места. Среди зрителей, разумеется, были и те, кто помогал Хансу-Кристиану, протезировал ему. Эти люди вот уже много лет шли рядом

с талантливым, но чересчур эмоциональным и впечатлительным литератором. Королевский советник Йонас Коллин с детьми, переводчик и адмирал Петер Вульф, директор консерватории мэтр Сиббони пришли поддержать Ханса-Кристиана. Впереди, перед первым рядом партера, стояло два кресла — для короля и королевы. Вдруг Их Величества надумают посетить представление! Но пожалуют ли королевские особы на спектакль молодого автора, было неизвестно.

Всю эту картину зрительного зала наблюдал через дырку в занавесе взволнованный автор Ханс-Кристиан. Ему слегка за сорок, он довольно элегантно одет, а фигура заметно заматерела. Спектакль назывался «Огниво», так же, как и одноименная сказка. На сцене царил предпремьерная суета. Артисты, исполняющие роли солдата, короля, принцессы, глашатая, палача, а также ведьм и собак, занимались своими костюмами, повторяли роли. Рабочие сцены укрепляли декорации. Гимнасты, акробатки и жонглеры репетировали, делали стойки, «колеса», кульбиты...

Вдруг автора окликнул женский голос. Андерсен отвернулся от занавеса.

— Ханс-Кристиан, идите сюда, — позвала Генриетта взъерошенного Андерсена. — Поздравляю вас с премьерой!

Среди суеты театральных кулис стояли две нарядно одетые женщины. Одна из них — давняя приятельница Ханса-Кристиана Генриетта Вульф с дивными огромными глазами, другая — незнакомая Андерсену красавица лет двадцати восьми, стройная и с замечательной улыбкой. Она явно была иностранкой. Генриетта дружески чмокнула Ханса-Кристиана в щеку и стала знакомить со своей подругой из Швеции.

— Йенни Линд — моя подруга. Она лучшая певица

Швеции. Говорят, такой голос рождается раз в столетие.

Время не отразилось на внешности Генриетты. Она по-прежнему выглядела молодой и красивой. К сожалению, ее по-прежнему портил горб.

— Не слушайте Генриетту, господин Андерсен. Это пишут в газетах досужие писаки, а мы-то с вами знаем, как они врут, — голос Йенни Линд звучал, как серебряный колокольчик.

Андерсен неожиданно схватился за сердце:

— Ах! Боже мой!

И он прислонился к стене, чтобы не упасть.

Йенни испуганно подалась вперед:

— Что с вами? Вам плохо?

— Ваш голос! — Андерсен заговорил с восхищением. — Он сразил меня наповал! Боюсь, что это был единственный случай, когда журналисты сказали правду.

И он галантно поцеловал руку Йенни. Она ему сразу понравилась. Женщины рассмеялись. Генриетта шлепнула Андерсена веером по руке и укоризненно произнесла:

— Я действительно перепугалась за вас. Йенни приехала к нам в Данию концерттировать.

— Я буду счастлива увидеть вас на своем концерте. Я в восторге от вашего романа «Импровизатор», — сердечно сказала Йенни.

Шведка нравилась Андерсену все больше и больше.

— Вы читаете по-датски? — удивился Ханс-Кристиан.

— Увы, нет. Но ваш роман переведен у нас. И имеет большой успех.

— Теперь понимаю, почему я так люблю Швецию, — галантно пошутил Андерсен.

Генриетте не очень нравился этот обмен любезностями. Она почувствовала уколы ревности.

— Не будем отвлекать вас от премьеры. Хотя я вижу, вы совсем не волнуетесь!

Андерсен, по-детски:

— Да что вы, душа в пятках.

Йенни:

— Успеха вам, господин писатель!

Дамы удалились.

А автор провожал дам, особенно иностранку, задумчивым взглядом.

Тут к Андерсену подбежал всклоченный Бурнонвиль, постановщик «Огнива». Он стал старше, но по-прежнему был экзальтированным и немного суетливым.

— Я умираю! — трагически заявил Бурнонвиль. Он был одет в театральный костюм короля.

— Что еще случилось? — встревожился автор.

— Суфлер заболел. У него понос! — сообщил постановщик.

Андерсен побледнел:

— Это катастрофа! У нас два новых исполнителя. Они не знают своих ролей.

Тут послышалась мелодия гимна.

В зале раздались аплодисменты. Бурнонвиль припал к дырке в занавесе.

— Этого еще не хватало! — схватился за голову Бурнонвиль.

— Ну, что еще? — заволновался Андерсен, который ничего не видел, так как дырка в занавесе была занята.

— Король пожаловал! Вместе с семьей! — в сердцах сказал режиссер.

Андерсен отпихнул Бурнонвиля, тоже посмотрел в зал и сказал радостно:

Такой была Генриетта, когда познакомилась
с семнадцатилетним Андерсеном

—Ты обо мне думал в гимназии?
—Очень часто.

Генриетта и Ханс-Кристиан. Первый поцелуй.

Алена Бабенко и Станислав Рядинский

—Что с тобой?

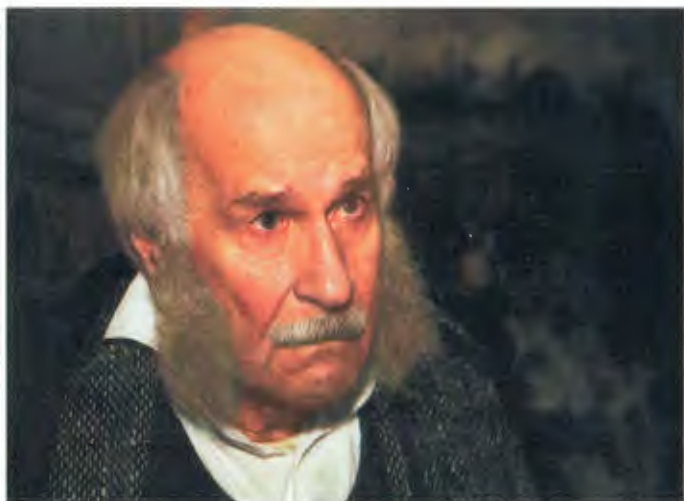
—Я боюсь...

В публичном доме.

Лола — Лиля Макеева, Андерсен — Станислав Рядинский

После своего первого и последнего «запоя» Ханс-Кристиан уснул на палубе дома адмирала Вульфа

Сторож в театре — дядя Глезер. *Владимир Зельдин*

Солдат — герой сказки «Огниво». *Станислав Рядинский*

На спектакле «Огниво».
Король Кристиан VIII —
Валерий Гаркалин.
Королева — *Ирина Ефремова*

Сцена из спектакля «Огниво».
«Спасите меня от петли! —
крикнул солдат собакам».
И тут началось...

Сцена из балета
«Похищение римлянок».
Валерия — *Наталья Шукина*

После спектакля «Огниво». Королева — *Ирина Ефремова*,
Коллин — *Владимир Симонов*, Король — *Валерий Гаркалин*,
Мольтен — *Евгений Воскресенский*. Королевская чета
и придворные приветливо приняли автора представления

После премьеры «Огнива». Андерсен — *С. Мигицко*,
Йенни Линд — *Е. Крюкова*, Генриетта — *А. Бабенко*

Йенни Линд — великая шведская певица. *Евгения Крюкова*

Сказка «Тень».
«И я понял,
как в сущности
низок свет...».
*Станислав
Рядинский*

Единоборство человека и Тени. *Сергей Мигицко* —
писатель, *Станислав Рядинский* — его тень

«Странный вы все-таки человек, — говорила
Принцесса. — Я отбрасываю тень, а у вас тени нет...»

В тронном зале Екатерининского дворца.
Жених — Тень, невеста — Принцесса

«Он обманывает Вас, Ваше Высочество.
Это он — моя тень, одетая в человеческий костюм».
Писатель — *Сергей Мигицко*, его Тень —
Станислав Рядинский, Принцесса — *Евгения Крюкова*

Принцесса была в смятении

«Тень! Знай свое место!»

ПРОТОТИПЫ

Андерсену здесь лет 30—35

Ректор гимназии
Симон Мейслинг

ПРОТОТИПЫ

Полковник Гульдберг

Адмирал Вульф

ПРОТОТИПЫ

Генриетта Вульф

Йенни Линд

ПРОТОТИПЫ

Балерина
(м-ль Шалль)

Король Фредерик VI.
Назначил семнадцатилетнему
Андерсену стипендию
для учебы в латинской
гимназии

ПРОТОТИПЫ

Король Кристиан X
правил Данией во
времена гитлеровской
оккупации

Современная, самая ходовая, шведская купюра в 50 крон.
На купюре изображение певицы Йенни Линд

— Нашел время! — потом добавил: — Боже, мне дурно!

Бурнонвиль метался по сцене.

— Нужен человек, который знает пьесу наизусть!

Автор и постановщик тупо смотрели друг на друга.

— Я знаю такого человека... — произнес Андерсен мрачно. — Это я! Только принесите мне, пожалуйста, в суфлерскую будку сердечные капли, мазь от чесотки и что-нибудь от расстройства желудка: понос — болезнь заразная!

Спектакль шел с нарастающим успехом. История солдата, шедшего с войны и повстречавшего ведьму, которую он обманул и стал повелителем трех волшебных собак, выполнявших любые его желания, нравилась публике. А когда эти собаки стали привозить к нему по ночам королевскую дочку, с которой у него случились шуры-муры, сопровождающиеся страстными поцелуями, зрители стали восторгаться еще больше. Но королевские прихвостни выследили адрес, куда ездила развлекаться по ночам принцесса, и арестовали солдата. Ему грозила смертная казнь. Солдат обычно вызывал своих помощниц — собак тем, что высекал огонь из огнива ударами по кремню, но волшебное огниво осталось на постоялом дворе. Тем не менее солдату удалось получить этот магический талисман: из окна тюремной камеры он попросил уличного мальчишку доставить ему огниво и кремень. И паренек сумел выполнить просьбу солдата. И вот после антракта началось четвертое действие пьесы. В этом действии солдата должны были казнить.

Распахнулся театральный занавес. Сцена изображала площадь перед королевским дворцом. В центре был выстроен помост из свежеструганых досок, а на по-

мосте установили виселицу. Герольды с балкона дворца протрубили начало последнего действия.

На специальном балконе сидели король с королевой. Король в исполнении Бурнонвиля выглядел смешным злым стариканом, впавшим в детство. А роль озорной боевитой принцессы исполняла талантливейшая мадемуазель Шалль. Ей было уже под пятьдесят. Она больше не танцевала, но успешно подвизалась в драматических ролях. Что же касается роли солдата, героя, молодца и, как бы сказали сегодня, секс-символа, то ее — роль — исполнял артист, который сильно смахивал на молодого Ханса-Кристиана. В спектакле это произошло, разумеется, случайно. Но если бы сцену «Огниво» снимали для фильма, то, разумеется, солдата сыграл бы тот же артист, что играл в кинокартине роль молодого Андерсена. Лихие усы, военная форма и, само собой, актерское мастерство дополнило бы облик автора пьесы, которому всего этого так не хватало в жизни... Короче, солдат стоял около виселицы со связанными руками. Палач в красном зловещем костюме с капюшоном сладострастно мылил петлю. Глашатай в мантии развернул свиток, но, прежде чем зачитать приговор, устался в суфлерскую будку. За суфлерской будкой был виден зрительный зал. В будке тесно и для Андерсена низко. Ханс-Кристиан весь в поту. Он глотает таблетку, запивает ее водой. Подсказывает шепотом реплику:

— За неоднократные покушения на наследницу престола...

Глашатай громко повторяет на весь зал:

— За неоднократные покушения на наследницу престола в виде поцелуев и прочих любовных приставаний солдат приговаривается к смертной казни через повешение.

Толпа из горожан и караульные, охраняющие по-мост, изображали шум. Слышны были одобрительные выкрики, согласные с суровым приговором. Тревожную дробь забил барабанщик. Но солдат совсем не испугался. Он взглянул на короля, тот в ответ показал язык. Из окна высокой башни королевского дворца, где заточили принцессу, раздался крик.

— Как вы смеете! Ведь я его люблю! — Принцесса высунулась из окна.

— Принцесса! Я тебя тоже очень люблю! — крикнул узник.

Король поспешно скомандовал:

— Палач! Приводи приговор в исполнение!

Палач ловко набросил петлю на шею смертника. Но солдат опять не потерял присутствия духа:

— Прежде чем казнить человека, всегда исполняют его предсмертную просьбу. Разрешите, Ваше Величество, выкурить мне трубочку, последнюю на этом свете.

— Курить вредно! — назидательно проговорил властелин.

— Да и жить тоже вредно! — философски заметил приговоренный.

— Ладно, кури! — разрешил неохотно монарх.

Палач развязал руки осужденному. Тот сунул в рот трубку, достал из кармана волшебное огниво и ударил по нему кремнем.

— Раз!

Вспыхнула большая искра, раздался удар грома, и на помосте появилась большая белая собака с глазами, как чайные блюдца. Толпа ахнула.

— Два! — солдат еще раз ударил по огниву кремнем.

Снова искра, снова удар грома, и рядом с первой собакой, когда рассеялся дым, появилась вторая, рыжая и еще крупнее. Глаза у нее были величиной с суповые та-

релки. Толпа охнула. Зрители: Йенни Линд, Генриетта, ее отец адмирал Вульф, советник Йонас Коллин, скульптор Торвальдсен смотрели, как замороженные. Король Кристиан VIII с королевой в своих креслах тоже не могли оторвать глаз от сцены. Солдат в третий раз ударил кремнем.

— Три!

И вновь прогремел гром. На помост прыгнула третья собака, черная, величиной с осла. Глаза у нее были, как кухонные тазы. Толпа вскрикнула. Принцесса высунулась из башни:

— Милый! Задай им перцу.

— О чем ты говоришь, родная! Сейчас задам! Смотри! — Он обратился к псам: — А ну-ка, друзья, избавьте меня от петли.

Что тут началось! Собаки набросились на палача, на глашатая, на короля и королеву. На площади возникла паника. Народ и караульные, которые стояли около помоста, начали с криками бегать взад и вперед, то кучками, то врассыпную. Король убежал с криком «Не надо!», но одна из собак настигла его и подкинула кверху. Король полетел вверх тормашками. С головы короля слетела корона и покатилась по сцене. Из окна дворца, где томилась наследница престола, сбросили веревку, и Ее Высочество стала спускаться вниз. Юбки ее задрались, и все увидели прелестные ножки принцессы. Она схватила беспризорную королевскую корону и напялила ее на голову суженого.

Испуганный народ закричал:

— Солдат! Будь нашим королем! Женись на прекрасной принцессе! Просим тебя!

Солдат и принцесса заключили друг друга в объятия и сказали народу следующее:

— Мы согласны! Благодарим тебя, наш народ!

А из дворца, салютуя, грохнули бутафорские пушки.

Умиленный автор с детским удовольствием наблюдал за артистами, которые озорно сыграли счастливый финал. Театральный зал дружно аплодировал. Аплодировали и высокопоставленные зрители. Они остались явно довольны зрелищем. Под рукоплескания зала артисты извлекали из суфлерской будки автора. Он кланялся, потный и счастливый. В фойе театра расходилась по домам довольная публика. Андерсен с букетом цветов шел по театральному коридору. Сияющие Генриетта и Йенни устремились к сочинителю. Автор достал из-за спины букет, который он прятал, и протянул Йенни.

— Это мне? Разрешите мне вас поцеловать! Это чудесная вещь!

И Йенни запечатлела на щеке писателя благодарный поцелуй зрительницы. Автор замер. Он понял, что в его жизни случилось что-то очень важное. Генриетта сделала вид, что не заметила столь бурного порыва подруги. Андерсен тепло улыбнулся новой знакомой. В этой улыбке промелькнуло нечто большее, нежели благодарность. Ханс-Кристиан, не отрывая взгляда от Йенни, обратился к Генриетте:

— А вы что скажете, мой давний друг?

Генриетта, женским чутьем понявшая, что возникло что-то новое в их отношениях, молчала.

— Вам не понравилось? — Ханс-Кристиан пялил глаза на Йенни, будучи не в силах отвести от нее взгляд.

— Как вы могли такое подумать? Я в восторге, просто мне нужно собраться с мыслями, — Генриетта пыталась скрыть свои чувства.

Сзади расходилась публика. Люди поздравляли Андерсена, пожимали руки, посылали приветственные жесты.

В это время к Андерсену приблизился советник короля Мольтен.

— Господин Андерсен, вас приглашает к себе Его Величество.

Барышни снова принялись поздравлять сочинителя.

Ханс-Кристиан приосанился, принял торжественный и почему-то глуповатый вид. Обе подруги дружно рассмеялись и стали прощаться. Андерсен послал им воздушные поцелуи. Пожилой толстый очкарик приблизился к Андерсену.

— Господин Мейслинг несколько дней назад назначен Его Величеством на должность Главного цензора, — сказал Мольтен. — Познакомьтесь.

По реакции Андерсена было понятно, что он давно знает Мейслинга. И новость, что его прежний мучитель стал в какой-то степени начальником, совсем не обрадовала Ханса-Кристиана.

— Поздравляю вас, господин Главный цензор, — криво улыбнулся Андерсен. — Для ректора гимназии — это неслыханная карьера.

— Не могу вам ответить поздравлением, господин сочинитель пьес. Вредная вещица, — холодно произнес Мейслинг.

— Не сомневаюсь, вам это не могло понравиться, — Ханс-Кристиан не мог скрыть неприязни. — Извините, но меня ждет Его Величество Король.

Но Мейслинг успел ухватить писателя за локоть.

— Я провожу вас.

Автор и цензор шли по фойе. Расходились последние зрители.

— Вы с ума сошли, Ханс-Кристиан, — тихо сказал Мейслинг. — В Европе у многих королей короны и так еле держатся на головах. Вы этой пьеской сеете смуту.

Кого вы подразумеваете под этими жуткими собаками? Разъяренную чернь? Карбонариев?

— В России, я слышал, негодных авторов ссылают в Сибирь. А у нас будут ссылать в Гренландию? Бр-рр. Там даже чернила замерзают, — Андерсен пытался освободиться из цепких рук, но тщетно.

— Ваш юмор, господин Андерсен, неуместен. Мы, слава богу, не Россия. У нас просвещенная монархия.

— Вы имеете право запретить пьесу или роман? — полюбопытствовал писатель.

— Что вы! — злорадно усмехнулся Мейслинг. — Моя функция — советовать, вернее, НЕ советовать, рекомендовать, вернее, НЕ рекомендовать. Но никаких запрещений!

Андерсен с вызовом спросил:

— Чего же вы НЕ советуете мне?

— Я вам не советую писать такие пьесы, как та, что мы увидели сегодня. Она потакает нездоровому брожению умов, витающему в обществе, — жестко отчеканил цензор.

Андерсен взорвался:

— Пошли вы, знаете куда...

Сердце Ханса-Кристиана учащенно билось, когда его ввели в ложу короля. В комнатке при ложе был накрыт стол. Король с аппетитом ужинал. Придворные стояли вокруг, почтительно наблюдая за трапезой монарха. Королева изящно поедала пирожное, запивая его чаем из дорогой чашечки.

— Ваши Величества, разрешите представить вам моего протеже, автора пьесы господина Андерсена, — представил писателя его вечный покровитель Йонас Коллин.

Король вперил свой взгляд в сочинителя и протянул ему куриную ножку:

— Угощайтесь, Андерсен!

— Благодарю, но я не голоден, Ваше Величество.

— А вы едите, только когда голодны? — изумленно спросил король.

— Да.

— Ну, Андерсен, вы прямо, как животное, — констатировал монарх.

— Сравнение с животным лестно для меня, — нашелся Ханс-Кристиан.

Король оценил ответ:

— Bravo! Bravo!

Его Величество продолжил свое сражение с курицей. Набив полный рот куриным мясом, он стал давать свою оценку пьесе.

— Мне понравилась ваша пьеса, господин Андерсен. Она написана в свете современных либеральных веяний о равенстве между людьми. Одобряю. Я смеялся. Но в этом вопросе надо знать меру. Время тревожное, непростое... Понимаете? Не пересолить бы...

— Понимаю, Ваше Величество! — Андерсен поклонился. — Пересолить всегда скверно, как, впрочем, и недосолить.

— Умно! — опять с похвалой отозвался король.

— Очаровательная вещица. Действительно, любовь превыше всего, — сказала мечтательно королева и протянула руку для поцелуя. Писатель благоговейно чмокнул руку государыни.

Король всматривался в лицо сочинителя.

— По-моему, я вас где-то видел раньше. Или я ошибаюсь, Мольтен? — споласкивая руки в специальной чаше, спросил монарх.

— Вы никогда не ошибаетесь, Ваше Величество, — придворный знал свое дело.

Андерсен изумился:

— У вас, Ваше Величество, превосходная зрительная память. Это было давно...

Советник Мольтен выхватил инициативу у Андерсена:

— Вы были тогда наследником престола, губернатором в Оденсе. И какой-то полковник...

— Полковник Гульдберг, — вставил Андерсен. — Замечательный человек...

— ...привел к вам долговязого подростка. Это и был господин Андерсен, — последнее слово осталось за царедворцем.

Полковник Гульдберг добился того, что наследный принц согласился принять четырнадцатилетнего поэта, певца и актера, в талант которого поверил хромой вояка. Принц принял полковника и его подопечного в то время, когда принимал ванну. Вокруг наследника суетились мойщик, лакей, камердинер и, разумеется, советник Мольтен. Омовение подходило к концу. Полковник по стойке «смирно» и разодетый подросток почтительно стояли около ванны, в которой плескался сорокалетний принц.

— И кем ты хочешь стать? — спросил принц и отхлебнул что-то вкусное из бокала, который ему поднес советник Мольтен.

— Полковник считает, что мне надо учиться в гимназии. Но мне хочется стать поэтом или актером в театре... Ваше Высочество! — подросток вспомнил, что ему было велено так обращаться.

Полковник утвердительно кивнул.

Принц начал подниматься из купели, и слуги быстро и ловко обернули его банной простыней.

— Это несерьезно. Я, видишь ли, тоже люблю сочинять, иногда петь. Иногда даже играю в любительских спектаклях. Но это же не работа. Это развлечение, отдых. А ты должен работать, помогать родителям. А поэты и актеры — они все бездельники!

Во время монолога принца его старательно и чутко обтерли прислужники.

— Ты ведь сын кучера? — поинтересовался наследник престола.

— Сапожника, — уточнил Ханс-Кристиан.

— Хочешь, я помогу тебе стать портным, а? Ведь какая честь стать королевским портным! Или пекарем. Будешь придворным пекарем.

— Но я не хочу быть придворным пекарем... Ваше Высочество, — Ханс-Кристиан ни чуточки не пасовал перед будущим королем.

— Ваше Высочество, мне кажется, в мальчике живет сочинительский талант! А для нашей Родины, для Дании... — с пафосом начал свою речь Гульдберг.

Принц досадливо прервал полковника, обернулся в сторону советника Мольтена в поисках поддержки.

— Что вы скажете, Мольтен?

Советник на ходу угадывал, чего хочет услышать Его Высочество:

— Манеры и произношение у юного дарования, к сожалению, пахнут сапожной ваксой. Конечно, ему надо заняться каким-нибудь ремеслом.

— А насчет таланта — это вы хватили, милейший полковник. Я не подозревал, что вы у нас такой ценитель искусства, — принц расположился у зеркала, отдав себя в руки парикмахера.

— Полковник — человек что надо! — заступился за своего покровителя подросток.

Принц закурил сигару.

— Не сомневаюсь! Но если у человека есть талант, он и сам прорастет! Если же ты, Андерсен, надумаешь стать ткачом или плотником, обрадуешь меня очень.

— Я все-таки стану поэтом или актером... Ваше Высочество! — Понимая, что дерзит, ответил Ханс-Кристиан.

Принц остался недоволен:

— Однако ты упрямец, сын кучера!

Действие снова вернулось в королевскую ложу в театре.

— Видите, Андерсен, — сказал король, благодушно жуя. — И принцы могут ошибаться. Хорошо, что вы тогда меня не послушались. — Его Величество смаковал нечто вкусное. — Я знаю, вы сочиняете милые сказки. Было бы недурно, если бы вы как-нибудь почитали их у меня во дворце, скажем... завтра.

— Быть принятым при дворе Вашего Величества — большая честь для сына сапожника. Я приду к вам с новой сказкой, — благодарно поклонился Андерсен.

На следующий день в придворном театре, зрителей эдак на семьдесят-восемьдесят, собрался весь цвет копенгагенской элиты. Среди гостей блистали генералы в орденах, послы, министры, чиновники высокого ранга. Были приглашены и деятели искусства и литераторы: гордость Дании. В отдельной ложе сидел старинный недоброжелатель сегодняшнего бенефицианта Симон Мейслинг. Рядом с Главным цензором находился литературный критик Матизен, которому не нравилось все, что

писал Ханс-Кристиан. Его статьи отравляли жизнь чувствительного к недоброжелательству писателя. Кристиан VIII с супругой сидели обособленно от публики в центральной ложе. Андерсен не подозревал, что перед королем надо выступать во фраке. Он узнал об этом слишком поздно. Пришлось срочно одолжить фрак у Эдварда, сына Коллина.

Открылся занавес. Андерсен во фраке выглядел довольно сносно. Хотя парадное одеяние было немного тесновато, брюки явно короткие, а рукава не доходили до ладоней. Знатные гости встретили писателя вежливыми холодными аплодисментами. Он был выскочка, чужой в этой среде.

— Добрый вечер, Ваши Величества! Добрый вечер, дамы и господа! — поклонился Ханс-Кристиан. Этот поклон предназначался ложе, где рядом с адмиралом сидели Генриетта и Йенни Линд.

— Видеть не могу это самодовольное чучело! — понизив голос, сказал соседу Мейслинг.

— Бездарен, как пень! Но самомнение!.. — отозвался Матизен.

Андерсен светился от предстоящей радости, он обожал декламировать свои творения. Генриетта и Йенни улыбались, предвкушая удовольствие.

— Я прочитаю вам новую сказку. «Принцесса на горошине». Надеюсь, она доставит вам удовольствие. Мне кажется, это симпатичная сказка. И со смыслом...

— Тщеславный идиот! — буркнул Мейслинг.

Андерсен принял позу и начал декламацию:

— Жил-был принц, и хотелось ему взять за себя тоже принцессу, только настоящую. Вот он и объездил весь свет, а такой что-то не находилось. Принцесс-то было вволю...

При словах: «Принцесс-то было вволю», декламатор сделал широкий жест рукой, показывающий, как этих принцесс было много. В этот момент в тишине зала раздался громкий треск — это лопнули нитки, которыми рукав прикреплялся к плечу фрачного пиджака. Андерсен вздрогнул и остановился. В зале раздался смехок Мейслинга. Охнула Генриетта, напряглась Йенни. Хихикнуло еще несколько человек. Андерсен взял себя в руки и повторил:

— Принцесс-то было вволю...

Тут декламатор сделал тот же жест, но другой рукой, и шов второго рукава также с шумом лопнул. Подмышкой оказался кусок белой рубашки. На этот раз смех был довольно дружный. Аристократическая публика развеселилась. Ханс-Кристиан растерялся. Но после паузы он собрал всю свою волю и решился декламировать дальше.

— ...Но были ли они, эти принцессы, настоящими? Раз вечером стояла ужаснейшая погода: молния так и сверкала, гром гремел...

Тут чтец не удержался и опять произвел выразительную жестикуляцию, в результате чего первый рукав просто слетел с руки и упал на пол.

В зале начали откровенно ржать. На глаза Ханса-Кристиана навернулись слезы. Он поднял рукав с пола и попытался приладить его обратно. Но ничего не получилось. Недруги Андерсена хохотали вовсю, радуясь от души. И даже друзья не могли удержаться от смеха. Тогда Андерсен в отчаянии снял с себя фрак и в сердцах швырнул его на пол. Зал был счастлив, получив дополнительное незапланированное развлечение. Только плакала Генриетта и еле сдерживалась от слез Йенни

Линд. В это время в королевской ложе король наклонился к королеве и тихо сказал ей:

— На его месте я поступил бы так же...

— Так помогите ему, Ваше Величество, — прошептала в ответ королева, которая пожалела нескладного Андерсена.

Король на мгновение задумался, и вдруг его лицо озарилось хулиганской улыбкой.

— И помогу!

И тут произошло невероятное. В королевской ложе поднялся из кресла монарх Кристиан VIII. Он окинул ироничным взглядом хохочущий зал и стал демонстративно снимать с себя мундир, увешанный орденами. Прошло несколько секунд, и повелитель предстал перед придворными в белой рубашке.

Придворные прореагировали весьма шустро: в несколько секунд смех прекратился. Наступила тишина. А потом в этом безмолвии могучий седовласый скульптор Торвальдсен встал со своего места и тоже снял свой фрак. Король продолжал стоять в одной рубашке. Потом он сел. Сел и скульптор. Их примеру последовал верный друг и покровитель Ханса-Кристиана Йонас Коллин, избавившийся от своего фрака. Освободился от адмиральского мундира и Петер Вульф. Один за другим придворные и чиновники стали раздеваться. Последним снял свое парадное облачение Мейслинг. Генриетта и Йенни восторженно крутили головы. Андерсен увидел реакцию Йенни и благодарно, сквозь слезы, улыбнулся ей. И вот весь зал из темной гаммы костюмов перешел в белую, цветные фраки сменились рубашками.

Андерсен потрясенно смотрел на то, что происходило перед его глазами. Он сделал уже было несколько

Андерсен. Жизнь без любви

шагов, чтобы уйти, но... Автор посмотрел с благодарностью на короля. Тот сделал ему знак — продолжать. В зале было невыносимо тихо. Андерсен поднес листки к лицу и стал читать дальше:

— ...Гром гремел, а дождь лил, как из ведра — ужас что такое! Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошел отворять...

Документов и свидетельств того, что подобное случилось, не сохранилось. Но мы-то с вами, дорогой читатель, знаем, что это еще ни о чем не говорит...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Андерсен, подобно Шекспиру, не сторонился чужих сюжетов. Он не чуждался старых датских легенд, не чурался чужих авторских историй, не избегал и сказаний иных народов. Все годилось для того, чтобы стать сюжетом его новой сказки. Однажды он вспомнил сюжет немецкого писателя Адельберта Шамиссо, кстати, он был с ним знаком, о человеке, продавшем свою тень. Ему показалось, что эта история может стать основой занятной сказки, и он, не будучи слишком щепетильным, использовал эту историю, но написал ее совсем по-другому, нежели его немецкий приятель. Андерсеновский сюжет подхватил и видоизменил русский сочинитель Евгений Шварц. Автор этого романа об Андерсене подумал, что будет несусветной глупостью не использовать историю Шамиссо, переработанную Андерсеном и, в свою очередь, переработанную Шварцем. И принялся перерабатывать все предыдущие версии в свою, нимало не стесняясь, подобно славным предшественникам типа Шекспира. Так родилась новая версия сказки «Тень». Разумеется, героем ее стал не ученый, как это было у датского сказочника, а писатель. Ибо ясно, что сказку Андерсен писал о себе. Как, впрочем, многие свои сочинения. Если бы по этой вещи ста-

ли снимать кинофильм, то на роль героя сказки, естественно, пригласили того же самого артиста, что и на роль Андерсена.

Итак, писатель, смахивающий на Андерсена, брел по неаполитанской улочке, как праздный зевака. Все восхищало его в этом живом, шумном, озорном городе. Жизнь кипела всюду: улицы освещались огнями, слышались отрывки песен, разговоров; по тротуарам двигались толпы гуляющих; по мостовой катились экипажи; пробирались, позванивая колокольчиками, вьючные ослы; слышался треск хлопушек, бросаемых на мостовую уличными мальчишками; раздавался звон колоколов...

Андерсен отворил дверь в маленькую гостиницу под названием «La bella Isola» и поднялся по узкой лестнице к себе в номер на втором этаже. На столе лежали листы рукописи, испещренные его рукой. Писатель зажег свечу, ибо стемнело, взглянул на страницу, пробежал ее глазами и вышел на балкон. Буквально в двух шагах на той стороне улицы тоже находился балкон, украшенный цветами. Из внутренних комнат доносилась музыка, кто-то играл на челесте что-то нежное. Слышалось пение. Нежный женский голос напевал печальную мелодию. Поскольку свеча горела сзади, в комнате писателя, то, естественно, тень Андерсена расположилась на стене противоположного дома рядом с балконом, полным цветов. Стоило шевельнуться Андерсену, шевелилась и его тень.

— Право, моя тень — единственное видимое существо в этом доме! — сказал вслух Ханс-Кристиан. — А дверь-то полуотворена; вот бы тени догадаться войти туда, высмотреть все, вернуться и рассказать обо всем мне! Да, следовало бы и ей быть полезною! — сказал он

шутя и затем добавил: — Глядишь, и я бы знал, о чем писать новую сказку.

Говоря это, писатель нарочно жестикулировал, и тень копировала его движения. Внезапно пение оборвалось, дверь отворилась, и на балконе появилась молодая девушка. Она поливала цветы на балконе и о чем-то думала. Само собой разумеется, — девушка была очень красива. Надо заметить, что девушка эта невероятно походила на шведскую певицу Йенни Линд, сказку «Тень» Андерсен сочинял именно в те самые дни, когда познакомился с прелестной певицей и влюбился в нее.

— Простите, синьорина, что я осмелился заговорить с вами, — сказал Ханс-Кристиан. — Каждый вечер я люблюсь вами. Я не могу точно сказать, о чем вы думаете, но мне кажется, я понимаю ваши мысли. Мне кажется, они прекрасны, как ваше лицо, как лунная дорожка на море, как аромат жасмина.

— Кто вы? Вы говорите это наизусть? — поразилась девушка. — Это стихи?

Она, как и Андерсен, говорила по-итальянски с северным акцентом.

— Спасибо вам за то, что родились и живете тогда же, когда и я. Ведь я бы мог вас не встретить!

— Это ваши слова или вы их заказали кому-нибудь?

— Ваш голос поразил меня, — молвил Андерсен. — У меня голова кружится.

— Однако вы ловко увильваете от прямого ответа... Все-таки думаю, это ваши собственные слова. А что это за комната, которая за вами? Или это зала?

— Моя крохотная комната в маленькой гостинице...

— Вы нищий? — спросила девушка.

— Нет, я — писатель.

— Это одно и то же. У вас очень странное лицо.

— Чем же? — сжался Андерсен. Он как никто знал о своей некрасивости.

Но ответ оказался необычным:

— Когда вы говорите, то кажется, будто вы не лжете... А я-то знаю, что все люди — лжецы.

— Вас обидел ваш возлюбленный? — деликатно спросил Андерсен.

— Вы слишком догадливы, синьор писатель, — сказала девушка и перебросила ему цветок жасмина, сорванный ею на балконе. — Прощайте!

И она быстро скрылась в комнате. Андерсен остался в одиночестве. Только его тень, так же как и сам Ханс-Кристиан, протянула руку вслед ушедшей незнакомке. Андерсен произнес наполовину с грустью, наполовину в шутку:

— Что же ты, Тень, стоишь? Ступай за ней. Узнай, кто она, как ее зовут, кто ее обидел?..

С этими словами писатель сел, однако тень его у противоположного балкона и не подумала садиться. Вдруг Андерсен увидел, что тень повела себя самостоятельно. Она влезла на балкон и проскользнула в узкую щель не до конца закрытой балконной двери. Сказочнику показалось, что он сошел с ума. Он потрянул несколько раз головой и еще раз взглянул на противоположный балкон. Нет, конечно, ему это померещилось! Однако на освещенной стене тени не было. Вдруг из щели, оставленной дверью, вылезла верхняя часть его тени и прощально помахала Андерсену рукой. И снова скрылась в комнате.

— Пора показаться психиатрическому врачу, — пробормотал сказочник и вытер со лба холодный пот. В своих сказках он описывал немало чудес и волшебств, но в собственной жизни столкнулся с небывальщиной впервые.

Андерсен сидел в уличном кафе, в двух шагах от своей гостиницы. Далеко на горизонте виднелся силуэт Везувия. Сквозь шумы города доносился гул моря. На столике рядом с бокалом вина стояла чернильница. Ханс-Кристиан что-то писал, быстро и вдохновенно. Вдруг около его столика остановился хлыщеватого вида господин, одетый элегантно, во все черное. На нем красовалась толстая золотая шейная цепочка, а пальцы так и блестели бриллиантовыми перстнями. Чем-то подошедший мужчина походил на Ханса-Кристиана, но был моложе его, а аккуратная прическа и шикарный костюм делали его более эффектным и надменным.

— Вы не узнаете меня? — спросил у Андерсена подошедший мужчина.

— Простите, нет, — писатель отвлекся от сочинительства и посмотрел на молодого человека.

— Посмотрите внимательней, — осклабился незнакомец.

— Я чувствую, что знаю вас, и знаю хорошо, но...

— А мы столько лет прожили вместе... — укоризненно заметил неведомый пришелец. — Ведь я следовал за вами неотступно, но вы лишь изредка бросали на меня небрежный взгляд. Я часто бывал выше вас, подымался до крыш самых высоких домов. Обыкновенно это случалось в лунные ночи...

— Так значит, вы... — догадка вспыхнула в мозгу писателя.

— Да, я ваша тень. Почему вы недоверчиво смотрите на меня? Ведь я всю жизнь со дня вашего рождения был так привязан к вам.

— Я просто не могу прийти в себя от изумления, — признался Андерсен.

Тень подседа к столику Ханса-Кристиана.

— Да, явление не совсем обыкновенное, это прав-

да! — сказала Тень. — Но вы ведь сами не принадлежите к числу обыкновенных людей, а я, как вы знаете, с детства ходил по вашим стопам.

— Я довольно часто пишу сказки, но никогда не думал, что сам смогу стать героем одной из них.

Поскольку пришедший все время точно копировал движения сочинителя, Андерсен принялся выделять руками замысловатые и порой странные движения, но незнакомец совершенно синхронно повторял их.

— Так это на самом деле ты?! — вскричал писатель. — Вот диво так диво! Никогда бы я не поверил, что моя тень вернется ко мне да еще человеком! Я рад тебе, старый дружище; расскажи мне, как все это вышло, и что ты увидал в том доме напротив?

— Сейчас расскажу! — Тень вальяжно закурила сигару. — Но с условием, что вы дадите мне слово никогда и нигде не говорить, что я был когда-то вашей тенью. Я ведь могу вздумать жениться. Я в состоянии содержать семью.

— Будь спокоен! — горячо воскликнул Андерсен.

— И еще, — добавил господин с тeneвым прошлым. — Видите ли, не из гордости, а ввиду моего положения в свете я бы очень желал, чтобы вы обращались со мной на «вы».

— Ах, прошу извинить меня! — засуетился деликатный писатель. — Вы совершенно правы! Я буду помнить об этом.

Если бы кто-то стал снимать фильм по этому роману, то я посоветовал бы пригласить на роль Тени артиста, играющего молодого Андерсена. Ведь ясно, что один артист не сможет сыграть роль, которая вбирает в себя и подростка Ханса-Кристиана, и молодого тридцатилетнего писателя Андерсена, и почтенного классика, которому от пятидесяти лет и более. Ясно, если бы та-

кой фильм снимался, то надо было бы подобрать двух артистов разных возрастов, но очень похожих друг на друга. И, конечно, в этом случае тень Андерсена должен был бы исполнять актер, играющий юного Ханса-Кристиана. Однако в наш век немислимых технологий были бы возможны и другие решения, механические, виртуальные, например, клонирование. Но нам кажется, что сочетание двух живых артистов, играющих два возраста одного и того же персонажа, было бы наиболее органичным, естественным.

— Знаете, кто жил в том доме, куда вы меня послали? — спросила бывшая Тень. — Русская княжна, дочь брата самого императора.

— Она мне показалась несчастной, — сказал Ханс-Кристиан.

— Да, у нее был неудачный роман с одним богатым русским князем, и здесь она залечивала сердечные раны. Скрываясь у княжны, я постепенно созрел и стал человеком...

Бывшая тень Андерсена и сам писатель шли по берегу моря. Тень продолжала свой рассказ:

— Выходил я только по вечерам, бегал при лунном свете по улицам, растягивался во всю длину на стенах, — это так приятно щекочет спину! Вбегал вверх по стенам, сбегал вниз, заглядывал в окна, видел то, чего никто не должен был видеть! И я узнал, как в сущности низок свет! Право, я не хотел бы даже быть человеком, если бы только это не было модным... Я видел тайные пороки и грехи людские. Пиши я в газетах — меня бы читали! Но я писал прямо самим заинтересованным лицам и нагонял на всех и повсюду, где бы ни появлялся, такой страх!

— Но ведь это мерзость! — поморщился Ханс-Кристиан.

— Да что вы, — отмахнулась бывшая Тень. — Зато все так боялись меня и так любили! И вот я стал тем, что я есть.

— А что же с княжной? — спросил ошарашенный Андерсен.

— Завтра она возвращается в Санкт-Петербург. Кстати, я служу при ее дворе камергером, — сообщил бывший теневик.

И тут он неожиданно лег прямо на дорогу, пристроившись ногами у ног писателя.

— Очень трудно избавиться от теневых инстинктов, — объяснил он свой странный поступок бывшему хозяину.

— Я бы хотел ее увидеть, — грустно сказал Ханс-Кристиан. — Мне показалось тогда, что я в нее был даже влюблен.

По дороге вдоль морского берега мчалась карета.

— Стойте! — закричал Андерсен. — Остановитесь!

Но карета ехала быстро и не замедлила ход. Копыта лошадей, а потом и колеса самого экипажа переехали лежащую на дороге Тень. Андерсен в ужасе закрыл глаза. Он боялся узреть ужасную картину. Тут он услышал знакомый голос:

— Что с вами?

Открыв глаза, Андерсен увидел целого и невредимого камергера, лежащего в пыли.

— Вас только что переехала карета, — прошептал пораженный Ханс-Кристиан.

Камергер повернул голову вслед уехавшему экипажу.

— Ерунда! Так вот, я могу организовать вашу поездку. Это легко сделать. Я, разумеется, тоже еду в столи-

цу России. И если вы захотите, можете поехать со мной. Я мог бы взять вас с собой... — камергер помялся, вставая, а потом выпалил: — В качестве моей тени. Все издержки я, конечно, возьму на себя.

— Ну, нет! Это уже слишком! — возмутился писатель.

— Как хотите! — пожал плечами придворный. — Вы могли бы каждый день видеть принцессу. И кроме того, вы поедете на всем готовом...

Но писатель повернулся и пошел в сторону, размахивая в негодовании руками. Камергер точно так же повернулся и пошел в сторону, размахивая руками. Потом спохватился и остановился.

— Проклятая привычка! — прошипел камергер, с ненавистью глядя в след удаляющемуся Андерсену. — У меня болят руки, ноги, шея. Мне все время хочется повторять его движения.

По заснеженной аллее Царскосельского парка прогуливались русская принцесса и камергер. Сзади их сопровождали камердинер принцессы и два рослых кавалергарда.

— Станный вы все-таки человек, — говорила принцесса. — Не отбрасываете тени... Посмотрите, у меня есть тень... У всех есть тени, а у вас... Это очень подозрительно.

— Я говорил вам, Ваше Высочество, что отпустил свою тень в заграничную поездку. Сегодня я получил от Тени депешу, она возвращается ко мне.

— Как интересно! — вскричала принцесса. — Познакомьте меня с ней.

— Непременно исполню ваше приказание, — камергер придвинулся поближе к принцессе. — А теперь я буду рассказывать вам ваши сны.

— Мои? — изумилась девушка.

— Да. Третьего дня вам приснилось, что вы скакали на коне по полю. Трава на вашем пути становилась все выше и выше и, наконец, поднялась вровень с деревьями. Вы стали плакать и проснулись в слезах...

— Откуда вы это знаете? Я ведь никому не рассказывала этот сон!.. — поразила девушка.

— Любовь творит чудеса!.. — многозначительно молвил камергер.

— Любовь? — изумилась Ее Высочество.

— Да, Ваше Высочество. Я люблю вас.

— Ах, вот как! Камердинер! — крикнула она идущему следом слуге.

— Слушаю, Ваше Высочество, — камердинер приблизился к госпоже.

— Позовите... Да нет, ничего не надо.

— Вы хотели, чтобы он позвал стражу, но почему-то, сами не понимая почему, сказали, что ничего не надо, — инфернально усмехнувшись, сказал камергер.

— Да, я сама не понимаю, почему так вышло, — растерянно ответила великая княжна.

Камергер пошел в атаку, он заговорил страстно:

— Люди не знают теневой стороны вещей, а именно в тени, в полумраке, в глубине и таится то, что придает остроту нашим чувствам. В глубине вашей души — я!

— Вы не даете мне опомниться! Может, вы рветесь к власти и совсем не любите меня.

— А как я узнал ваши сны? Ведь только любовь способна творить такие чудеса! — влюбленному было нельзя отказать в логике.

— Ах да, как верно! — с придыханием прошептала принцесса, — а впрочем, не уверена... не знаю...

— Прощайте, Ваше Высочество, вы меня не любите.

Я уйду, — камергер вел себя как опытный соблазнитель.

— Вы... вы... уходите?! Да как вы смеете?! Это... Все это... Так... Так интересно... — девушка была растеряна. — Поцелуйте меня!

Камергер с удовольствием выполнил приказание.

В янтарной комнате Екатерининского дворца, что в Царском Селе, находились принцесса и камергер.

— Прежде чем представить тебе свою Тень, дорогая моя, хочу сказать... Понимаешь?.. У всех людей обыкновенные тени, но я вообще враг всего обыкновенного.

— Я знаю, любимый, ты — невероятен! — нежно сказала влюбленная по уши принцесса.

— Так вот, я нарядил свою Тень настоящим человеком и даже приставил к нему его тень. Все это недешево, но я, как ты знаешь, за расходами не стою, — сказал жених.

— Я знаю, милый, — ласково ответила невеста и полюбовалась красивым перстнем на пальце. Было ясно, что это подарок от будущего супруга.

— Есть еще одно обстоятельство, — голос камергера стал вкрадчивым, — моя Тень очень гордится тем, что слышет персоной, поэтому с Тенью обращайся... ну, как бы... как с человеком.

— Милый, меня же учили разговаривать с народом, — с легкой улыбкой откликнулась принцесса.

В тронном зале Екатерининского дворца придворные поджидали высоких особ. В толпе придворных находился и Андерсен. Тоска по принцессе заставила его согласиться на предложение своей бывшей Тени.

— Я вас видела раньше, мы с вами стояли на балконах, вы на одном, я на другом, и разговаривали, — обра-

довалась красавица, увидев знакомого по Италии соседа.

— Это были счастливые мгновения моей жизни. Я никак не могу забыть вас, — волнуясь, глубоким голосом произнес Ханс-Кристиан.

— Должен сказать, — торопливо вмешался в разговор камергер, — что мы обручены с Ее Высочеством. И завтра наша свадьба.

Ханс-Кристиан не сдержался:

— Ваше Высочество, не делайте этого. Вы погубите себя!

— Остановись! — крикнул камергер.

— Какая наглость! — опешила невеста.

— У него нет и не может быть души. Он не любит вас, ибо у него нет способности любить.

— Да как вы смеете! — вспылила принцесса. — Вы же просто тень этого великого человека!

— Он обманул вас, — сказочник был вне себя. — На самом деле именно он — моя тень, одетая в человеческий костюм!

— Вы лжете! — принцесса была обескуражена.

— Я иногда сочиняю, но никогда не лгу. Сейчас вы в этом убедитесь! — И Андерсен повелительно поднял руку.

Тень вырвалась из объятий принцессы и послушно последовала за Андерсеном. В центре оба остановились.

— Боже мой! — вскричала принцесса. — Это невозможно!

— Сейчас он будет повторять все мои движения! — произнес Андерсен.

Ханс-Кристиан стал жестикулировать, и Тень послушно повторяла его жесты.

— Маэстро, музыку, — обратился сказочник к дирижеру. Заиграл придворный оркестр, который, конечно

же, очутился именно здесь. Причем очень кстати. Сказочник начал танцевать. Его длинная и нескладная фигура оказалась очень пластичной. Тень точь-в-точь повторяла пируэты писателя. Это был удивительный парный танец. Придворные затаили дыхание, подобного представления они не видели никогда в жизни. Принцесса пребывала в шоке. Синхронность, разумеется, была абсолютная.

Когда танец закончился, камергер прохрипел:

— Я должен, наконец, освободиться от этой проклятой зависимости.

Он поднялся с колен и приблизился к одному из придворных.

— Разрешите, господин адмирал, — и не дожидаясь ответа, камергер выхватил кортик из адмиральских ножен. Он бросился на писателя, но Андерсен ловко перехватил занесенную над ним руку.

— Ты, видно, забыл, что если погибну я, то в тот же миг прекратится твое существование. Ты жив, пока жив я, ибо ты — моя Тень!

Лицо камергера исказилось, кортик выпал из его руки и покатился по паркету. Возглас ярости пронесся по затихшему тронному залу. Тут Андерсен произнес заклинание:

— ТЕНЬ! ЗНАЙ СВОЕ МЕСТО!

И у ног писателя распростерлась фигура камергера в нарядном красном камзоле. Секунда, и вот камергер превратился в черное, пока еще объемное тело, а еще секундой позже преобразился в плоскую черную тень, покорно лежащую у ног хозяина.

— Разрешите, я возьму свой кортик, — произнес адмирал и забрал свое оружие, лежащее на паркете в центре теневой фигуры.

Андерсен прощался с зареванной принцессой:

Андерсен. Жизнь без любви

— Очень жаль, Ваше Высочество, что так получилось... Но, может быть, все к лучшему...

— Возьмите этот перстень, — принцесса протянула писателю кольцо.

— К чему? — удивился сказочник. — Я не ношу драгоценностей...

Но принцесса продолжала держать бриллиантовое кольцо на протянутой ладони. Тут Андерсен понял, чье это кольцо и почему от него хотят избавиться.

— Хорошо, — согласился Ханс-Кристиан. — Я отправлю перстень в кунсткамеру, где уже находится одна небезызвестная горошина...

Писатель склонился к руке горящей девушки:

— Я буду помнить вас до конца моих дней. Простите меня, Ваше Высочество.

— Это вы простите меня, — еле слышно произнесла великая княжна.

— Прикажите запрячь сани, — попросил сказочник, — и я отправлюсь на родину. — Он поцеловал руку принцессы и сказал проникновенно: — Прощайте!

Ханс-Кристиан зашагал сквозь толпу расступившихся придворных.

— Тень, за мной! — скомандовал он.

Андерсен шел по залу. А за ним покорно шла его тень. Правда, руки ее возмущенно жестикулировали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Афишная тумба в гавани Копенгагена возвещала о гастрольных концертах шведской певицы Йенни Линд. На набережную один за другим подъезжали экипажи. Датские друзья и почитатели устраивали морскую прогулку в честь «шведского соловья», так газеты называли Йенни. Здесь и адмирал Вульф с Генриеттой, и Эдвард Коллин со своей молодой женой, и, разумеется, шведский посол с супругой, и балетмейстер Бурновиль, и постаревший мэтр Сиббони. И, конечно же, наш герой Ханс-Кристиан. Он не отходил от Йенни и даже поверхностному наблюдателю становилось ясно: Андерсен влюблен!

Йенни лет двадцать семь, — она мила, задорна, у нее прелестная улыбка, ей приятно находиться в центре внимания. В гавани легкий бриз трепал стяги и вымпелы, подгонял парусные корабли по морской глади. Дым от немногочисленных пароходов стелился над морем. Веселая компания поднялась на борт яхты «Генриетта».

— Гетти, — поинтересовалась Йенни, — яхта названа «Генриеттой» в вашу честь?

— Да, это был каприз папы, — смутилась дочь адмирала.

— Генриетта — мой лучший друг, — вмешался Ан-

дерсен. — Она необыкновенная! У нее великая душа! А адмирал не только знаменитый флотоводец, но и замечательный переводчик Шекспира.

— А вы самый добрый человек на свете, — Йенни дружелюбно улыбнулась Хансу-Кристиану. — Вы добры не только в ваших сказках, но и в жизни.

— Дорогие друзья, пожалуйста к столу, — пригласил хозяин.

На палубе яхты был сервирован стол с закусками и напитками. Яхта тем временем отошла от пирса и устремилась в открытое море. Гости столпились вокруг стола. Балетмейстер Бурнонвиль поднял бокал.

— Сегодня мы провожаем нашу любимицу Йенни! Сегодня она дарит публике свой последний концерт. Я хочу предложить тост за ее волшебный голос, за ее дивный драматический талант...

— Такой талант рождается раз в столетие, — поддержал мэтр Сиббони.

— ...за ее очарование, — закончил тост балетмейстер.

Пока гости осушали бокалы, мимо яхты прошлепал пароход. Дым из его трубы окутал пассажиров яхты. Люди начали чихать, кашлять, отгонять дым руками.

— Дымовоз проклятый, — выругался Бурнонвиль.

— Копченый хвост, — поддержал адмирал.

— И все-таки будущее за ними, — сказал Эдвард Коллин.

Пароход, крутя лопастями, ушел вперед, когда дым на яхте рассеялся, пассажиры превратились в негров — копоть прочно осела на лицах. Все стали смеяться и показывать друг на друга...

— Господа! Дорогие друзья! — сказала растроганная Йенни. — Я чувствую себя, как маленькая девочка у рождественской елки. Эти дни я стану вспоминать

всю жизнь. Как будто я жила у очень близких, родных мне людей. У меня в сердце такая нежность к вам.

Певица чокалась со всеми по очереди, и для каждого находила милые слова. К Андерсену она приблизилась в последнюю очередь. Тот восторженно пялил на нее глаза.

— Я счастлива, что в Дании я обрела замечательного друга. Вас, Ханс-Кристиан! Я обожаю ваши сказки. Я смеюсь над «Голым королем», плачу над Элизой из «Диких лебедей» и над «Русалочкой». Вы стали мне дороги. Разрешите мне назвать вас своим другом. Я бы хотела выпить с вами на брудершафт. Вы позволите?

Андерсен часто закивал головой. Они перекрестили свои руки с бокалами, и Йенни бережно прикоснулась губами к покрытому сажей лицу писателя. Тот был на седьмом небе. Генриетта, чтобы скрыть слезы, отвернулась в сторону. В это время черная копоть из трубы очередного колесного парохода опять обволокла бело-снежную яхту и нарядных пассажиров. Все опять принялись чихать, кашлять, размахивать руками и ругаться. Адмирал рассердился:

— Я сейчас покажу этой проклятой вонючке, как отравлять нам жизнь!

Петер Вульф поднялся на капитанский мостик.

— Командование беру на себя! — рявкнул он. — Сейчас мы покажем «конец» этому трубочисту.

Гости, осознав, что начинается погоня, сгрудились на носу.

— Поднять все паруса! — скомандовал адмирал. — Этой грязной лоханке не поздоровится.

Два матроса забежали по яхте, распуская полотна парусов, «Генриетта» увеличила ход и стала приближаться к пароходу.

XIX век. Первые пароходы.
Парусная яхта пытается догнать «дымовоз», но тщетно

Азартная погоня за пароходом кончилась печально:
яхта села на мель.

Адмирал Вульф — *Андрей Толубеев*
и его дочь Генриетта — *Алена Бабенко*

- Вам не тяжело?
- Я готов Вас нести на край света.

Йенни — *Евгения Крюкова,*
Андерсен — *Сергей Мигицко*

«Я молода, и я красива,
Толпой мужчин окружена...»

Йенни Линд (*Евгения Крюкова*) поет куплеты Сесиль
из комической оперы «Парижские прелестницы»

Генриетта видит, что Ханс-Кристиан сходит с ума
от любви к Йенни

Триумф Йенни Линд

«Я буду нема, как твоя «Русалочка» — я читала...
Я буду молчать о том, что у меня знаменитый брат...».

Карен — Галина Тюнина

«Какое же ты дерьмо, братец, — сказала сестра Андерсену...».
На рыбном рынке

«Не будь душой, Карен, возьми деньги...»

«Мама! Я окончил гимназию и приехал за тобой».

Мама — *Оксана Мысина*, Андерсен — *Станислав Рядинский*

Сумасшедшую Анну-Марию сын определил в приют для престарелых. «У меня такое предчувствие, что я ее вижу в последний раз...» — думал Ханс-Кристиан

«За большие заслуги в области литературы, — провозгласил король Кристиан VIII и прицепил орден на лацкан фрака»

Похороны Карен. Усопшая сестра вдруг села в гробу: «Ханс-Кристиан, ты великий лжец и обманщик!»

«Здесь в этом маленьком театрике живут герои ваших сказок — Дюймовочка, Элиза и ее братья-лебеди, Русалочка, Соловей...».

Супруги Мельхиор — *Владимир Пинчевский,*
Елена Подкаминская

Багаж Андерсена,
с которым он
отправлялся
в путешествия.
Обратите внимание на
пресловутую веревку
(Снимок из музея
Андерсена в Одессе)

«Здравствуйте, гуси, павлины, индюки, петухи!
Орангутанг приветствует Вас»

— Я уеду отсюда! Они мне завидуют! О, наши критики
стреляют только по движущимся мишеням!..

— Ханс-Кристиан, остановитесь!
Да перестаньте, наконец, плакать!

Ханс-Кристиан и Генриетта

— Вы ревнуете, Гетти?
— Да... Нет... Не знаю...

«Я еду к Йенни... Она меня пригласила».

Андерсен и Генриетта. *Сергей Мигицко и Алена Бабенко*

«Я не вижу подле себя никакой другой женщины.
Прошу Вас, будьте моей женой»

«Я не люблю Вас... Простите, но я не могу
быть Вашей женой...»

Ханс-Кристиан: «Боже! Как стыдно!»

- Может, тебя удовлетворит какая-нибудь из моих фрейлин? Выбирай любую...
- За кого Вы меня принимаете, Ваше Высочество?

- А теперь сделаем еще кое-что...
- Ты настаиваешь?..
- Ты обещала...

Свинопас — *Станислав Рядинский,*
Принцесса — *Евгения Крюкова*

Постепенно луговина вокруг Принцессы и Свинопаса
покрылась белыми кружевными юбками

— Будем обходить справа! — заорал Вульф и крутанул штурвал.

— Папа, вперед! — азартно поддерживала командора Генриетта.

Йенни в ажиотаже подпрыгивала и вопила:

— Вперед! Быстрее!

— Фрекен Линд, — укоризненно сказал шведский посол. — У вас сегодня вечером концерт! Вы сорвете голос и уроните честь нашей родины!

— Не уроню! — отпарировала певица.

— И все равно, парусники это вчерашний день, — настаивал младший Коллин.

Яхта нагоняла пароход. Снова едкий дым окутал пассажиров.

— Ура! — кричали гости Вульфа. — Мы обходим! Да здравствует наш адмирал!

И вдруг случился резкий толчок. Пассажиры попадали на палубу. Образовалась куча мала. Опрокинулся стол с закусками и напитками. Разбились тарелки и бокалы. Адмирал в сердцах выругался.

— Сели на мель! — пробормотал он себе под нос.

— Что случилось? В чем дело? Вы не ушиблись? Черт, нога болит! Что произошло?! — раздавались крики гостей.

Рассеялся дым и все стало ясно: яхта стояла, врезавшись килем в песчаное дно. «Вонючая лоханка» победоносно удалялась. На адмирала было жалко смотреть. Генриетта подбежала к нему и обняла.

— Вы не ушиблись, Йенни? — с беспокойством спросил Андерсен, который при толчке рухнул на палубу. А Йенни, в свою очередь, упала на него.

— Нет, все в порядке. Но у меня через три часа концерт.

До берега было метров триста.

— Надо спустить шлюпку, — сказал Бурнонвиль.

— Шлюпка оторвалась при ударе, — заметил Эдвард. — Вон она!..

Все посмотрели на беленькую шлюпку, которую уносило в море.

— Адмирал, что делать? — спросил посол.

Вульф молчал. Генриетта и жена Эдварда собирали с палубы битую посуду и остатки пищи. Ханс-Кристиан стал перелезать через борт яхты.

— Что вы делаете, Ханс-Кристиан! — крикнула Генриетта, пытаясь удержать друга. — Остановитесь! Вы же не умеете плавать!

— Здесь мелко, — ответил он и прыгнул в воду.

И действительно вода пришлась ему по грудь.

— Йенни, идите ко мне. Я вас отнесу на берег, — и он протянул руки к певице.

Йенни колебалась, не зная, что предпринять.

— Это единственный выход, — сказал посол. — Идемте, я помогу вам.

С помощью дипломата Йенни перебралась с яхты прямо в объятия Андерсена.

— Я пришлю вам помощь, — крикнул Ханс-Кристиан остающимся на яхте и повернул к берегу. Он бережно нес драгоценную кладь.

— Обнимите меня за шею. Мне будет удобнее нести вас, — и добавил: — И приятнее.

Сзади них, врезавшаяся в песчаную отмель, хлопала парусами застывшая яхта, с которой вслед им смотрели пассажиры. Некоторые гости последовали примеру Андерсена. В воде мелькали нарядные женские и мужские фигуры — шли кто по пояс, кто по грудь в воде. Возглавляла шествие, конечно, Генриетта.

— Этот самый Вульф, — поинтересовалась Йенни, — он действительно адмирал?

— Да. Он участвовал в сражении с английской эскадрой, которой командовал сам Нельсон. Вульф был капитаном корвета.

— И кто победил? — спросила певица.

— Разумеется, Нельсон. Во время баталии адмирал Вульф посадил свой корабль на мель.

— Понятно... Садиться на мель, это у него такая привычка?! — съехидничала Йенни. — Вам не тяжело?

— Я готов нести вас на край света! — Это не было преувеличением.

— Что вы сейчас сочиняете? — спросила сладкая ноша, переводя опасный разговор.

— Я сейчас пишу историю своей жизни, автобиографическую повесть, — на эту приманку Ханс-Кристиан немедленно клюнул. — Называется «Сказка моей жизни».

— Буду ждать ее с нетерпением...

Берег, к которому они направлялись, приближался.

— По-моему, он в нее по уши влюблен. А она? Как вы думаете? — обратился Эдвард к Генриетте.

— Меня это совершенно не интересует! — в сердцах воскликнула дочь адмирала.

Андерсен и Йенни с трудом продирались сквозь высокие, в человеческий рост, густые камыши, которые покрывали побережье.

— Завтра вы уезжаете! — с грустью молвил Ханс-Кристиан.

— Да... Сначала домой, в Стокгольм. А потом гастрольное турне по Европе. — Йенни улыбнулась. — Меня рвут на части. Париж, Вена, Мадрид, Москва...

— Как бы я хотел поехать с вами! — не сдержался Андерсен. — Я не могу не видеть вас!

— Это невозможно, дорогой мой Ханс-Кристиан, — ласково, но категорично сказала певица.

— Представляю... цветы... поклонники... — Андерсена душила ревность. — Если бы вы знали, как это невыносимо для меня!

— У меня одна любовь — музыка, — попыталась успокоить влюбленного писателя Йенни. — Как у вас литература.

В этот момент Йенни увидела экипаж, который несся по проезжей дороге. Она кинулась наперерез лошадям, крича и размахивая руками. За певицей бежал Андерсен и тоже громко орал. Кучер резко остановил лошадей.

Театр был полон. Зрители негодовали, хлопали, свистели, топали ногами. Время начинать концерт уже прошло, но никто ничего не объяснял. Перед занавесом появился включенный Ханс-Кристиан. Переодеться он не успел, поэтому одежда на нем была мятая и местами мокрая.

— Дорогие дамы и господа! — начал Андерсен. — Сегодня была организована морская прогулка в честь великой Йенни Линд. Но яхта села на мель. — Свист усилился. — Не беспокойтесь, певица здесь. Она готовится к своему выступлению.

За кулисами Йенни лихорадочно передевалась с помощью костюмерши.

В первых рядах зрительного зала поднялся мужчина и крикнул:

— Господин Андерсен! Это вам даром не пройдет! Раз вы стоите на сцене, то прочтите что-нибудь свое... новое...

Зал поддержал требование выкриками и хлопками.

— А не то мы будем продолжать возмущаться! — и, смеясь, смутьян уселся на свое место.

Андерсен, стоя перед занавесом, поспешно согласился:

— Хорошо, хорошо! Чтобы вы не скучали, я прочитаю вам совсем новое. Вы будете первыми слушателями. Сказка называется «Соловей». Убежден, она вам понравится. Эта сказка посвящается Йенни Линд. Недаром ее называют «Шведский соловей».

На этих словах сказочника в зал вбежала Генриетта. Она остановилась в дверях. Ханс-Кристиан достал из мятого сюртука листок бумаги и расправил его:

— Боже мой! Бумага промокла, все буквы размылись...

Опять раздался свист, понеслись выкрики.

— Но ничего, — Андерсен попробовал перекричать зал. — Я буду читать по памяти...

Генриетта пристроилась в зале у одной из колонн, свободных мест не находилось. Лицо ее было искажено страданием, а Андерсен тем временем приступил к декламации:

— В Китае, как вы знаете, и сам император, и все окружающие его — китайцы...

И тут — о счастье! — оркестр заиграл вступление. Андерсен прервал свою сказку¹.

— Куплеты Сесиль, — объявил писатель, — из комической оперы «Парижские прелестницы». Встречайте — Йенни Линд!

Зал взревел овацией, а Андерсен ретировался за кулисы. На сцене, изображающей Париж середины девятнадцатого столетия, появилась Йенни в шикарном концертном платье. Она была чудо как хороша. Волшебный голос взмыл над замершим залом. Номер со-

¹ Но те, кто хочет прочитать эту сказку, может ознакомиться с ней в конце книги в главе «Post Scriptum». Читатель узнает, как эта сказка была адаптирована для кино.

проводился балетом, тогда это было новшество — певицу окружили танцующие парижане — буржуа, студент, рантье, офицер, художник, ловелас, моряк...

Я молода и я красива,
Толпой мужчин окружена.
Но я колюча, жгусь, как крапива —
Ничья любовница и даже не жена.

Припев:

В цветах и в лентах от претендентов, —
Но мне мужчины не нужны...
О, как ничтожны их комплименты —
Все бородатые, усатые — смешны!

А если сдуру стрела Амура
Порой в мое сердечко попадет —
Любви враждебна моя натура,
И у Амура этот номер не пройдет.

Припев:

В цветах и лентах от претендентов,
Но мне мужчины не нужны.
О, как ничтожны их комплименты —
Все бородатые, усатые — смешны!

А если кто-то меня затронет,
Я оскорбленья не спущу...
Мое отмщение навек запомнит, —
Своею темной нелюбовью отомщу!

Припев грянули мужчины:

В цветах и в лентах от претендентов, —
Но ей мужчины не нужны,
Ничтожны наши комплименты —
Мы — бородатые, усатые — смешны!

И снова вступила солистка:

Но вдруг придет он, долгожданный,
Его узнаю сразу по глазам...

Спротивляться ему не стану,
И никому его, и никогда его
И ни за что его, конечно, не отдам!..¹

Андерсен пожирал глазами певицу и находился в состоянии, близком к иступлению. Когда кончилась ария, публика начала неистовствовать, а Ханс-Кристиан, не помня себя, выскочил на сцену с огромным букетом роз и бухнулся перед певицей на колени. Генриетта, увидевшая эту сцену, в отчаянии покидала зрительный зал. Она шла сквозь безумствующий, аплодирующий зал, а навстречу ей к сцене бежали восторженные слушатели. И тут Генриетта не сдержалась, слезы хлынули по ее измученному лицу.

— Когда мы увидимся?! — спрашивал Ханс-Кристиан за кулисами у триумфаторши.

— Не знаю, милый мой друг, — и Йенни вновь убежала кланяться публике.

Откланявшись, она вернулась за занавес к Андерсену.

— Знаете, я буду на Рождество в Дрездене, меня пригласил герцог Ольденбургский, — сказала Йенни. — Приезжайте туда, встретим вместе Рождество.

И она снова умчалась отдавать поклоны ревушим слушателям. Когда она возвратилась, Андерсен уже принял решение:

— У меня тоже дела в Дрездене, меня там ждет издатель, который затеял...

Йенни опять ускакала кланяться и не дослушала конца фразы.

— ...выпуск моего полного собрания сочинений.

— Боже, встретить вместе с ней Рождество! — думал счастливый писатель. — Ведь это все равно, что согласие...

¹ Стихи Э. Рязанова.

Утренний туман придавал копенгагенскому порту фантастический вид. Корабельные мачты скрывались в воздушном мареве. Слышались звуки рынды, команды капитанов, скрип такелажа, хлопанье парусов, топот матросских ног по палубам судов...

На причале толпилась кучка провожающих. От пирса отваливал парусный пакетбот, увозящий на родину великую шведскую певицу. Веселая, безмятежная Йенни прижимала к груди шикарные цветы, прощалась со своими новыми друзьями. Среди них не было только Генриетты, и Йенни грустно вздохнула. Она точно знала, что у подруги не было никакого повода для ревности: Андерсен не сумел занять в ее сердце того главного места, на которое претендовал. Но сам Ханс-Кристиан об этом даже не догадывался. Его неопытность в любовных делах была поразительна. В толпе провожающих глаза писателя сияли особенным светом, а в ушах звенел божественный голос: «Встретим вместе Рождество, встретим вместе Рождество...» Этой любезной, ненароком брошенной фразе доверчивый сказочник придавал огромное значение. Он был счастлив ожиданием...

Путь от пристани к дому лежал через рыбный рынок. На берегу моря были установлены большие длинные прилавки, где лежали на льду рыбыны разных сортов, в чанах и бочках плескались угри, треска, сельдь и прочая морская живность. Жены рыбаков, подпоясанные клеенчатыми фартуками, кричали наперебой, зазывая покупателей. Андерсен задумчиво шел по рынку, оглядываясь в сторону моря. Но парохода, увезшего Йенни, уже не было видно.

И тут его окликнули. Он оглянулся и увидел Карен, свою сводную сестру. Он не встречал ее несколько лет. А когда два или три раза их пути пересекались на ко-

пенгагенских улицах, они делали вид, что не знакомы друг с другом. Карен постарела: синяки под глазами, глубокие морщины изрезали ее лицо. Одета она была бедно, выглядела униженно:

— Здравствуй, братец...

Андерсен в ответ только кивнул. Ему было и приятно увидеть сестру, и неприятно, что она остановила его в таком людном месте. Он осмотрелся по сторонам.

— Зачем ты возникла? — сказал Андерсен горько. — Мы же договорились.

Сестра виновато улыбнулась, опустила глаза.

— Прости... Просто мне плохо, — пожаловалась Карен.

Андерсен вздохнул, отвел Карен в сторонку. Потом откинул полу своего твидового сюртука, вынул кошелек и протянул сестре несколько купюр. Немного.

— Я не денег прошу... — Карен отвела его руку.

Андерсен улыбнулся:

— Ты что?.. Богата?..

Он все время здоровался, кивал головой по сторонам. Было ясно, что многие копенгагенцы знают его в лицо.

— Нет. Я ничего не скопила. И уже не скоплю, — она засмеялась громко, с вызовом. — Кто сейчас польститя на старую калошу!

— Чем тебе помочь? Только говори побыстрее, — братец все время озирался.

Но вроде бы никто не обращал на них внимания.

Карен говорила торопливо. Ей было неловко занимать время прославленного родственника:

— Одиноко мне... Хотела тебя увидеть... Хочу попросить тебя, устрой меня в театр... Кем угодно... могу что подшить... или билетером... полы вымыть...

Андерсен опять оглянулся. Мимо проходило бога-

тое семейство. Служанка несла корзину с живой рыбой. Муж и жена поклонились Андерсену. Он неуклюже кивнул в ответ.

— В театр? — вспыхнул Андерсен. — Зачем тебе в театр? Мне не надо, чтобы там о тебе знали...

— Я как эти рыбы, как твоя русалочка — я читала! — буду немая... слова не скажу, что у меня знаменитый брат, — Карен даже заикалась от волнения.

Ханс-Кристиан молчал. Он колебался. На глаза его навернулись слезы.

— Ты была на похоронах мамы? — спросил он.

Карен утвердительно покивала головой.

— А я не смог. Далеко был, в Италии... Узнал поздно, через три недели, — печально сказал Ханс-Кристиан.

— Я понимаю... Италия, это очень далеко... — Карен не имела в виду ничего дурного, но фраза прозвучала двусмысленно.

Андерсен, наконец, принял решение. Он достал из кошелька несколько купюр, пересчитал их. Две положил обратно в кошелек. Остальные отдал:

— Бери... Не будь дурой.

Карен поняла, что это отказ, смягченный подачкой.

— Возьму! — Карен после паузы решительно выхватила купюры. — Но какое же ты дерьмо, братец!

И сестра растворилась среди покупателей рынка.

Андерсен стоял в оживленной громкой толпе, погруженный в свои горькие мысли и грустные воспоминания...

И снова мы переносим читателя назад, примерно на десять лет. Андерсен, наконец-то, выбрался в Оденсе навестить мать.

Оденсе был залит лунным светом. Шпиль собора святого Кнуда походил на большую серебряную каплю,

упавшую с неба. Ханс-Кристиан брел по тропинке. Ему казалось, только вчера он покинул эти места: вот холм, вот амбар, те же пустые бочки...

Он приблизился к родному дому, вошел во двор. Дверь в дом была открыта. В маленькой каморке темно. Его встретило злобное урчание собак. Ханс-Кристиан вошел в комнату. Лунный луч из окна позволял увидеть дверь с фантастическими наивными зверями: слоном, львом и носорогом. Хриплый женский голос раздался откуда-то снизу:

— Убирайся! Говори, зачем пришел, и отваливай.

Андерсен увидел женскую фигуру в ночной рубашке. Это Анна-Мария. Она спала на полу в окружении трех больших молчаливых собак. Собаки стали обнюхивать штаны Ханса-Кристиана.

— Мама... Я окончил гимназию. И вот приехал...

На стене комнаты от Андерсена виднелась большая тень. Он огляделся по сторонам и увидел, что в каморке не осталось никакой мебели. Лишь на одной из стен висело несколько его аппликаций.

— Приходи утром. Утром я могу еще разговаривать.

В руках у Анны-Марии большой кухонный нож. Она приставила его ко лбу и смотрела из-под лезвия, желая разглядеть ночного пришельца.

— Мама, ты не узнаешь меня? Я приехал за тобой...

Анна-Мария взяла серные спички и стала зажигать огарок свечи. При свете стало видно, что Анна-Мария пострижена наголо. Ее пышные прежде волосы исчезли. Анна-Мария поднесла огарок к лицу сына. Андерсен смотрел на мать с ужасом. Улыбка тронула губы Анны-Марии, она узнала Ханса-Кристиана. Собаки внимательно следили за их встречей.

— Это мой Ханс-Кристиан. — сказала Анна-Мария собакам. — Он теперь богат, даст нам деньги.

Мать отстранилась от сына, подошла к печи. Сильные пальцы разломали сухие ветки, забросили их в разгорающийся огонь.

— Ты говорил мне: «Стану богатым, мама, дам денег!» Помнишь?! — Неожиданно ее руки влезли в карман сына. — Где твой кошелек?

Ханс-Кристиан пытался сопротивляться. Собаки начали рычать.

— Я тебя отпустила в Копенгаген, чтобы ты стал там богатым, знаменитым... Ты не хочешь дать маме то, что ей полагается...

Мама взяла миску, из которой пила собака, и стала пить из нее. Потом снова протянула ее псу. Пес послушно допил воду, что осталась после хозяйки.

Андерсен ужаснулся:

— Мама! Что ты делаешь?! Поедем. Пока я совсем не богат, но мы могли бы жить вместе.

Мама стала сдирать с себя рубашку.

— Мама! Собирайся! Пошли отсюда!

Анна-Мария начала кричать:

— Я не брошу Оденсе! Я не ты! Убирайся в свой Копенгаген... Ешь с королем из золотой посуды, а я вот буду жрать из миски с моими собаками, — она наклонилась и стала целовать собак. — Да, мои собачки?! Уходи... И забудь, что у тебя есть мама! Зря ты сюда приезжал! — Она сняла с себя платье и, голая, улеглась на пол рядом с собаками.

Ханс-Кристиан находился в смятении. Он попятился к двери и тихо вышел из дома. Мать спала на полу...

На окраине Оденсе у канала стоял дом для старых, больных, одиноких людей. Ханс-Кристиан заполнил документы, заплатил деньги монахине. Рядом с Андер-

Андерсен. Жизнь без любви

сеном постаревший полковник Гульдберг. Они подошли к забору. В саду большие дубы. Мама гуляла по саду среди других убогих и несчастных. Она мытая, чистая, но глаза ее беспокойно шарили по сторонам.

— Здесь ей будет хорошо, — с надеждой сказал полковник.

Андерсен печально смотрел на мать:

— У меня предчувствие, что я больше никогда ее не увижу...

У городских ворот Оденсе полковник провожал Ханса-Кристиана. Андерсен уселся в почтовый дилижанс. Полковник отдал ему честь. Дилижанс тронулся. Сзади, среди багажа, высилась дверь из родительского дома Ханса-Кристиана. Слон, носорог и лев переезжали в Копенгаген.

Анна-Мария кралась по саду дома — приюта для престарелых. Нашла в заборе щель, протиснулась в нее. Собаки ждали ее по ту сторону изгороди. Анна-Мария помчалась прочь. Верные псы бежали рядом...

По берегу моря размашистыми шагами неслась женщина в длинном балахоне. Она издавала громкие нечленораздельные крики, собаки лаяли...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Наконец, признание пришло и в Дании. В парадном зале датских королей Кристиан VIII вручал высший орден государства Хансу-Кристиану.

— ...за огромные заслуги в области литературы, — так закончил свою поздравительную речь король.

Андерсен склонился в поклоне:

— Благодарю вас, Ваше Величество. Признание Родины особенно дорого.

Король прикрепил награду к камзолу писателя, на котором уже не так просто найти место для отечественного ордена среди множества иностранных.

Прием во дворце в честь Ханса-Кристиана. Тут советник Коллин, адмирал Вульф с верным другом Андерсена Генриеттой, Бурнонвиль, Торвальдсен, придворные.

— Я читал ваш прекрасный роман «Импровизатор», — сказал Кристиан VIII, чокаясь с писателем. — Признайтесь, дорогой Андерсен, вы писали его с себя?

— В какой-то степени, — согласился Андерсен.

— Я догадался! — торжествующе заявил государь.

В беседу включилась королева:

— А что если я попрошу вас сымпровизировать сказку на заданную тему? Прямо сейчас, экспромтом?

Андерсен выглядел перепуганным:

— Не уверен... Но для вас, Ваше Величество, могу, конечно, попробовать.

— Постарайтесь сочинить, — включился в игру Кристиан VIII, — ну, скажем... сказку о Славе.

— О Славе?.. — Андерсен был озадачен. — Ну, что ж, — после паузы: — Я представляю себе Славу так. Слава — это женщина гигантского роста, величиной с башню нашей ратуши. И он показал в сторону окна, где виднелась башня муниципалитета датской столицы.

Андерсен продолжал фантазировать:

— Слава смотрит, как внизу, на земле, копошатся люди, мелкие, мелкие. Она нагибается, берет наугад из толпы одного из них и поднимает высоко-высоко. На уровень своих глаз.

Влюбленно смотрела на писателя Генриетта. Вульф и Коллин с восхищением слушали импровизацию сказочника. Торвальдсен и Бурнонвиль с интересом ждали продолжения экспромта.

Андерсен сочинял:

— Слава внимательно рассматривает его. А потом разочарованно произносит: «Опять не тот!» И роняет его на землю.

Король беззвучно зааплодировал. Все, разумеется, последовали его примеру.

— Ну, вас-то Слава не уронит, — заявил Кристиан VIII.

— Как знать, все в руках Божьих, — ответил Андерсен с грустной улыбкой.

— А как вы сами относитесь к тому, что знамениты? — с любопытством мещанки поинтересовалась государыня.

— По-моему, лучше умереть, чем пережить славу, — простодушно покаялся Ханс-Кристиан.

— Признаюсь, не могу понять, как вы сочиняете свои дивные истории? — любопытствовала королева.

Андерсен усмехнулся:

— Очень просто. Утром сажусь за стол, макаю перо в чернильницу и думаю: «Что бы такое сочинить?» И вдруг тихий стук в дверь. Я говорю: «Войдите!» Входит женщина, кстати, часто очень похожая на фрекен Генриетту...

Тут Генриетта вздрогнула и растерянно оглянулась по сторонам.

— ...и еле слышно произносит: «Я — сказка. Я пришла тебе помочь». Она становится за моим креслом и стоит молча. Но я чувствую, как в моем мозгу появляются образы, возникают лица, слова теснят друг друга, фразы словно льются с моего пера... Потом оглядываюсь, а сзади никого нет...

Генриетта в восторге от сочинительств друга.

После долгой паузы король спросил:

— Вы шутите?

— Конечно, — рассмеялся Ханс-Кристиан.

— Я догадался! — король поспешил сообщить всем окружающим о своей сообразительности.

Придворные почтительно засмеялись, заплотировали догадливому монарху и находчивому бумагомарателю. Генриетта тайком погладила Андерсена по рукаву...

Огорченный разгромной статьей критика Матизена о его пьесе, Ханс-Кристиан поднимался к себе на второй этаж, в комнату, которую он снял всего неделю назад.

У двери первого этажа смазливая соседка, вдовуш-

ка лет эдак тридцати двух, делала вид, что полирует медную ручку.

— Добрый вечер, фрекен Анна, — вежливо поздоровался Андерсен.

— Добрый вечер, Ханс-Кристиан. Чем-то огорчены? Ханс-Кристиан кивнул.

— Заходите ко мне, попьем чаю!

Андерсену необходимы были участие, добрый голос, а интонация у вдовы была ласковой и зазывной. И молодой драматург приветливо улыбнулся.

— С удовольствием, — Ханс-Кристиан проследовал в квартиру Анны.

— Одной так трудно, — сказала хозяйка, пропуская гостя.

В квартире было уютно. Умерший супруг недовольно взирал с портрета, висящего на стене, на нескладного ухажера.

Анна и Ханс-Кристиан прихлебывали чай и неотрывно смотрели друг на друга. Андерсен пожирал вдовушку глазами, не отводя взора от соблазнительного выреза на платье. Анна ждала, когда гость проявит инициативу, но не дождалась. Андерсен молчал и сопел.

Тогда Анна встала, взяла Ханса-Кристиана за руку и повела в спальню. Остановившись у постели и убедившись в недвусмысленных намерениях Андерсена, она принялась раздеваться. При этом она не сводила обольстительных глаз с Ханса-Кристиана. Тот зачарованно глазел на вдовушку, а когда с нее слетели блузка и юбка, сексуальный дебютант неожиданно икнул. Анна повернулась спиной и прошептала:

— Расстегните, пожалуйста, корсет.

У кавалера дрожали руки. Они не слушались хозяина. Тот никак не мог справиться с поручением Анны.

— Я не умею, — страдальчески произнес Ханс-Кристиан, продолжая икать.

— Надо учиться, — ласково произнесла Анна. — Расстегивайте.

— Не получается, — дергая корсет, жалобно повторил вспотевший писатель, не переставая икать.

Тем не менее корсет в конце концов был побежден и отброшен.

— Теперь раздевайтесь сами, — предложила вдова, продолжая обнажаться.

— Я не умею на людях, — честно признался Андерсен.

— Но кроме нас здесь никого нет, — сказала Анна, не поняв, что под «людьми» Ханс-Кристиан имел в виду именно ее. — Да не стойте же чурбаном, — нежно поощрила она робкого молодого человека.

Но чурбан дрожал, икал, потел и имел потерянный вид.

— Придется помочь, — прошептала женщина. — Сейчас я расстегну вам эту пуговицу...

И вот обнаженный Андерсен стоял перед ней, прикрыв руками то, что сейчас как раз не надо было прикрывать. И продолжал икать. Анна обняла его и, падая в кровать, повалила на себя.

— Боже, да вы весь дрожите. У вас этого никогда не было? Поцелуйте меня. Я помогу вам стать мужчиной.

— Как вы прекрасны! — прохрипел Ханс-Кристиан. — Но я... не знаю... Я...

Стать мужчиной никак не удавалось. Как говорится, запал весь вышел.

— Не получается, — затравленно произнес новичок.

— Смелее, — ободрила его вдова. — Ну? Ну же...

Потерпев очередное фиаско, Ханс-Кристиан закрыл глаза. И снова икнул.

— Боже, как мне стыдно, — он чуть не расплакался. — Простите меня, Анна. Я просто ничтожество. Как я невыносимо страдаю!

Потеряв надежду на успех, Андерсен схватил свое белье и спрятался за ширму.

Анна была раздосадована, но пожалела юношу.

— Не казнитесь, господин Андерсен, такое с мужчинами бывает. Получится в следующий раз.

Анна лежала в кровати нагая и была очень соблазнительна.

Андерсен старался не смотреть на нее, торопливо одеваясь. Он желал как можно скорее убежать от позора. В спешке он опрокинул ширму и полуодетый бросился ее поднимать, бормоча слова извинения.

— Боже, какой я нескладный, простите меня.

Установив, наконец, ширму, он сказал, не глядя на обольстительницу:

— Только, пожалуйста, никому не рассказывайте о том, что между нами произошло.

— Вернее о том, что не произошло, — уточнила вдова.

Тут Андерсен в гневе выскочил из-за ширмы:

— Какая вы, Анна, злая, — икота не оставляла его. — Я не смог этого сделать, потому что не люблю вас. О, если бы я любил, у меня все бы получилось. И потом, вы очень некрасивы! Вовсе! А я еще и икаю.

— Как ты жесток, Ханс-Кристиан. Удачи у тебя не будет. Уходи!

На следующий день Андерсен поспешно съехал с квартиры. Анна, грустно усмехаясь, смотрела ему вслед, когда он увозил на извозчике свои немногочисленные пожитки, среди которых главное место занимала дощатая дверь с нарисованными на ней наивными животными — слоном, львом и носорогом...

В Копенгагене на вилле супругов Доротеи и Морица Мельхиоров у Андерсена была своя комната. Уютное, с любовью обставленное заботливой хозяйкой гнездышко. Балконная дверь выходила в сад. В саду буйствовала осень. Бесшумно падали с деревьев желтые и красные листья...

Доротея постучала в стеклянную дверь из сада. Андерсен оторвался от работы и открыл дверь. У Андерсена опять болели зубы, и лицо его было обмотано платком. Доротея — она напоминала жену хозяина магазина игрушек из сцены еврейского погрома, — держала в руках его новую книгу.

— Я только что закончила вашу «Сказку моей жизни». Какая дивная вещь!

— Название «Сказка моей жизни» понравилось? — польщенно спросил автор.

— От книги невозможно оторваться, — протянула экземпляр Доротея. — Надпишите нашим детям.

— Вашим разбойникам — с удовольствием, — сказал Андерсен, надписывая экземпляр. — Хотя, между нами говоря, из этой книги ребятишки узнают только сахарную сторону моей жизни. Признаюсь, я много сгладил.

— Ну, а зачем им знать о неприятной стороне жизни? Они о ней и так узнают, — философски заметила Доротея.

В комнату постучали. Вошла служанка Бригитта.

— Полицейский пристав просит господина Андерсена принять его.

Бригитта была напугана.

— Вы где-то набедокурили, Ханс-Кристиан?! — улыбнулась Доротея, принимая книгу, надписанную им.

— Ко мне?! — изумился Андерсен. — Зачем?

— Он настаивает, что должен побеседовать с вами с глазу на глаз, — доложила прислуга.

— Зови его, Бригитта, — разрешил Ханс-Кристиан. — Что ему от меня понадобилось? Вы знаете, Доротея, я никогда не имел дел с полицией.

— Знаю, вы самый законопослушный гражданин страны, — пошутила Доротея и направилась к двери. — Спасибо за чудный автограф.

У порога хозяйка столкнулась с полицейским офицером. Они раскланялись, полицейский закрыл дверь. Андерсен остался наедине с блюстителем порядка.

— Слушаю вас.

— У меня деликатная тема, господин Андерсен, — сообщил полицейский.

— Я весь внимание, — Андерсен был в недоумении.

— Не знаю даже, как приступить, — помялся человек в мундире. — Вы такой достойный господин, вас знает вся Дания, вас принимает сам король...

— В чем же дело?

— Одна проститутка, заболевшая дурной болезнью, уверяет, что она — ваша сестра.

— У меня нет родственников среди проституток, — поспешно сказал Ханс-Кристиан.

— Я так и думал, — сказал жандарм. — Простите, пожалуйста. Эти падшие твари на все способны, даже осквернить такого святого человека, как вы. Честь имею!

И страж порядка двинулся к двери.

— Минутку, подождите... — остановил его Андерсен. — Как ее зовут?

— Карен Эриксен.

Андерсен сделал вид, что вспоминает...

— Позвольте, кажется, в Оденсе у нас были соседи,

именно Эриксены, и их дочку вроде бы звали... да, да, именно Карен. Я был тогда совсем маленьким.

— Ее надо определить в больницу. Нужны деньги. А откуда деньги у немолодой потаскухи?

— Понимаю, понимаю, — забормотал Андерсен. — И сколько нужно?

— Положить в больницу. Лекарства. То, се...

— Я попробую, — Андерсен судорожно достал из конторки бумажник. — В память о детских годах, — он отсчитывал купюры. — Я ее практически не помню. Вот здесь сорок далеров. Сообщите мне, пожалуйста, куда ее положат, я постараюсь послать ей еще.

— Какой вы чудесный человек, господин Андерсен, — полицейский был растроган. — Как это похоже на вас, на ваши добрые сказки. Желаю здравствовать! — пристав откозырял, щелкнул каблуками и двинулся на выход.

Андерсен отвернулся к балконной двери, чтобы офицер не видел его лица. Ему было больно и стыдно. В дверях полицейский пристав остановился:

— Я вижу, вы небогаты, господин писатель. Позвольте спросить: и сколько же с вас дерут эти евреи Мельхиоры за вашу комнату?

Андерсена охватило негодование. Он повернулся к полицмейстеру:

— Супруги Доротея и Мориц Мельхиор — мои друзья, а не квартирные хозяева. Я живу у них в гостях уже несколько лет. И не плачу им ничего. Они заботятся обо мне, как о родном человеке. Как вам не стыдно такое говорить! Ваши слова позорят датчан. А поначалу вы произвели на меня доброе впечатление.

— Извините, — засуетился пристав. — Простите. Я не хотел. Конечно, и среди евреев попадаются приличные люди. Извините. Всего доброго.

Напоследок, видно желая сделать писателю приятное, полицейский остановился перед дверью, на которой были написаны красками капустное поле и смешные, примитивные животные: лев, слон и носорог.

— Это картинки к вашим сказкам? — полюбопытствовал пристав.

Андерсен желал поскорее избавиться от полицейского:

— Да... Да... Конечно, к моим сказкам.

— Работал талантливый художник, — заключил полицейский ценитель живописи и вышел.

Оставшись один, Ханс-Кристиан в отчаянии принялся стучать кулаками по письменному столу...

Вечером в той же комнате Андерсен готовился отойти ко сну. Надев ночную рубашку, он напялил на голову колпак, достал из конторки готовую — старую и помятую — записку и аккуратно уложил ее на тумбочку около изголовья. Потом он вынул изо рта верхнюю челюсть и положил ее в чашку. Пока он принимал лекарства и укладывался в постель, прочитаем, что написано в записке:

«Внимание! Если я лежу неподвижно и вам кажется, что я умер, не торопитесь с выводами. На самом деле я сплю глубоким сном. Подождите день. Уколите меня булавками. И если я через три дня не подам признаков жизни, то лишь тогда приступайте...

Х.-К. Андерсен»

Ханс-Кристиан погасил лампу на тумбочке и забылся беспокойным сном. В эту ночь ему приснилось страшное видение — похороны его сестры Карен...

Траурная процессия медленно появилась на кладбище. Одеты в черное оркестранты играли печальную музыку. За черной колесницей, где в гробу среди цветов покоилась Карен, двигались одни женщины. Лица их были вульгарны, все они были размалеваны. Одеты, вернее, раздеты, были тоже вызывающе. У одних из платьев выпирали голые плечи, а иные носили неприлично короткие юбки. Короче, зрелище было отталкивающее. Среди шлюх был только один мужчина — Ханс-Кристиан Андерсен в черном костюме. Вдруг Андерсен увидел священника. Он стал уговаривать его прочитать заупокойную мессу, но величественным жестом пастор отказался. Слов не было слышно, только звучала траурная музыка. Процессия остановилась у вырытой могилы. Проститутки, подружки усопшей, окружили гроб. Среди них возвышалась длинная фигура Андерсена. По другую сторону гроба стояла Анна-Мария. Как здесь появилась давно умершая мать Карен и Ханса-Кристиана, было непонятно. Музыка смолкла. И вдруг в тишине раздался резкий треск. Это покойница, внезапно ожив, села в гробу.

— Послушай меня, братец! — четко произнесла усопшая. — Ты ведешь двойную жизнь. В сказках ты добр, благороден, великодушен. Но на самом деле ты страшный человек — расчетливый и холодный. Ты всю жизнь скрывал убожество своего происхождения, боялся, что это осквернит тебя в глазах света. А ведь его мнение ничего не стоит.

И все размалеванные товарки усопшей повторили ее слова, как клятву: «Ничего не стоит!»

Лицо Карен было покрыто белым слоем краски, говорила она монотонно и безо всякого выражения:

— Ты утаивал свои низменные сластолюбивые наклонности, ты предал нашу мать. И ведь ты не знаешь

даже, где моя могила. Ведь, на самом деле, ты не пришел на мои похороны, боялся испачкаться... Когда ты умрешь, твой гроб не проводит ни один близкий, родной человек, у тебя их попросту нет. Ханс-Кристиан, ты великий лжец и обманщик!

— Ханс-Кристиан, ты великий лжец и обманщик, — повторили следом шлюхи...

Андерсен проснулся в холодном поту и сел на кровати. Он обхватил голову руками и застонал, вернее, завыл. Он выл тихо и долго...

На следующее утро Андерсен вошел в столовую, где его поджидали члены семьи Мельхиоров: глава дома Мориц, его жена Доротея и двое детей-погодков: пяти и шести лет... Обстановка говорила о значительном богатстве хозяев. В столовой на стенах висели подлинники малых голландцев и французских художников восемнадцатого века. Бригитта и пожилой лакей в кипе прислуживали за столом: разливали кофе и разносили блюда. Первым делом на Андерсене повисли дети с требованием немедленно почитать сказку. Родители снимали их с Андерсена, словно яблоки с дерева.

— А что от вас хотел полицейский? — полюбопытствовала красивая Доротея.

— Печальная история. Одна, — тут Ханс-Кристиан покосился в сторону детей, — ну, в общем, уличная женщина заболела... ну, не очень хорошей болезнью.

— Так-так... А вы при чем, дорогой друг? — Как бы с повышенным интересом спросил Мориц.

— Мориц, как тебе не стыдно, — укорила его жена.

— Она назвала мое имя, сказала, что знает меня, — сконфуженно объяснил сказочник.

Мориц продолжал шутить:

— Видите! Ваша популярность не имеет границ.

Андерсен принялся оправдываться:

— Выяснилось, что уличная женщина была в детстве дочкой наших соседей... моей подружкой. Мы с ней играли. А потом она еще была воровкой. Ну, я дал немного денег на больницу.

— Что же вы нам-то не сказали? — укоризненно произнес Мориц.

— Как ее зовут? Мориц заедет в больницу, оставит денег, — поддержала мужа Доротейя.

— Этого еще не хватало! — встрепенулся Андерсен. — Мало того, что я уже три года ваш приживал и нахлебник. Так вы еще станете содержать моих бывших соседей. Не говоря уже об уличных женщинах.

— Дядя Андерсен, когда вы почитаете нам новую сказку? — маленький Готфрид гнул свою линию.

— Не сегодня, Готфрид, — сказал строго отец. — Кстати, дорогой друг, вспомните, что приглашены сегодня на наше семейное торжество...

— Там вас ждет сюрприз, — улыбнулась Доротейя.

— Спасибо. Я помню. И обязательно буду, — сказал Андерсен. — Но... я больше не могу злоупотреблять вашим гостеприимством. Я намерен переехать.

— Об этом не может быть и речи, — перебил его Мориц.

— Ханс-Кристиан, не обижайте нас! — привычно сказала Доротейя. Было понятно, что эта тема регулярно возникала в разговорах.

— Дядя Андерсен, не уезжайте от нас, — даже маленькая Хильда понимала, о чем идет речь.

— А кто это уличная женщина? Она живет на улице? — полюбопытствовал мальчуган.

Андерсен замялся в поисках ответа:

— Нет, она на улице работает, — он снова обратился к старшим Мельхиорам: — У меня, слава богу, есть

деньги. Я в состоянии не только снять квартиру, но и купить...

— Ишь, какой миллионщик выискался! — Доротея была непреклонна. Мориц, наливая кофе, рассудительно произнес:

— Если вам у нас не нравится, то неволить мы не станем. Но, скажу вам откровенно, мы хотим, чтобы вы оставались с нами не из вежливости, а потому, что любим вас и считаем членом нашей семьи. И дети души в вас не чают...

— Не чаем! Не чаем! — заорали дети.

Ханс-Кристиан растроганно обнял ребятшек:

— Спасибо, но тогда позвольте мне как работающему члену семьи вносить свою долю в общий котел.

— Не позволим! — категорически отрезала Доротея.

А Мориц засмеялся и сказал:

— Опять вы за свое! И потом мы все-таки дальние родственники самого Ротшильда.

— А Ротшильд знает о том, что вы его родственники? — улыбнулся Ханс-Кристиан.

— Это не имеет никакого значения! — засмеялась Доротея.

Тут Андерсен произнес несколько загадочных слов. Воцарилась пауза.

— Откуда вы знаете древнееврейский язык? — изумился Мориц.

— В гимназии учили. Но это, пожалуй, все слова, которые я еще помню.

— Дядя Андерсен, а что вы сказали по-еврейски? — спросила Хильда.

— Я сказал, что остаюсь с вами, — перевел на датский Ханс-Кристиан.

Дети завопили: «Ура!», повскакивали со своих мест и стали радостно прыгать.

Андерсен подъехал на извозчике к новому магазину. Над входной дверью находилась свежая вывеска: «Игрушки», а на стекле витрины было написано: «Фирма Морица Мельхиора основана в 1795 году». Место показалось Андерсену знакомым, он постоял несколько секунд, вспоминая... Перед его взором возникли картины еврейского погрома, происходившего в день приезда Андерсена в датскую столицу. Погрома, в котором он принял участие, бросая камни в окно лавки игрушек.

Полки нарядного нового магазина были уставлены чудесными игрушками. В торговом зале толпилась разодетая приглашенная публика. И самым почетным гостем был, конечно, Ханс-Кристиан.

Элегантный Мориц Мельхиор держал речь:

— Уважаемые дамы и господа! Наша фирма вот уже больше пятидесяти лет выпускает игрушки для детей, даря им радость. Когда-то на этом месте находилась маленькая лавочка, принадлежащая моему отцу. В ней тоже продавали игрушки. Мне захотелось, чтобы на этом месте, дорогому мне по детским воспоминаниям, был построен новый магазин, открывающий ребенку заманчивый мир забав, игр и развлечений. Я прошу мэра Копенгагена господина Бремера приступить к церемонии...

Доротейя подала на блюде ножницы господину мэру, и тот под аплодисменты присутствующих открыл магазин.

— А теперь я хочу продемонстрировать вам, уважаемые гости, новый чудо-аппарат, — продолжал Мориц. — Называется он «Волшебный фонарь». Опустите, пожалуйста, штору.

Штора была из белой плотной ткани. В магазине стало темно. Мельхиор зажег газовый свет внутри «Волшебного фонаря». На белом полотне оконной занавески появилась картинка, изображавшая Дюймовочку из

сказки Ханса-Кристиана. Дюймовочка стояла на большом листе лотоса. Предтеча таперов в «сiнeма», Доротея села за рояль. Полилась нежная музыка. А предшественник будущих киномехаников Мориц Мельхиор стал крутить ручку, и нарисованная Дюймовочка, стоящая на листе, вдруг поплыла по ручью. Вернее, поплыл лист лотоса. Он плыл не плавно, а немножко дергался так же, как дергались ручки и ножки Дюймовочки. Ибо в серии рисунков, которые проходили перед линзой волшебного фонаря, художником были пропущены некоторые фазы движения. Но все равно публика, никогда до той поры не видевшая движущихся картинок, захлопала в ладоши. Сам сказочник тоже был изумлен и восхищен тем, что его персонажи стали двигаться. А далее все увидели Дюймовочку, которая сидела на спине ласточки. Ласточка летела над морями и над Африкой, увозя маленькую девочку в теплые страны. И вся эта фантазмагория была либо бабушкой, либо дедушкой грядущей мультипликации...

Вечером в пустом магазине игрушек было таинственно и красиво.

— Значит, тогда это были ваши отец и мать, Мориц... Невероятно, — говорил Андерсен.

— Я был маленьким и не помню ничего. Родители мне потом рассказывали об этом страшном дне, — поведал Мориц.

— Подумать только, — продолжал Ханс-Кристиан взволнованно, — Я, который кинул камень в ваш дом, теперь живу у вас. Вот и не верь после этого в судьбу...

Андерсен глубоко задумался, погруженный в далекие воспоминания. Потом достал из кармана своего по-

стоянного спутника — оловянного солдатика — и сказал:

— Друзья! Я открою вам маленькую тайну. В тот день я подобрал с земли у разбитой витрины вот этого одноногого оловянного солдатика. Я написал о нем сказку «Стойкий оловянный солдатик». Он стал моим талисманом. Я с ним не расставался все эти годы. Но теперь солдат возвращается в свой полк...

И писатель поставил своего оловянного друга в шеренгу таких же воинов. И тут в воображении Андерсена возникла звуковая картинка. Он услышал далекую барабанную дробь и увидел, как остальные бойцы повернули налево и пошли дружным маршем мимо его солдатика, который опирался на штык, а правой рукой отдавал честь своим однополчанам... Но Мориц и Доротей не видели и не слышали этого.

— Он должен остаться у вас, дорогой друг, — сказала Доротей.

Мориц снял с полки одноногого солдата и протянул его Хансу-Кристиану:

— У него исключительная судьба, у этого вояки. Кстати, он рядовой, пехотинец, а благодаря вам вошел в историю...

Семья отставного адмирала Петера Вульфа справляла день рождения Генриетты. Честно говоря, Генриетта не хотела отмечать этот сомнительный праздник, настроение у нее было подавленное. Годков-то уже немало. Старая дева... мало того, что старая. Еще и горбатая. Но она по-прежнему чувствовала себя молодой, любила озорничать, устраивала розыгрыши. Ее чувство к Андерсену было сложным: она обожала его талант, знала и высмеивала его недостатки и совершенно не замечала его некрасивости. Ее тянуло к нему... Она испыты-

вала и сестринскую нежность, и материнское участие, и дружескую заботу, и женское влечение. Он был для нее самым родным человеком на свете после отца и брата, но она знала: он не видит в ней женщину, и это ранило ее. Она была умна, образованна, проницательна, не так давно отказала двум милым соискателям ее руки и сердца, подозревая одного из них в жалости к себе, а другого в корысти. Она ненавидела жалость в мужских глазах — это напоминало ей о ее ущербности. Отец, не чаявший души в Генриетте, понимал, что творилось в душе дочери, и не знал, как ей помочь. Они никогда не говорили о том, от чего оба страдали, но чувствовали беду одинаково. Их незримая родственная связь была нерасторжима...

На вечеринку по случаю дня рождения пожаловали великий Торвальдсен, прима-балерина мадемуазель Шалль, которую постепенно отодвигали на вторые роли, главный балетмейстер театра Луи Бурнонвиль, директор консерватории Томмазо Сиббони и сам королевский советник Йонас Коллин с дочкой и сыном. Своим присутствием почтили Генриетту советник Мольтен, господин Главный цензор Симон Мейслинг и его прихлебатель бородатый критик Вильям Матизен. Все они громко судачили, перемывая косточки андерсеновской персоне. Особенно старался Главный цензор, невзлюбивший Ханса-Кристиана еще с тех пор, когда тот был незадачливым учеником в гимназии.

— Эта сказка про гадкого утенка просто возмутительна, — упиваясь звуком своего голоса, изрекал Мейслинг. — Я сделал внушение журналу «Даннора», как они могли такое опубликовать?!

— По-моему, сказка очаровательна, — не соглашался адмирал.

— Я собираюсь ставить по ней балет, — поддержал хозяина дома балетмейстер.

Королевский советник Коллин, давний покровитель сказочника, веско произнес:

— Написана мастерски!

Критик Матизен уважал субординацию, но все же не согласился с вельможей:

— Господин королевский советник, вы попросту равнодушны к нашему доморощенному гению.

— Очень трогательная история! Я плакала, читая, — сказала Генриетта, принимая подарок от очередного гостя.

— Чудесная сказка! — пробасил могучий Торвальдсен, обожавший произведения Ханса-Кристиана.

В спор встрял гнидообразный Мольтен, приближенный короля еще с тех давних пор, когда Кристиан VIII был наследным принцем:

— Господин Мейслинг прав: это пасквиль на нашу родину.

Прислуживавший матрос подошел к Генриетте и передал ей записку. Генриетта быстро направилась в прихожую. У зеркала прихорашивался запоздавший гость Ханс-Кристиан. При виде Генриетты он расплылся в дружелюбной улыбке.

— По дороге к вам сочинил экспромт, — сказал Андерсен, протягивая Генриетте большой букет роз. Эти цветы он любил особенно.

Генриетта была насторожена, она боялась, что отголоски спора долетят до ушей самолюбивого автора, но сочинитель ничего не заметил.

— Дорогая моя Гетти, — декламировал незатейливый стишок Ханс-Кристиан, —

всех прекраснее на свете,
лучше милой Генриетты
никого на свете нету...

— Запишете в мой альбом? — улыбнулась хозяйка, но лицо ее оставалось напряженным.

— Разумеется. А теперь подарок! — Ханс-Кристиан ловко развязал ленту и продемонстрировал картину, вырезанную «силуэтом». Темный контур парусного корабля плыл по бурному морю. На борту стоял принц в шляпе и со шпагой, а в волнах плавала морская нимфа. — Это иллюстрация к сказке «Русалочка». Художник Ханс-Кристиан Андерсен. Он перед вами!

Генриетта была растрогана, она чмокнула Андерсена в щеку и попросила:

— Не входите, пока я вас не позову...

Ханс-Кристиан, не подозревающий причины просьбы, согласился, а хозяйка умчалась в гостиную в надежде прекратить неуместную перепалку. Андерсен, придававший своей внешности большое значение, снова прилип к зеркалу. И вдруг до его слуха донеслись громкие разглагольствования Мейслинга.

— Ведь Андерсен в этом гадком утенке изобразил самого себя. А птичий двор — это наша страна. А мы все — злобные, отвратительные обыватели. Все эти индюки, петухи, гуси, павлины, которые только и делают, что шипят, клюют его, щиплют — это мы! А он — о-о-о! — видите ли — бедная крошка! — возомнил себя не кем-нибудь, а прекрасным белым лебедем!

Андерсен приблизился к двери гостиной. Он мучительно вслушивался в раскатистый бархатный голос своего бывшего педагога и мучителя. Разумеется, Мейслинга поддержал бородатый Матизен:

— А какой он лебедь? Вспомните, у него же руки до полу. Типичный павиан, горилла, орангутанг.

Из салона раздались одобрителные смешки. Генриетта подскочила к оратору и прошептала:

— Да замолчите же вы!

В прихожей лицо Андерсена исказила гримаса страдания. Усилия Генриетты сдержать красноречие цензора оказались тщетны. Адмирал, которому дочь успела шепнуть, что Андерсен в прихожей, побагровел:

— Да как же можно так говорить!

Но Мейслинг продолжал вещать хорошо поставленным (еще в гимназии) голосом:

— А чему может научить детей так называемая сказка «Новое платье короля»?! В этом произведении Его Величество изображен в непотребном виде, а именно — абсолютно голым!

Андерсен повернулся к входной двери, намереваясь уйти, пока его никто не видел, но внезапно передумал. Он повернулся и резко вошел быстрыми шагами в гостиную. Вид сочинителя не предвещал ничего доброго. Хохоток стих. Наступила тишина.

— Добрый день, любезные индюки, — поклонился Ханс-Кристиан гостям, — а также петухи, гуси и павлины! Орангутанг приветствует вас.

Тут Андерсен засунул свой язык под верхнюю губу и выпятил ее. Потом выпучил глаза, а согнутой ладонью принялся оттопыривать свое ухо. Второй рукой он усердно чесал себя под мышкой и в этот момент действительно походил на большую обезьяну. Потом, скорчившись, он сделал по комнате несколько прыжков, вскочил на стул и издал нечленораздельный вопль. Далее, отбросив стул, подпрыгнул и повис на своем друге Торвальдсене, еще раз завопил по-обезьянью, угрожаю-

ще скакнул, лязгнув зубами около лица Главного цензора, и бросился опрометью из дома.

Общество в гостиной оторопело. Выходка Андерсена была дерзка и неприлична. Мгновение спустя Генриетта выскочила вслед за ним.

Адмирал вышел в центр гостиной.

— Господин Мейслинг, я пригласил вас сегодня на день рождения моей дочери с надеждой, что встреча с замечательным нашим писателем приведет к примирению между вами. Вы обещали мне это. Но я ошибся в вас... Прошу покинуть мой дом!

Мейслинг слушал эту тираду со скептической миной. Прежде чем направиться к выходу, он допил вино, поставил бокал на столик и только после этого двинулся вон.

— Господин адмирал, ваш подопечный только что чуть не откусил мне нос.

Торвальдсен не замедлил с репликой:

— Жаль, что не откусил!

По прибрежному парку, по дорожке, которая петляла меж валунов, мчался Андерсен. Крылатка его развевалась. Дождь со встречным ветром хлестал по плачущему лицу. Рядом семенила горбатая женщина в промокшем нарядном платье и умоляла его остановиться. Но он неслся, как одержимый, и не слушал Генриетту.

— Я уеду отсюда, — рыдал оскорбленный Андерсен. — Они ненавидят меня! Что я им сделал? Они мне завидуют. О, наши критики стреляют только по движущимся мишеням!

— Но бестактность про гадкого утенка сказал лишь один человек.

Генриетта запыхалась. Андерсен продолжал хлюпать носом:

— Нет, хохотали все! Я сам слышал. Я ненавижу своих соотечественников. Сколько зла они мне принесли!

— Ханс-Кристиан, ради бога, остановитесь! — умоляла Генриетта. — Перестаньте же, наконец, плакать.

Андерсен вбежал в беседку, за ним последовала Генриетта. Дождь перестал поливать Генриетту и Андерсена, теперь он барабанил по крыше беседки.

— Эту сказку о гадком утенке полюбит весь мир, вот увидите! Это гениальное произведение, — скромность, как всегда, не покидала Андерсена, — только профаны этого не понимают.

Генриетта сложила зонтик и принялась утирать платком слезы оскорбленного писателя. Тут он, наконец, обратил внимание на свою спутницу:

— Боже! Да вы же вся промокли! И это из-за меня. Спасибо вам! Какой же вы чудный друг!

Ханс-Кристиан судорожно сдернул с себя крылатку и накинул ее на подругу.

— Не надо, — Генриетта противилась заботе, но не слишком усердно. Ей было приятно.

Андерсен закутал Гетти и обнял ее, пытаясь согреть. Женщина послушно припала ему на грудь.

— Тысячу раз благодарю! Но мое решение непреклонно, — Андерсен даже не замечал, что обнимает женщину. — Завтра же я уезжаю из этой омерзительной страны.

— А как же я? — вырвалось у Генриетты.

Она совсем не контролировала себя.

— Но я же вернусь! — улыбнулся Ханс-Кристиан, который по-прежнему не чувствовал, что творится в душе его давней подружки.

После паузы Гетти осторожно спросила:

— Вы едете к Йенни?

Все-таки удивительно, насколько бесчувственны бывают влюбленные в других женщин мужчины. Андерсен сиял:

— Я говорю всем, что еду к издателю. И это правда. Но главная правда — я еду к ней! Она меня пригласила.

Теперь заплакала Генриетта. Она отвернулась. И тут смутные подозрения пробили слоновью кожу писателя.

— Вы... вы... ревнуете, Гетти?

— Да... — не сдержалась Генриетта. — Вернее, нет... Не знаю...

И она заревела изо всех сил. Андерсен отобрал у Генриетты платок, которым она только что вытирала его слезы, и стал наводить порядок на лице женщины, то есть вытирать ее слезы. А также и то, что текло из носа.

— Если бы вы знали, Гетти, как мне плохо. И тревожно!

Генриетта плакала на груди Андерсена.

— И мне тоже... плохо... и тревожно... а вы... а вы...

Тут Генриетта сбросила с себя крылатку Андерсена, вырвала у него из рук носовой платок и, схватив зонтик, выбежала из беседки под дождь...

Во дворе виллы Мельхиоров стояла коляска, запряженная парой лошадей. Служанка Бригитта и кучер выносили багаж Андерсена — баулы, чемоданы, саквояж — и укладывали его сзади. Андерсен уезжал в Дрезден, и нужно было отвезти его на вокзал. Сборами руководил Мориц, а Доротея отвела Ханса-Кристиана в сторону.

— Думаете, путешествуя, сможете убежать от себя самого? — Доротея чувствовала внутренне волнение Андерсена, в котором он находился последнее время.

— Я — прирожденный бродяга, — невесело ответил писатель. — В дороге я чувствую себя лучше. А в стран-

ствиях очень часто рождаются новые сюжеты для сказок.

— Ханс-Кристиан, вам надо жениться, — задумчиво произнесла Доротея.

Она и не подозревала, что наступила на большую мозоль Андерсена. Разлад с Генриеттой, тревожное ожидание предстоящей встречи с Йенни, встречи, во время которой должна была решиться его жизнь, — все это вызывало боль в сердце, смятение чувств, напряжение нервов. Он взвился:

— Невесту подыскали? — со злой усмешкой спросил Ханс-Кристиан и пошел прочь.

Доротея засеменила рядом:

— Иногда самое хорошее под боком, но мы этого не замечаем. Почему бы вам не жениться на Генриетте? Мне кажется, она к вам более чем расположена. Какими глазами она смотрит на вас! Она такая... настоящая.

Андерсен не сдержался и закричал:

— Вы хотите, чтобы у первого писателя Дании была горбатая жена? — он спохватился. — Доротея, простите меня. Господи, как я жесток! И как отвратителен! Я люблю Генриетту, она для меня самый близкий друг, это правда, она мне как сестра... Но... может, я и совершил ошибку. А сейчас поздно, — и он глубоко вздохнул. — Кстати, она сейчас в Америке. Навещает брата. И, по моему, уехала из-за меня... Но мне пора.

Они вернулись к коляске. Там Мориц с большим интересом разглядывал толстую и довольно длинную веревку, которая наряду с баулами, саквояжами и зонтом входила в багаж их друга.

— Дорогой друг! Вы уже который раз берете с собой в путешествие эту толстую веревку. Для чего? — спросил Мориц.

— А если вдруг пожар! Да еще на втором этаже! То-

гда я привязываю веревку и по ней спускаюсь на землю. И таким образом спасаюсь...

Мориц и Доротея многозначительно переглянулись. Они уже не раз отмечали некие странности своего гениального друга.

Бригитта подала Андерсену плащ. Тот надел его в рукава, взял из рук служанки шляпу.

— Вчера встретил на улице критика Матизена, — сказал Андерсен, нахлобучивая шляпу и садясь в коляску. — Это тот, который в своих статьях ругает меня почему зря. Он спросил: Андерсен! То, что у вас на голове, это — шляпа? Я ему тут же ответил: Матизен! А то, что у вас под шляпой, это — голова?

Все засмеялись. Расцеловав детей, Андерсен вскочил в коляску. Экипаж поехал со двора... Мельхиоры, их чада и домочадцы бежали следом:

— Возвращайтесь скорей! Помните: наш дом — это ваш дом! Будем скучать! Привет Дрездену!

Поезд увозил из Дании страдающего, уязвленного писателя. Ханса-Кристиана колотило от предстоящего свидания с Йенни. Однако приехав в Дрезден и узнав, что она еще не прибыла в город, Андерсен повстречался с Клаусом Лорком. Поскольку в каждом городе сказочник обязательно посещал музей живописи, то и в Дрездене, разумеется, не обошлось без визита в знаменитую картинную галерею. Именно в ней и состоялась встреча писателя и издателя. В музее толпилось немало туристов, которые почтительно глазели на великие подлинники. Лорк хвастливо показывал датскому сочинителю сокровища живописи, будто именно он все это нарисовал. Издателю не понравилась рукопись, привезенная Андерсеном. И Лорк, наслышанный о болезненном самолюбии автора, журил его:

— Дорогой мой Ханс-Кристиан, честно признаюсь,

вы меня очень огорчили. Написано все очень талантливо, просто великолепно, но я ждал от вас совсем не этого.

— А чего вы ждали? — изумился Андерсен. — Мое детство было таким, каким я его описал.

— Оно было совсем не таким, — твердо сказал издатель.

— Вот как, — саркастически ухмыльнулся писатель. — Очевидно, вам виднее.

— Я ждал сказки. А вы что принесли?! Например, этот ужас на суконной фабрике?! — голос Лорка звучал убежденно. — Или вы пишете, что ваш отец не участвовал в сражениях, вернулся из армии больной и вскоре умер! Зачем?

— Но так было! — упрямо пожал плечами сочинитель.

— Поймите меня, это скучно! — Лорк пытался вдолбить в голову Андерсена свои издательские идеи и понимание запросов читателя. — Где же ваша фантазия, дорогой сказочник? Что вам мешало написать, что ваш отец, поднимая солдат в атаку, встал во весь рост и, размахивая боевым знаменем, устремился на позиции неприятеля. И тут его сразила вражеская пуля.

— Мне не мешало ничего, кроме чувства правды...

— Чувство правды хорошо для писателя натуральной школы, но не для жанра сказки, — назидательно изрек Лорк.

— Но было не так! — заявил Андерсен в отчаянии.

— Было так, как вы напишете, — жестко продекларировал издатель. — Вы не имеете права разрушать свой образ в сердцах читателей.

Ханс-Кристиан был обескуражен. В этот момент они остановились у «Сикстинской мадонны» Рафаэля.

— Боже, какое чудо! — восторженно выдохнул сказочник.

— А вам приятно было бы узнать, что натурщица, с которой великий Рафаэль писал Мадонну, была в жизни шлюхой из низкопробного борделя?

— Какой ужас! — доверчиво ахнул Андерсен. — На самом деле?

— Понятия не имею! — усмехнулся Лорк. — Просто вы для многих в Европе такая же ценность, как эта картина. И читатели не должны знать о вас ничего дурного. Поверьте моему издательскому чутью.

— Но было не так! — опять заупрямился Ханс-Кристиан.

— Повторяю: было так, как вы напишете! — отрезал Лорк...

На берегу пруда, превращенного на зиму в каток, был сооружен павильон, где гости герцога Ольденбургского могли надеть — с помощью слуг — коньки, переодеться, погреться, выпить, закусить, отдохнуть. Йенни Линд в спортивном костюме с меховой оторочкой была восхитительна. Ханс-Кристиан надевал на ее ножки коньки, зашнуровывал ботинки. Он с трудом пересиливал желание прижаться лицом к стройным женским ногам.

— Благодарю вас, милый друг, — сказала, нежно улыбаясь, певица. Она встала на ковер, который вел к выходу на лед, и попробовала, прочно ли сидят на ногах коньки.

— Как же я счастлив, что вижу вас! — Ханс-Кристиан уселся в кресло, а лакей тем временем прикреплял к его ногам коньки. — Я очень скучал. Как мне вас недоставало!

Официант с подносом предложил Йенни напитки, но та отказалась.

— У вас новый орден, — заметила шведка.

— Да, меня им наградили прусский король, — не удержался и похвастался Ханс-Кристиан.

— Как движется ваша литературная биография «Сказка моей жизни?» — даже простые вежливые вопросы звучали в ее устах очаровательно.

— Ах, милая моя Йенни! К сожалению, в этой сказке нет самой важной главы, я бы сказал, важнейшей, — Андерсен окончательно потерял голову.

— Какой же? — учтиво поинтересовалась певица.

Он, наконец, решил объясниться. Тем более что лакей отошел.

— Главы о моей жене...

— Но жена ведь рано или поздно появится, — Йенни осознала, что русло беседы направляется в опасную сторону.

— Милая моя Йенни, это зависит только от вас... Одно ваше слово, — и Андерсен набрал воздуха для страстного монолога.

Йенни замаялась, но тут спасительно для певицы появился хозяин — герцог Ольденбургский. Он тоже был в спортивном костюме и на коньках.

— Божественная! Разрешите предложить вам свою руку, — герцог был молод и недурен собой.

Андерсен взглянул на него с неприязнью.

— Но не сердце?! — кокетливо улыбнулась артистка.

— Увы, я женат, — герцог соорудил смешную гримасу. — Дорогой Ханс-Кристиан, мы ждем вас на льду.

Герцог и Йенни направились к двери и вышли на лед. В центре катка высилась праздничная елка, разодетая игрушками и фонариками. Прямо на льду соорудили маленькую эстраду, на которой играл небольшой оркестр. Музыканты в красных фраках с меховой отделкой походили на пингвинов. Дирижировал ими молодой, но уже знаменитый маэстро Иоганн Штраус. Гре-

мела полька его сочинения. Падал крупный снег, как и положено в рождественские дни. Герцог и Йенни заскользили по льду, присоединяясь к остальным гостям.

— Вы замечательно катаетесь, — галантно сказал хозяин.

— У нас в Швеции все катаются на коньках с детства, — ответила Йенни, делая пируэт.

— Bravo! — воскликнул Иоганн Штраус.

Маэстро при виде певицы спрыгнул с эстрады (у него на ногах тоже были коньки) и устремился к Йенни. Отсутствие дирижера не сказалось на оркестре. Он продолжал играть как ни в чем не бывало. Штраус поцеловал руку певице:

— Надеюсь, вы не откажетесь спеть для нас, наш дорогой шведский соловей?!

— На морозе?! — удивилась певица. — А голос?! А связки? На природе соловьи поют только летом.

— Морозец слабый, — произнес, поддерживая просьбу, герцог.

— А если так тепло, мы не провалимся под лед? — пошутила Йенни.

— Мороз слабый, чтобы можно было петь, а лед крепкий, чтобы не провалиться, — с улыбкой произнес герцог.

На берегу пруда красовался старинный замок герцога Ольденбургского с башнями, бойницами и шпилями. На лед из павильона выскочил Андерсен. Вид у него был, мягко говоря, не совсем спортивный и, как обычно, странный: он был в сюртуке со всеми орденами и звездами, но при этом на коньках.

— Интересно, наш писатель и спать ложится в орденах? — с сарказмом произнес Штраус.

— У него было такое тяжелое детство, что эту ма-

ленькую слабость можно простить, — заступилась Йенни за сказочника. — Он чудный!

— Вы к нему равнодушны, — заметил Штраус.

— К нему равнодушен весь мир, — парировала певица.

Андерсен подкатил к беседующим. Он был одержим тем, что необходимо, наконец, сделать предложение Йенни.

— Йенни, милая, нам надо закончить разговор, — Ханс-Кристиан схватил барышню за руку и, бросив герцогу и композитору: — Извините! — уволок ее за собой.

— Помогите мне, Йенни, — жалостно заныл незадачливый жених. — Мне так трудно сказать вам то, что я хочу сказать.

— Не понимаю вас, — не глядя ему в глаза, произнесла Йенни.

— Вы понимаете! — горячо воскликнул Андерсен. — Вы все понимаете! Если бы вы знали, как я одинок!

— Вы почитаете сегодня свою новую сказку? — она попыталась переменить тему.

— Все мои сказки предназначались вам, Йенни, — у Ханса-Кристиана перехватило дыхание.

— Какой же вы замечательный друг...

— Разве вы никогда не думали обо мне больше, чем о друге? — взгляд у него был умоляющий.

Йенни пробормотала что-то невнятное.

— Йенни, я не представляю возле себя никакой другой женщины, кроме вас. Я схожу с ума, когда вас вижу. Я... я... обожаю вас.

— И я вас люблю, Ханс-Кристиан, но только как близкого друга. Не больше.

Андерсен встал на колени:

— Прошу вас, будьте моей женой!

Йенни молчала, покусывая губы. Надо было отказать, но ей было жаль Андерсена.

— Не говорите «нет», Йенни, — вскричал он. — Вы влюблены в другого?

— Нет, нет, — быстро ответила Йенни. — И это правда!

— Я не отпущу вас! — он притянул ее к себе и зашептал страстно: — Я умру, если вы откажете мне. Скажите «да»! Я жду! Ну же, скажите!

— Я не люблю вас, — тихо сказала певица. — Простите меня.

Их лица были очень близки друг к другу. И тогда Андерсен решился на крайнее средство.

— Родная моя Йенни! Я вам открою сейчас тайну, которую не знает ни одна душа на свете. И вы поймете, как я доверяю вам, как я вас люблю...

— Не пугайте меня, — она попыталась улыбнуться.

— Я признаюсь вам: я до сих пор невинен. У меня никогда не было близости с женщиной...

Возникла большая пауза. Йенни переполняли смешанные чувства. Наконец она ласково коснулась рукой его лица, погладила по щеке.

— Бедный, бедный Ханс-Кристиан. Вы воистину святой. Но, к сожалению, мы, женщины, существа иные. Нас тянет к мужчинам прожженным, бывалым, опытным. И поэтому женщины часто страдают. Ибо вверяются негодяям...

— Вы не такая, — прошептал Андерсен. — Не такая!

— Милый мой, добрый, светлый друг, — грустно сказала Йенни. — Я такая же, как и остальные... Но не сомневайтесь, я не злоупотреблю вашим доверием.

— Господи, как мне стыдно, — глядя вниз, молвил Ханс-Кристиан.

Оркестр заиграл вступление к арии, которую должна была исполнять певица.

— Простите меня, — заторопилась Йенни. — Меня ждут. Я должна петь.

И она с облегчением оставила Андерсена одного.

Ханс-Кристиан невольно обернулся. На льду пруда на фоне замка разворачивалось необычное действие. Оркестр под управлением молодого, но уже знаменитого маэстро танцевал на льду. Музыканты играли, двигаясь на коньках. Даже виолончель и контрабас своими наконечниками упирались не в лед, а в башмаки с коньками и двигались, влекомые оркестрантами. Маэстро дирижировал, делая на льду пируэты. Гости герцога Ольденбургского смотрели, как замороженные. Звуки дивного вальса, казалось, взмывали в воздух, будто отражаясь ото льда. Штраус с оркестром подъехал к певице и рыцарственно преклонил колено. Йенни была готова на все, лишь бы закончилась мучительная сцена с Андерсеном. Она подкатила к оркестру и заняла свое место солистки. И вот над прудом, над замком, над нарядными гостями зазвучал изумительный голос. Шел снег. Все напоминало рождественскую сказку.

Слова арии, которую исполняла Йенни, удивительным образом перекликались с ее чувствами, с той сценой, которая только что завершилась в ее жизни.

Прости, мой друг, что за тебя
других я часто принимала...
Тебе в любви я отказала,
зачем-то берегла себя.

Прости меня, что невзначай
тебе я горе причинила,
что не смогла, не полюбила,
и тем посеяла печаль.

Хочу в душе я схоронить
все то, что с нами не случилось.
Меня помилуй, сделай милость,
я это не могу забыть!..
Я это не могу забыть...¹

И тут вспыхнул фейерверк, осветив дворец, разоде-
тых оркестрантов, расфуфыренных конькобежцев. В этой
роскошной толпе Андерсен не мог сдержать рыданий.
Он смотрел на великолепную Йенни, такую далекую,
успешную и красивую. Она улыбалась всем, кланялась
в ответ на аплодисменты, посылая воздушные поцелуи.
Всем, но не ему. По щекам сказочника катились слезы
любви, горя и обиды...

В павильоне у большого зеркала в золотой раме
Йенни, уже без коньков, пудрилась, приводя себя в еще
большой порядок. Подскочил Ханс-Кристиан. Он со-
вершенно перестал себя контролировать.

— Я заставлю вас выйти за меня замуж. Знаете по-
словицу: «Стерпится — слюбится». Я вознесу вас высо-
ко-высоко, как вы того заслуживаете. Для вас я покорю
мир. Скажите «да»! Умоляю!

— Ханс-Кристиан, вы становитесь однообразным! —
с легким раздражением сказала певица.

— Скажите, что вы согласны стать моей женой!

— Нет! — твердо отрубил Йенни. — Нет! И нет!

— Почему же?! Почему?

— Ладно! — жестко прервала его Йенни. — Посмот-
ритесь в зеркало...

Андерсен перевел взгляд и увидел в отражении оча-
ровательную женщину, а рядом с ней нелепого, несклад-
ного, уродливого, заревавшего дылду с орденами на сюр-

¹ Стихи Э. Рязанова.

Эльдар РЯЗАНОВ

туке, на коньках. У него было лицо безумца. И тут у него случилось шоковое отрезвление.

Раздался голос герцога:

— Фрейлейн Линд, я вас повсюду разыскиваю. Я хочу попросить вас отдать мне первый танец на нашем сегодняшнем балу.

Йенни Линд с облегчением выдохнула и упорхнула к хозяину дома, даже не оглянувшись. Андерсен в зеркале видел, как она взяла под руку герцога, и они удалились, щепеча что-то великосветское.

— Да, такой урод не может быть мужем первой певицы Швеции, — пробормотал Андерсен. Он смотрел на свое отражение и видел, как его лицо старело на глазах. Вот появились седые волосы, лицо изрезали морщины, под глазами возникли и набрякли мешки, фигура ссутулилась. Буквально за несколько секунд его лицо постарело на много лет. Сорокалетний Ханс-Кристиан смотрел на себя в зеркало, а отражался в нем семидесятилетний старик...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Андерсен в халате снова работал в «своей» комнате, продолжая по привычке нахлебничать у Мельхиоров. Бригитта, закрепленная хозяевами за Андерсеном, принесла его любимый чай. Писатель даже не заметил ее прихода, он был погружен в сочинение новой сказки «Свинопас». Если бы нам удалось проникнуть в мозги сочинителя, то мы бы, вероятно, обнаружили, что в этой сказке принц, который становится свинопасом, был ну просто вылитый молодой Андерсен, а внешность глупой принцессы — дочки императора, походила, как две капли воды, на несравненную певицу Йенни Линд. Но думается, что сам автор даже не замечал близости своих персонажей с прототипами. Он просто сочинял сказку, не отдавая себе отчета, что ее герои так походили на реальных людей. Это, вероятно, было его внутренней надобностью, скрытой в глубине души потребностью уязвленного организма.

Андерсен писал:

— Жил-был бедный принц. Королевство у него было маленькое-премаленькое, но жениться все-таки можно, а жениться-то принцу хотелось. А в соседнем царстве у императора была хорошенькая дочка...

Перенесемся вслед за автором в сказочное царство...

В парке перед дворцом собрались император, придворные, фрейлины и, конечно, сама принцесса, которая была ну просто вылитая Йенни Линд.

— Свадебные подарки от соседнего принца! — объявил церемониймейстер.

Увидав большие ларцы с подарками, принцесса захлопала в ладоши. Из ларца появилась прелестная роза.

— Ах, как это мило сделано! — хором сказали фрейлины.

— Больше, чем мило! — заметил император. — Это прямо недурно!

Но принцесса понюхала розу и чуть не заплакала.

— Фи, папа! — сказала она. — Она не искусственная, а настоящая!

— Фи! — повторили все фрейлины. — Настоящая!

— Погоди сердиться! Посмотрим сначала, что в этой клетке! — возразил император.

И вот с клетки сдернули платок, и появился соловей. Он запел так чудесно, что нельзя было найти какого-нибудь недостатка.

— Superbe! Charmant! — сказали фрейлины; все они болтали по-французски, одна хуже другой.

— Надеюсь, птица не настоящая? — спросила принцесса.

— Настоящая! — ответили ей доставившие подарки послы.

— Так пусть себе летит! — сказала принцесса и открыла клетку.

Соловей упорхнул на волю.

— Гоните их в шею! — приказала принцесса страже, имея в виду свадебное посольство.

Стражники и ретивые придворные принялись лупить приближенных соседнего принца и столкнули их

наконец в реку, на берегу которой раскинулся императорский парк. Послы плыли саженками, ругались и грозились жаловаться. На другом берегу речки за происходящим наблюдал через подзорную трубу отвергнутый и оскорбленный жених. Надо заметить, что по реке как раз проходила граница между двумя государствами, маленьким и бедным, где правил принц, и большим и богатым, где царствовал император.

Андерсен продолжал записывать историю:

«Принцесса не позволила принцу явиться к ней самому. Но принц не унывал, он перепачкал себе лицо черной и бурой краской, оделся в рубище, нахлобучил простецкую шапку и постучался в дверь королевства...

Дверь открыло само Его Величество.

— Здравствуйте, император! — сказал принц, — не найдется ли у вас для меня во дворце какого-нибудь местечка? — Принц боялся, что император, с которым он был знаком, может его опознать.

— Много вас тут ходит да ищет! — ответил император. — Впрочем, постой, мне нужен свинопас! У нас пропасть свиней!

И вот принца утвердили придворным свинопасом и отвели ему жалкую крошечную каморку в стоге сена рядом со свинными закутками. Весь день просидел он за работой и к вечеру смастерил чудесную шарманку. Когда крутили ручку, то из шарманки раздавались дивные звуки всех вальсов и полек, какие есть на белом свете... А в это время принцесса отправилась на прогулку по парку со своими многочисленными фрейлинами и вдруг услышала волшебные звуки, которые лились из шарманки. Ручку инструмента крутил принц, то есть, простите, свинопас, то есть, простите, молодой Андер-

сен, наряженный в лохмотья. Принцесса остановилась и просияла.

— Ай! — воскликнула она. — Вот так музыка! Лучшее этого я ничего не слыхала! Узнай, — обратилась она к старшей фрейлине, — сколько стоит этот инструмент?

Фрейлина напялила на ноги деревянные башмаки и отправилась в свинарник, зажимая пальцами нос.

— Что возьмешь за шарманку? — спросила фрейлина, боясь дотронуться до грязного свинопаса.

— Сто принцессиных поцелуев, — ответил наглый свинопас и добавил многозначительно: — И еще кое-что!

И он пояснил ей на ухо, что он имеет в виду под этим «кое-что».

— Как можно! — воскликнула придворная дама, пылая негодованием.

— А дешевле нельзя! — мужлан продолжал наигрывать на шарманке. Не солоно хлебавши фрейлина вернулась к своей госпоже.

— Ну, что он сказал? — спросила принцесса.

— Право, и передать нельзя! — отвечала фрейлина. — Это ужасно!

— Выкладывай! — потребовало Ее Высочество.

— Он требует сто принцессиных поцелуев! — выложила шокированная фрейлина. — И еще кое-что... — добавила она многозначительно.

— Что именно? — не поняла принцесса.

Фрейлина шепнула ей на ухо, что именно имел в виду нахальный свинопас.

— Да что он, в уме? — сказала принцесса и пошла своей дорогой, но сделала два шага и остановилась.

Шарманка издавала очаровательную мелодию.

— Надо поощрять искусство! — сказала она. —

Я ведь императорская дочь! Скажите ему, что я предлагаю ему любую из фрейлин.

— Ну, нам это вовсе не по вкусу! — зароптали фрейлины.

— Пустяки! — подавила бунт принцесса. — Не забывайте, что я кормлю вас и плачу вам жалованье!

И фрейлине пришлось еще раз отправиться на переговоры к свинопасу.

— Сто принцессиных поцелуев, — повторил он. — И еще кое-что... А нет — каждый останется при своем.

— Я сама с ним буду торговаться! — сказала наследница престола и отправилась к свинопасу.

— Я хочу за этот музыкальный инструмент сто твоих поцелуев! — свинопас был неуступчив. — И еще кое-что, — с намеком добавил он.

— Ну, это слишком! — возмутилось Ее Высочество. — В прежние времена было довольно одних только поцелуев.

— Иные времена, иные нравы, — философски заметил упрямец. — И речь-то идет, если вдуматься, о сущей безделице...

И он соблазнительно крутанул ручку инструмента, из которого зазвучал прелестный вальс.

— Может, тебя удовлетворит какая-нибудь из моих фрейлин? — с надеждой произнесла принцесса. — Выбери любую. Или сразу нескольких.

— За кого вы меня принимаете, Ваше Высочество?

Все это сопровождалось колдовской музыкой, которая лилась из волшебного музыкального инструмента.

— Ладно, я согласна, — наконец решила дочь короля. — Фрейлины, закройте нас от прохожих, чтобы никто не видел, чем мы тут занимаемся.

Фрейлины, а их было эдак около сорока, окружили принцессу и свинопаса, закрыв их от любопытных взгля-

дов. Если после первых лобзаний принцесса плевалась и вытирала рот платочком, то постепенно она все более и более входила во вкус. Фрейлины тщательно считали поцелуи, чтобы все было по-честному. После сотого поцелуя свинопас сказал:

— А теперь сделаем еще кое-что...

— Ты настаиваешь? — слабым голосом спросила созревшая для «кое-чего» принцесса.

— Ты обещала, — напомнил поцелуйщик.

— Фрейлины, отвернитесь от нас. И не смейте подглядывать, — приказала инфанта томным голосом.

Все сорок фрейлин послушно повернулись к свинопасу и принцессе спинами. Свинопас отстегнул юбку принцессы и бросил ее на траву. Под ней оказалась еще одна, кружевная. Он стал отстегивать ее и тоже бросил на свежий дивный газон. Но далее обнаружилась третья юбка, вся из газа. Свинопас принялся сдергивать и эту. Под ней была еще одна юбка из какого-то воздушного материала.

— Сколько их у вас, Ваше Высочество?

— Я не знаю, — прошептала Йенни Линд, то есть, простите, принцесса. — Я не считала.

— Пробиться будет нелегко, — деловито молвил свинопас.

— Мой папа, король, говорит: глаза боятся, руки делают, — поощрила принцесса.

Постепенно луговина вокруг принцессы и свинопаса покрылась белыми кружевными юбками. Ах, это было очень красивое зрелище! Наконец осталась последняя юбочка. Она была маленькая-премаленькая. Как сказали бы мы сейчас: мини-мини. Свинопас приступил к последнему рубежу. Потом он взял принцессу на руки... И вот они рухнули вниз в кружевное море ниж-

них юбок. Верные фрейлины, как солдаты, стояли кругом спинами к влюбленным.

— Интересно, что там сейчас делает свинопас с принцессой? — спросила самая молоденькая фрейлина. — Так хочется поглядеть!

— Не вздумай, — одернула ее подруга. — Вылетишь из фрейлин.

— Я думаю, — произнесла фрейлина постарше, — он делает что-то очень приятное для Ее Высочества.

В тишине послышались сладкие стоны принцессы.

— Ах, — сказала молоденькая. — А это самое «кое-что» действительно приятно?

— Я думаю, нет ничего более приятного на свете, — сказала фрейлина постарше. — Со мной это самое «кое-что» делали много раз, и я не знаю ничего, что было бы лучше.

И фрейлина бросила взгляд на ордена, которые украшали ее пышную грудь.

— Неужели это «кое-что» даже лучше, чем крем-брюле со сливками и мороженым? — не поверила девушка.

— Нельзя даже сравнивать! Поверь, это самое «кое-что» приятнее всего остального, — отозвалась опытная фрейлина.

— Я попрошу свинопаса, чтобы он сделал мне тоже «кое-что» так же, как и принцессе.

— Ее Высочеству, боюсь, это не понравится, — резонно молвила еще одна барышня.

Свинопас тем временем кончил заниматься «кое-чем» с принцессой.

— Что это за сборище у свинных закутков? — спросил, выйдя на балкон, император. Он потер глаза и надел очки. — Э, да это фрейлины опять что-то затеяли!

Надо пойти посмотреть, а то — праздник и опять без меня!

И он расправил задники своих домашних туфель. Туфлями служили ему стоптанные башмаки. Эх ты, ну, как он быстро зашлепал в них! Придя на задний двор, король потихоньку подкрался к фрейлинам. Никто не заметил императора, он привстал на цыпочки и не поверил своим глазам.

— Это еще что за штуки! — заорал он, увидев свою дочь в непотребном виде да еще со свинопасом без штанов.

Фрейлины завизжали и бросились врассыпную.

— Вон! — вопил разгневанный император и выгнал из своего государства и принцессу и свинопаса. — Оба вон!..

И вот они оба на нейтральной полосе между королевствами, как раз на линии границы, разделяющей их владения. Принцесса стояла и плакала, свинопас бранился, а дождик так и лил на них.

— Ах, я несчастная! — плакала принцесса. — Что бы мне выйти за прекрасного принца! Ах, какая я несчастная!

А свинопас зашел за дерево, стер с лица черную и бурую краску, сбросил грязную одежду и явился перед ней во всем своем королевском величии и красе, и так он был хорош собой, что принцесса сделала реверанс.

— Теперь я только презираю тебя! — сказал принц. — Ты не захотела выйти за честного принца! Ты не поняла толку в соловье и розе, а свинопаса целовала за игрушки! Поделом же тебе!

И он ушел к себе в королевство, крепко захлопнув за собой дверь. А ей оставалось стоять под дождем и рыдать...

Так мстительный Андерсен расправился с женщиной, которую любил и которая отказала ему во взаимности...

Андерсен любил приезжать в Италию. На этот раз он поселился в маленьком городке Сперлонга, раскинувшимся на высокой скале над морем. В этом городке не было улиц между домами. Только узкие лестницы, ведущие вверх и вниз. Белые дома лепились на отвесных скалистых склонах. А на берегу моря на отдельном гигантском утесе высилась неприступная средневековая крепость. Перед отъездом в Италию Ханс-Кристиан получил письмо от Генриетты.

«Дорогой, милый Ханс-Кристиан! Пишу вам из Америки из небольшого городка Бостон. У брата двое смешных ребятишек. Так что я теперь тетя, тетя Гетти. Читала детям ваши сказки «Дюймовочку», «Гадкого утенка» и «Снежную королеву». Они слушали, разинув рты. Кстати, здесь в книжной лавке увидела изданную в Америке книгу ваших «Сказок и историй» на английском языке, привезу вам в подарок. Скучаю о Копенгагене и... о вас. Весной отправлюсь в Данию на пароходе. Жду не дождусь возвращения на родину.

Всегда ваша Гетти.

P.S. Что сочиняете сейчас? Целую ваш огромный носище».

Ханс-Кристиан вошел на террасу, увитую виноградом, при гостинице «Три рыбака». И как только он присел за обеденный столик, официант подскочил с меню и с почтовым конвертом.

— Вам письмо. Что изволите заказать на второй завтрак?

— Минуточку, — Андерсен распечатал конверт, стал читать. Письмо было от Доротеи Мельхиор. Лицо Ханса-Кристиана побледнело.

«Дорогой друг! Сообщаю трагическую новость! Только что пришло известие, что погибла Генриетта. Она плыла из Америки после визита к брату на пароходе «Австрия». Во время сильного шторма судно затонуло. Погибли все пассажиры. Мужайтесь, Ханс-Кристиан.

Ваша Доротея Мельхиор».

Андерсен машинально поднялся из-за стола. Лицо его было страшно. Ханс-Кристиан покрылся испариной, стал судорожно ловить ртом воздух. Шатаясь, Андерсен направился из ресторана. Он двигался, как сомнамбула, не понимая, где он, что с ним. Официант окликнул его: «Что с вами, синьор? Вам помочь?» Но Андерсен не слышал... Вскоре он оказался на улице, вернее, на лестнице, и побрел вниз, сам не понимая, куда и зачем. Со стороны казалось, что идет пьяный, очень пьяный иностранец...

Солнце садилось. Измученный Андерсен спустился к морю. Он бесцельно двигался по пустынному песчаному берегу. Страшные картины возникали в его мозгу. В своем воображении Ханс-Кристиан видел, как в морской пучине спускается на океанское дно накренившийся гигантский корабль. А на его фоне, в воде, опускалось тело Генриетты. Ее глаза были открыты, казалось, она что-то хочет сказать... Ханс-Кристиан тяжело шел по песку, с трудом передвигая ноги. Вот он прошел мимо колонии пеликанов, огромных птиц с гигантскими клювами, казавшимися мраморными. Птицы были большие, некоторые из них достигали в высоту до полутора метров, то есть были почти такого же роста, как человек. Птицы громкими гортанными звуками что-то

Андерсен. Жизнь без любви

говорили друг другу и со смирным любопытством глядели на одинокого путника. Сзади виднелись Сперлонга, взгромоздившаяся на вершину горы, и крепость над морем, охраняющая город. Андерсен шел по пляжу, ничего не видя вокруг себя. И вдруг раздался треск. Довольно громкий. Андерсен вздрогнул, посмотрел под ноги и увидел, что он только что нечаянно раздавил огромное птичье яйцо. Скорлупа валялась около его башмаков, а из яйца вытекал желток. Ханс-Кристиан смотрел на невольно совершенное им черное дело. Он услышал за спиной зловещее шипение и обернулся. Он увидел, что на него двигался разъяренный гигантский пеликан, взбешенный гибелью будущего птенца. За ним, подстраиваясь к лидеру, приближалось еще несколько жутких птиц. Их намерения были очевидны. Они бешено шипели. Мраморные клювы, словно кинжалы, угрожающе нацелились на Ханса-Кристиана. Андерсен похолодел от ужаса. И побежал. За ним побежали, переваливаясь с боку на бок, грозные огромные птицы. Андерсен оглядывался назад, пеликаны не отставали. Их кинжалы рассекали воздух, чудовищное шипение становилось все громче и громче и переходило в рев. Сердце писателя изо всех сил колотилось в грудной клетке. Ужас обуял его. По морскому берегу мчался высокий длинноносый человек, а за ним гнались кошмарные длинноносые птицы. Постепенно пеликаны стали отставать. Ханс-Кристиан, на карачках вскарабкавшийся в гору, свалился на траву. Он видел, как внизу колобродили возмущенные пеликаны, но у него уже кончились все силы. И он потерял сознание...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

После возвращения из Италии и известия о гибели Генриетты Ханс-Кристиан чувствовал себя потерянным. И самое главное — перестала доставлять радость работа. Часами он просиживал за письменным столом, но сказки перестали приходить к нему. Каждое утро Бригитта выметала из его комнаты огромное количество смятых и разорванных автором бумажных листов. Не ладилось, не писалось, не сочинялось... «Неужели пришло бесплодие?» — частенько задавал себе этот вопрос писатель. Родной город Оденсе недавно сделал его почетным гражданином. Но шикарный праздник отшумел, и Андерсен, конечно польщенный, так и не почувствовал той радости, которую испытал бы прежде. Эти почести пришли позже того, когда он их так страстно желал. А кроме того, он чувствовал, что в его организм вошла смертельная болезнь. У него была теория, что эта болезнь гнездится в каждом. Но многие люди умирают раньше, — кто на войне, кто от несчастных случаев, кто от других недугов, которые оказались расторопнее рака. Но он умереть не успел...

По-прежнему он жил у дорогих своих друзей Мельхиоров, которые не чаяли в нем души, хотя из-за болезни характер Ханса-Кристиана становился все более капризным...

Бригитта читала в прихожей сказку Андерсена «Калоши счастья».

Два крошечных эльфа протиснулись в прихожую дома. Каждый из них волочил за собой по калоше счастья. Эти калоши были такой величины, что любой из эльфов свободно мог бы там разместиться, как в кровати. Они поставили калоши под вешалкой, на которой висел плащ Ханса-Кристиана.

— Пусть сказочник сам попробует надеть эти калоши, — прозвенел голосок одного из эльфов.

— Интересно, в каком времени он окажется, — отозвался эльф, у которого был серебряный тембр голоса. — И в кого захочет перевоплотиться?

И оба очаровательных волшебных существа растаяли в воздухе. Бригитта их, конечно, не видела. И не слышала их голосов. И не подозревала о том, что под вешалкой теперь появились волшебные калоши...

Андерсен встал из-за письменного стола, потянулся и вышел в прихожую. Настроение было подавленное.

— Пойду прогуляюсь, — сказал он служанке Бригитте. — Устал я что-то... И не пишется...

Та выглянула в окно:

— Как бы дождь не пошел, господин Андерсен, наденьте калоши.

И Бригитта подала плащ писателю.

— Я прочитала вашу сказку «Калоши счастья», — сказала служанка. — Бестолковые у вас там все герои. Один пожелал стать птичкой, другой герой на луну отправился, а третий попал в средние века. Вот достались бы эти калоши мне...

— И в какую эпоху ты бы отправилась? — поинтересовался Ханс-Кристиан, натягивая на ногу первую калошу. Он, конечно, не подозревал, что надевает магиче-

скую обувь. — Вообще-то, это все небылицы. В жизни ничего подобного не случается.

— Так, значит, вы все выдумываете, сочиняете, а сами не верите?

— Сам... нет, не верю. Так куда ты хотела бы перенестись, Бригитта?

— Я бы хотела оказаться в будущем, лет, эдак, через сто...

— Неглупое желание. Я бы тоже хотел побывать в будущем, лет через сто, посмотрел бы, как там у нас в Дании...

— А вы там король! — продолжала фантазировать служанка.

— Да, неплохо оказаться в королевской шкуре, — мечтательно пошутил писатель. Говоря это, Ханс-Кристиан причесывался перед зеркалом. А правый его башмак влезал тем временем во вторую калошу. И вдруг раздался шипящий свист, неожиданно фигура сказочника растворилась. И в зеркале было видно лишь отражение гребня, который продолжал двигаться, как бы расчесывая невидимые волосы Андерсена. В зеркале отражалась также фигура изумленной Бригитты, которая не могла понять, куда же подевался Ханс-Кристиан...

А сказочник парил в небе. Мимо него неслись облака. Лицо у Ханса-Кристиана выражало неподдельное удивление: ясно было, что ничего подобного прежде он не испытывал. Снизу, сквозь облачность, неслась земля с высокими зданиями, автомобилями и прочими приметами жизни двадцатого столетия. По широкому асфальтированному шоссе двигалась моторизованная колонна. На переднем мотоцикле был укреплен флагшток, на котором развевался военный штандарт со свастикой.

За мотоциклистами в рогатых шлемах плыл длинный черный лимузин.

Андерсен спикировал вниз и полетел невысоко. В окне салона лимузина он увидел гитлеровского генерала, руководившего победоносным вторжением в Данию. За автомобилем командующего, урча, ползли грозные танки с крестами на орудийных башнях. Войсковая колонна подошла к датской столице и беспрепятственно вошла в Копенгаген. Настороженные жители наблюдали за вторжением. Не было приветственных криков, не было улыбок, но и не было враждебных демонстраций против немцев. Местное население как бы замерло в ожидании того, что же случится дальше.

С мотоцикла соскочил кинооператор в военной форме и стал снимать ручной камерой, как эсэсовцы позировуют на фоне бронзовой фигуры андерсеновской русалочки, что установлена в порту.

...Ханс-Кристиан в костюме короля слушал в тронном зале дворца в Копенгагене заявление немецкого посла.

— Ваше Величество, отныне Дания объявляется немецким протекторатом. Фюрер в своей заботе о датском народе сохраняет в вашем лице, Государь, монархию. На примере сотрудничества великой Германии с вашей маленькой страной мы покажем всему миру, как прекрасен новый порядок, который немецкий рейх наводит в Европе. Все остается в Дании по-прежнему. Вы, Ваше Величество, правите своим народом, а наши войска — это гости Датского государства. Немецкий гауляйтер будет вашим другом и помощником. Кстати, Ваше Величество, единственные, кого не касаются все объявленные фюрером привилегии, это евреи, проживающие в Дании. Они обязаны будут зарегистрироваться в комендатуре и надеть на свои костюмы желтые

шестиконечные звезды, чтобы представители грязной расы были видны издалека...

Колонны немецких войск вступали в столицу страны Копенгаген. Оккупанты двигались по набережной мимо биржи, мимо музея Торвальдсена, дворцов, мимо памятника Андерсену. Город затих. Из подворотен, из окон, из подъездов смотрели на завоевателей испуганные глаза жителей.

Срочно закрывались ворота домов, лавки и магазины, город замер в ожидании.

Копенгагенские афишные стенды и тумбы заклеивались немецкими приказами. Отдельный рескрипт гауляйтера предписывал датским евреям носить на своих одеждах шестиконечные звезды и немедленно явиться в комендатуру для регистрации...

В королевском дворце король и его супруга тихо разговаривали.

— Ваше Величество, я хочу вас спросить: вы еще не разучились шить? — поинтересовался монарх.

— Не знаю. Надеюсь, что нет. А что случилось, Государь?

— Мне надо кое-что пришить к мундиру.

— Я могу позвать горничную, Ваше Величество.

— Я бы тоже мог пригласить камердинера, но это деликатное дело.

— Что ж, попробую. Элизабет! — громко произнесла королева. — Принесите мне, пожалуйста, иголку и нитки.

Столица страны привыкала к оккупации. В кабачках немцы распевали свои песни и хлебали вкусное местное пиво. Датчане старались заниматься своими де-

«Я боюсь за Вас, Государь. Они могут Вас убить...».

Кристиан X — *Сергей Мигицко*,
Королева — *Алена Бабенко*

В роли королевы Дании Алена Бабенко

В Данию вступила гитлеровская армия

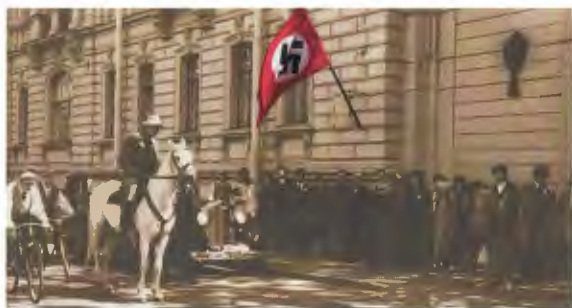
Немцы остановились и растерянно взирали на датского короля. Они не знали, как поступить...

Король
Кристиан X
во время объезда
своей столицы
в 1940 г.

Потомки супругов
Мельхиор,
как и положено
в сказках,
встретились
с Кристианом X
в труднейший
для Дании час

Король Кристиан X у немецкой комендатуры, где выстроилась очередь из евреев для регистрации

Грбовая
мастерская.

Эльдар
Рязанов
и Валерий
Баринов
озабочены
тем, чтобы
покойнику
было в гробу
удобно

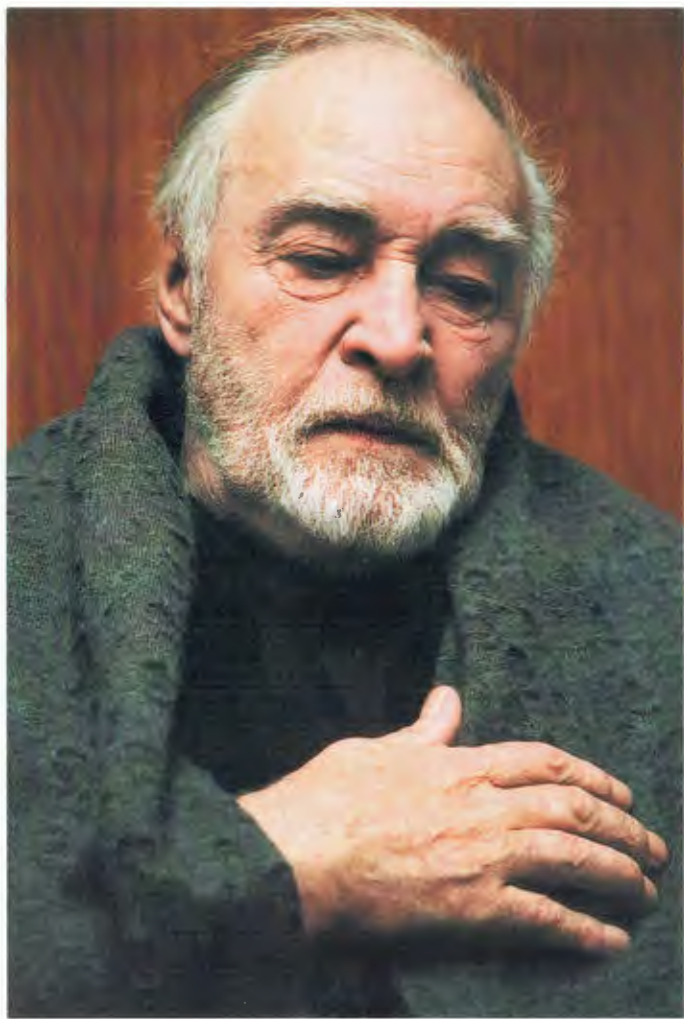
Ираклий Квирикадзе в роли Привратника
смирительного дома

У входа в последний приют

«Я преклонялся перед властителями. Я был самолюбив
и заносчив, был жестоким, эгоистичным, скупым...
Я признаю свою вину, мне стыдно...»

Человек с добрым лицом.
«И все-таки я не жалею, что поцеловал тебя в детстве».

Вячеслав Тихонов

На этих фото только часть старинного города, построенного в Дании. И от этого пришлось отказаться

Соавторы
сценария
Эльдар
Рязанов
и Ираклий
Квирикадзе

В центре
оператор
Вадим
Алисов

На съемке оператор Евгений Гуслинский
и сорежиссер Михаил Бич

Главный художник-постановщик Людмила Кусакова

Художник-гример
Нина Колодкина

Замечательный балетмейстер, прекрасный друг,
удивительный человек Владимир Васильев

Композитор
Алексей
Рыбников

Рядом со мной Наталья
Иванова, Нина Колодкина,
Эмма Абайдуллина и
Евгения Крюкова

Исполнительный продюсер
и «хозяин суконной
фабрики» Дмитрий Корж

После
съемки

Просмотр на экране монитора сцены,
где С. Мигицко изображает павиана.
А. Толубеев, Э. Рязанов, С. Мигицко,
Э. Абайдуллина и А. Бабенко

Э. Рязанов,
О. Табаков,
С. Мигицко

С Оксаной Мысиной

С артистом Воронежского театра Юрием Лактионовым, сыгравшим у нас полицейского. Юра — мой старый друг. Он не только превосходный актер, но и одаренный композитор, сочиняющий славные песни, поэт, пишущий отменные стихи, исполнитель песен и добротный художник, оформляющий спектакли в своем театре

Репетируем,
снимаем,
мерзнем...
В. Зельдин,
Э. Рязанов,
режиссер
А. Злобин,
С. Рядинский

Во дворце собачий холод.
И. Ефремова, Э. Рязанов, В. Гаркалин, А. Бабенко

Традиционное фото
съемочной площадки

Режиссер и редактор

И все-таки самое главное качество для режиссера на съемке—
умение сосредоточиться

лами так, как будто ничего не случилось. Открылись магазины, продолжались школьные занятия, ездили трамваи и такси. На некоторых зданиях висели нацистские флаги. Среди жителей иногда мелькали черноволосые люди с шестиконечными желтыми звездами на одежде. Их поведение отличалось от тех, на ком не было этого знака «отличия». Евреи стремились быть незаметными, старались быстро прошмыгнуть, они испуганно смотрели по сторонам, в их глазах поселился страх, а фигуры приниженно горбились...

А во дворце супруги — король и королева — сидели напротив друг друга. Король был в мундире с орденами. Королева что-то пришивала к его мундиру. Мы не видим, что именно. Король с нежностью смотрел на жену.

— Ваше Величество, я хочу поблагодарить вас за то, что вы двадцать семь лет тому назад ответили согласием на мое предложение, — сказал король. — Я был счастлив с вами.

У королевы глаза были полны слез.

— Спасибо вам, Государь. Я безмерно признательна судьбе, что она помогла нам встретиться... Я люблю вас, — и она перевела разговор. — Извините, тут получилось кривовато.

И королева откусила нитку.

Король нежно улыбнулся.

— Все в порядке. Вы по-прежнему замечательно шьете. И по-прежнему очень красивы...

— Я боюсь за вас, Государь. Они могут вас убить...

— Все в руках Божьих, — покорно ответил монарх. — Но я не могу не сделать этого, понимаете?

— Понимаю, — прошептала королева.

— Йонас! — позвал государь камердинера.

В покоях появился слуга.

— Прикажи, чтобы оседлали Алихана.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

— Как же вы поедете верхом? — обеспокоенно спросила государыня. — А ваша подагра?

— Ничего, — улыбнулся король. — Мне помогут вскарабкаться в седло.

Король верхом на белом арабском скакуне выезжал из ворот дворца. Датский гвардеец и немец-эсэсовец, которые совместно несли охрану королевской резиденции, выпучили глаза от удивления. Затем они отдали честь главе Датского королевства. Король небрежно кивнул, дал шпоры и медленно поехал по улицам Копенгагена. Прохожие останавливались и приветствовали своего повелителя. Но на лицах подданных было написано нескрываемое изумление. На мундире Государя красовалась большая желтая шестиконечная звезда. Королевский жеребец шел легкой рысью. Люди выбежали из магазинов, снимали шапки, кланялись королю. Взвод немецких штурмовиков, шагавший строем, вдруг сбился. Немцы остановились и растерянно взирали на датского короля. Они не знали, как поступить. Считалось, что король правит Данией, и хотя все знали, что это не так, командир штурмовиков не понимал, что ему делать...

В кабинет к гауляйтеру вбежал офицер и доложил о дерзком поступке Его Величества. Гауляйтер бросился звонить фюреру.

А тем временем копенгагенцы один за другим выходили на улицы столицы, и на одежде каждого красовалась желтая шестиконечная звезда. Эти символы появились в витринах магазинов и кафе, в окнах трамваев,

на стеклах такси, на воротах и подъездах домов. Группа детей, возвращавшихся из школы, тоже щеголяла этим украшением на своих ранцах. Курчавые, горбоносые брюнеты с восхищением взирали на светлоголовых высоких скандинавов, которые невозмутимо несли на своих костюмах еврейскую звезду. Ошарашенные фашисты озирались по сторонам, не зная, что предпринять. Оказалось, что в этой стране все поголовно — евреи!

Король после своей показательной поездки по городу возвращался во дворец и вдруг остановил коня. Он с восхищением смотрел на мальчишку лет девяти, который, высунув язык, прикреплял к ошейнику беспородного пса шестиконечный еврейский символ...

— Кристиан, вас к телефону господин гауляйтер, — встретила королева, стоя в дверях дворца.

— Старость — не радость! — кричал, слезая с коня, монарх.

Он выслушал в телефонную трубку гневный лай гауляйтера, улыбнулся и ответил по-немецки:

— Господин гауляйтер, народ выполняет ваш приказ.

Разговаривая с немецким наместником, король снимал с ног калоши...

В порту деревни Драгёр, что под Копенгагеном, находилось немало рыбацких шхун. Чуть в стороне на берегу, шагах в пятнадцати от линии прибоя, лежал огромный валун. К камню была прикреплена мемориальная бронзовая табличка.

Надпись на ней гласила: «Отсюда в октябре 1943 года датские рыбаки и моряки перевезли в нейтральную Швецию евреев, проживающих в Дании. Спасаящий одного человека спасает человечество...» (Этот монумент был установлен позже, после войны.)

Бригитта убиралась в прихожей. Она так и не смогла понять исчезновения Андерсена. Прошло, наверное, минут двадцать или тридцать. А может быть, месяц или два. Никто не знает... И вдруг служанка услышала странный звук, напоминающий и свист, и шорох. Перед зеркалом, к изумлению Бригитты, возникла знакомая фигура писателя. Он появился так же неожиданно, как и растаял. Конечно, в этот момент верная прислуга не обратила внимания на то, что долголетний постоялец Мельхиоров вернулся домой без калош. Ханс-Кристиан возвратился из двадцатого столетия в девятнадцатое задумчивым и грустным. Он оказался в том же самом месте, откуда начался его магический вояж. А может, ему все это померещилось? Он и сам не смог бы ответить на этот вопрос...

— Жаль, что не я написал эту сказку, — тихо произнес Ханс-Кристиан. — Но ее сочинил народ.

Бригитта очнулась от столбняка, всплеснула руками:

— Где вы были? Я так переволновалась!

— Как хорошо, что мы не знаем своего будущего, — Андерсен никак не мог отойти от своего невероятного путешествия.

— Как я испугалась, когда вы исчезли! — продолжала Бригитта. — Давайте я вам помогу, — и она принялась снимать с Ханса-Кристиана крылатку. Тут она увидела на лацкане его сюртука странный знак — желтую шестиконечную звезду.

— Что это?! — служанка с удивлением пялилась на незнакомый символ. — Где вы были?

Андерсен тоже взглянул на звезду.

— Там, где ты хотела побывать — в будущем!..

Андерсен и Бригитта вошли в комнату Ханса-Кристиана.

— А где господа? Как они, здоровы? Как дети? О, вижу, тут у вас был ремонт, — сказал писатель, снимая сюртук и оглядываясь.

И действительно, стены прихожей и комнаты были выкрашены в другой цвет.

— Господа в Париже в гостях у барона Ротшильда, — сказала Бригитта, ставя в вазу розы на высоких стеблях.

— Как? Он стал бароном? — удивился Ханс-Кристиан.

— За такие деньги можно стать и королем, — доверительно заметила Бригитта.

Оба посмеялись. Андерсен оглядел свой письменный стол. Взял в руки талисман — одноногого оловянного солдатика.

— Я ваши любимые розы в вазу поставила, — тараторила Бригитта. — Прикажете подать обед сюда или пойдете в столовую?

— Да, в гостях хорошо, а дома лучше. А что касается обеда...

При этом Андерсен повернулся к двери и застыл... Вместо капустного поля, нарисованного на двери, по которому гуляли слон, лев и носорог, была чистая белизна.

— Что это? Как это? — он подбежал к двери.

Бригитта убирала сюртук писателя в шкаф.

— Слава богу, наконец-то эту пачкотню маляры замазали! — тут она увидела лицо Андерсена. — Что случилось?

Ханс-Кристиан провел рукой по белому дверному полотну:

— Боже мой! Какой ужас!

— Вы огорчились? — спросила Бригитта. — Скажете господам, они пригласят хорошего художника, и он вам нарисует, что пожелаете.

— Говорят, белый цвет — это цвет смерти! — печально произнес Андерсен.

Сообщения газет о кончине великого писателя, верного сына Дании Ханса-Кристиана Андерсена. Мелькают заголовки и портреты, портреты и заголовки. На всех языках мира... «Великий сказочник»... «Непревзойденный»... «Огромная утрата»... «Гордость Дании»...

Старый гробовщик Клаусен строгал крышку величественного гроба. Работал очень усердно и сосредоточенно. Вытерев пот со лба, взял ручную дрель и карандаш. Стал внимательно искать какое-то место на крышке гроба. За этим занятием его и застал хозяин мастерской Густавсен.

— Здесь? Может, здесь? Нет, не годится. Будет плохо видно. — бормотал гробовщик, делая разметку на крышке гроба.

— Чем ты занимаешься, старина Клаусен? — полюбопытствовал главный гробовщик.

— Да вот, выбираю место для дыры, — объяснил Клаусен.

— Для какой дыры? — не понял хозяин.

— Ну, чтобы покойнику было удобно смотреть на похороны, — делово сказал старый мастер.

— Ты знаешь, для кого гроб? — осторожно спросил хозяин.

— Еще бы! Сделаю так — вам самому захочется лечь. Хозяин мастерской засмеялся:

— Я туда не тороплюсь...

— Это правильно, — резонно заметил Клаусен. — Туда торопиться не надо. Так все-таки, где же лучше сделать дыру?

— Что ты мелешь? Ты сошел с ума?

— Разве вы не читали? — Клаусен ввел хозяина в курс дела. — На своем юбилее господин Андерсен сказал: «Я хотел бы, чтобы в крышке моего гроба была ды-

ра, через которую я увидел бы, кто из друзей пришел со мной попрощаться...»

— Может, он шутил?

— Это была не шутка! — убежденно ответил гробовщик.

— К чему ему дыра? Ведь он же как бы умер.

— Такие люди не умирают, — уверенность Клаусена была такова, что хозяин тоже проникся важностью проблемы.

— Предположим. Где же ты намерен сделать эту дыру? Сбоку? Тогда усопшему придется повернуть голову. А он, боюсь, этого не сможет.

— Этот? Этот сможет! Но сбоку, ваша правда, не годится.

— А если ты продырявишь вверху крышки, он будет видеть только небо, — логично рассудил хозяин.

— В этом-то и вся сложность задачи. А воля умершего для живых — закон.

И гробовщики погрузились в размышления...

Благодаря настойчивости гробовщика Клаусена наш читатель сможет представить похороны великого писателя с привилегированной точки зрения, а именно через дырку в крышке гроба, то есть как бы с точки зрения усопшего. Поэтому читатель сможет узнать далеко не все о величественной и печальной церемонии похорон. Ему, читателю, придется довольствоваться какими-то отрывками, кусочками траурного ритуала. Читатель услышит обрывки траурных речей, всхлипы, рыдания. А тоскливую, берущую за сердце музыку читатель представит довольно легко по аналогии. Но, конечно, главным своеобразным путеводителем для читателя станет голос самого Андерсена.

«Молодец гробовщик, — комментировал покой-

ный. — Настоящий почитатель, — дырку сделал на совесть. Одно слово, ублажил! Прямо скажу: я очень доволен похоронами. Лежу удобно, голова на подушке. Вижу, конечно, не все, часто только фрагментами, но представление о ритуале имею полное. По-моему, шикарно! По сути, попрощаться пришла вся Дания. А это что такое? А-а... опускаются перед гробом черные знамена. И правильно, я это заслужил...»

Тут послышался голос известного литературоведа: «Он обладал драгоценной особенностью находить жемчуг в сточной канаве...»

«Умница, хорошо сказал! — продолжал свои примечания усопший. — Очень беспокоюсь, придет ли король? А, вот он, вот он, собственной персоной, — в голосе слышалось удовлетворение. — Пришел с цветами, поклонился, молодец!»

Голоса двух распорядителей объясняли, кто пришел и от кого цветы:

«Венок от королевы Великобритании Виктории...»

«Цветы от композитора Рихарда Вагнера...»

«Русский писатель Иван Тургенев прислал эти ослепительные розы...»

«Память великого датского писателя почтила своим присутствием русская императрица Мария Федоровна, в девичестве датская принцесса Дагмара...»

«Несравненная Йенни Линд прислала этот венок из роз...»

Тут покойник не выдержал и стал брюзжать:

«Видел я ее невзрачного мужа-пианиста. Кого себе выбрала?! Да, женщины все-таки дуры...»

Снова вплелись голоса распорядителей:

«Германский кайзер Вильгельм прислал по пневматической почте скорбное послание...»

«Композитор Джузеппе Верди...»

Андерсен. Жизнь без любви

Голос распорядителя утонул в музыке и шуме.

«Да, Европа постаралась, — удовлетворенно кряхтел почивший. — Сколько лент, крестов, звезд... Честно скажу, я растроган. А это кто? А-а, старая гнида Мейслинг! Послушаем, как он станет врать, этот долгожитель».

«Дорогой Ханс-Кристиан, — захрипел седовласый ветеран. — Я часто бывал виноват перед тобою... Прости меня, если сможешь...»

«Жаль, я сам не могу сказать о себе несколько слов, — огорчился Андерсен. — Уж я бы постарался. Как-никак писатель!»

Через дырку мелькнули добрые лица зареванных Морица и Доротеи Мельхиоров.

«Прощайте, мои дорогие друзья, — Ханс-Кристиан был растроган. — Да, из родных нет никого. Ничего, скоро я с ними встречусь... Что такое? Почему закачались верхушки деревьев?»

А, я понял: люди сняли мой гроб с колесницы, взвалили его на плечи и понесли к кладбищу на руках. Не скрою, я ликовал...»

Но вот качка кончилась, гроб стал недвижим.

«По-моему, гроб поставили на землю, — догадался Андерсен. — Значит, пришли на кладбище. Признаюсь, я с большим отвращением ждал, когда меня начнут засыпать землей... Вот, кажется, этот момент и наступил...»

Тут голос Андерсена прервался. На крышку гроба с сильным стуком стали обрушиваться куски земли, которую бросали добросовестные могильщики. А потом наступили чернота и тишина...

ЭПИЛОГ

А эти события произошли уже после смерти.

Седой Андерсен в парадном сюртуке, украшенном множеством орденов, старческой походкой шел по пустынному морскому берегу. На море бушевал гигантский шторм. Волны были высотой с трехэтажный дом. Они поднимались на дыбы, образуя причудливые узоры из воды и пены. Волны были такими высокими, что не было видно неба. Только узкая песчаная полоска берега, одинокая фигурка Андерсена и гигантские морские валы. Станным было то, что совсем не было слышно грохота стихии. Царило молчание, лишь шарканье шагов Ханса-Кристиана по песку нарушало тишину.

Наш герой приблизился к деревянной изгороди, за которой виднелось безликое здание. На кольях частокола, словно черные кляксы, сидели вороны. Вдруг среди птиц Ханс-Кристиан опознал сгоревшую в трубе родительского дома Клару. Он подошел к ней, согнул два раза указательный палец. Ворона каркнула два раза...

— Спасибо, Клара, — с чувством сказал Андерсен и постучал в ворота.

Привратник, похожий на апостола Петра, отворил створку.

— Входи, Ханс-Кристиан.

— Здравствуйте. По-моему, я был здесь в детстве, — вспомнил Андерсен. — Это смиренный дом?

— В каком-то смысле, да! — ответил привратник-апостол. — Тут смиряются человеческие страсти и желания.

— Это мой последний приют?

— Это не мне решать, а Ему, — смиренно сказал привратник-апостол. — Но в таком виде негоже представлять перед Ним...

И привратник сделал движение рукой. И вот с Андерсена слетел его парадный сюртук, увешанный орденами, исчезли нарядные башмаки с пряжками, франт оказался стариком, облаченным в простую домотканую рубаху.

Привратник-апостол показал направление:

— Проходи!

И босой Андерсен направился к скамейке на берегу моря, где сидел его старый знакомый, который поцеловал его в лоб, когда он был малышом, в самом начале нашей истории.

Андерсен подошел к скамейке и глубоко поклонился.

— Выслушай меня. В моей жизни было много суеты и тщеславия. Мое честолюбие оказалось чрезмерным. Я стыдился среды, из которой вышел, я отвернулся от матери своей, отрекся от сестры... Это моя вина! Мой огромный грех!

— Я все знаю, — грустно произнес человек с добрым лицом и проволокой на голове, напоминающей нимб.

— Я преклонялся перед властителями. Я был самолюбив и заносчив, бывал жестоким, эгоистичным, скупым, — Ханс-Кристиан перечислял свои грехи с горечью и болью. — Я признаю свою вину, мне стыдно...

Эльдар РЯЗАНОВ

— Но тем не менее я не жалею, что поцеловал тебя в детстве, — заговорил сидящий на скамейке. Неожиданно над лицом его появилось золотистое сияние.

— Ты искупил свою вину на земле тем, что страдал и не озлобился. Чувства ожесточения и мстительности были чужды тебе. Твои творения сеяли добро в людях, и они ответили тебе любовью и почитанием. Я прощаю тебя. Пусть смятение и страсти утихнут в твоей груди, пусть забудутся страдания и обиды... — Он немножко помолчал и неожиданно добавил: — А все-таки ты дурак, Андерсен, что прошел мимо такого чуда, как любовь женщины... тут я, как мужчина, тебя не одобряю, — и человек с добрым лицом неожиданно улыбнулся легко и озорно. Свет от нимба слегка слепил Ханса-Кристиана.

Он грустно улыбнулся в ответ, но его глаза были полны слез. Эти слезы не были слезами горя. Умиление и нежность переполняли сердце сказочника...

А по берегу моря бежал, бросая камни в воду, маленький Ханс-Кристиан. Это были те же места, где начиналось действие книги. И вся жизнь Ханса-Кристиана еще лежала перед ним...

POST SCRIPTUM

СКАЗКА «СОЛОВЕЙ»

Киноверсия

В Китае, как ты знаешь, и сам император, и все окружающие его — китайцы. Дело было давно, но потому-то и стоит о нем послушать, пока оно не забудется совсем.

Император восседал на золотом троне во дворце. Рядом придворный чтец читал вслух роскошную книгу. Император слушал и поминутно кивал головой: ему было приятно слышать похвалы своей стране.

Путешественники, возвращаясь домой, рассказывали о многих чудесах Китая: о фарфоровом императорском дворце, о чудеснейшем саде и его цветах, но выше всего ставили песни соловья, который живет в лесу на берегу моря. «Соловей — лучше всего!» — это было общее мнение.

Тут император прервал чтеца:

— Что такое? — сказал император. — Соловей? В моем государстве на берегу моего собственного моря живет такая удивительная птица, а я ни разу не слышал ее!

И он обратился к первому из своих приближенных:

— Почему же мне не доложили об этом?

— Птица никогда не была представлена ко двору, — отвечал первый приближенный.

— Я желаю, чтобы соловей был здесь и пел передо мной сегодня же вечером! — сказал император. — Если же соловья не будет здесь сегодня вечером, я прикажу после ужина надавать всем придворным палочных ударов по животу!

Придворные забегали вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам. У всех на языке был один вопрос: что это за соловей, которого знал весь свет, а при дворе ни одна душа не знает.

Наконец, на кухне нашли бедненькую девочку, которая сказала:

— Господи, как же не знать Соловья? Мне позволено относить по вечерам моей бедной больной матушке остатки обеда. Живет матушка у самого моря, и вот тогда я каждый раз слышу пение. Слезы так и текут у меня из глаз, а на душе становится радостно-радостно. Но вообще-то поет не птица.

— Как не птица? — изумился первый приближенный.

— Это молодой рыбак, — объяснила кухарочка. — У него удивительный голос, а внешность некрасивая. Птица соловей ведь тоже неказистая очень. Вот рыбака и прозвали — «Соловей». Никто даже и не знает его настоящего имени.

— Кухарочка! — сказал первый приближенный императора. — Я выхлопочу тебе позволение посмотреть, как кушает император, если ты отведешь нас к Соловью!

И вот придворные отправились к морю. Наконец, они услышали дивное пение.

— Это Соловей! — воскликнула кухарочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам! — и она указала паль-

цем на долговязого, весьма некрасивого юношу, который около убогой избушки перебирал рыбацкие сети и развешивал их на изгороди.

— Какая простая наружность! — сказал первый приближенный императора. — Верно, он потерял все свои краски при виде стольких знатных особ!

— Соловушка! — закричала девочка. — Наш милостивый император желает послушать тебя!

— Несравненный Соловей! — сказал первый приближенный императора. — На меня возложено приятное поручение пригласить вас на имеющий быть сегодня вечером придворный праздник.

— Пение мое гораздо лучше слушать в зеленом лесу, на берегу, — сказал Соловей. — Но я охотно отправлюсь с вами, если так угодно императору.

Посреди огромной залы, где на троне сидел император, возвышался золотой помост для Соловья. Все придворные были в сборе; позволили стоять в дверях и кухарочке — ведь теперь она получила звание лейб-поварихи. Император милостиво кивнул головой долговязому юнцу. Конечно, вы, дорогой читатель, сразу же узнали бы в Соловье молодого Ханса-Кристиана Андерсена. Ведь у него в юности был дивный голос, и сказку эту он написал о себе. И Соловей запел. Звуки были поистине божественные. Император прикрыл глаза и блаженно слушал пение.

Соловей пел, и придворные постепенно поддались очарованию музыки и виртуозному исполнению. На глазах императора выступили слезы и покатались по щекам. Тогда Соловей залился еще громче, еще слаще; пение его так и хватало за сердце. Император был очень доволен и сказал, что жалует Соловью свою золотую туфлю на шею. Но рыбак поблагодарил и отказался:

— Я видел на глазах императора слезы — какой еще награды желать мне! Я награжден с избытком.

Император самолично привел певца в отведенные ему особые покои.

— Ты будешь моим другом! — милостиво сказал государь. — За тобой будут ухаживать двенадцать лакеев. Я отдал приказ, чтобы все твои желания выполнялись.

— У меня к вам просьба, Ваше Величество.

— Я ее исполню! — пообещал император.

— Я утром поставил в море сети. Надо их вынуть из пучины, а то пойманная рыба погибнет.

— Я никогда не видел, как вынимают сети из моря, — грустно сказал властелин Китая.

— Пойдемте со мной, Ваше Величество!..

Император подошел к нише в стене, нажал невидимую кнопку. В нише оказалась дверь, которая открылась.

— Это потайной ход. О нем не знает никто. И мы пойдем по нему, чтобы за нами не увязалась вся эта свора льстивых придворных.

Стоял упоительный летний вечер. Из подземного хода, который выводил в сад, вышли император и Соловей. Пурпурное закатное небо освещало темное небо. Морские волны тоже отражали красный цвет.

Соловей прыгнул в лодку и подал руку императору. А потом джонка отчалила от берега. Рыбак вынул из морской пучины сеть, полную серебристой трепещущей рыбы и отпустил весь свой улов на свободу, в морские волны. Рыбины радостно плескали хвостами, благодаря таким образом рыбака.

— Я впервые счастлив сегодня, друг мой Соловей! — сказал император...

Как-то императору доставили большой пакет с надписью «Соловей». В ящичке лежал искусственный соловей, похожий на настоящую птицу, но весь осыпанный бриллиантами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу, как она начинала петь одну из очаровательных мелодий и водить хвостиком, который отливал золотом и серебром. Это был подарок китайскому императору от японского.

— Какая прелесть! — сказали все, послушав песню заморского гостя.

— Теперь пусть-ка споют вместе, старый Соловей и новый, — предложил первый приближенный императора. — Вот будет дуэт!

— Можно попробовать, — согласился живой Соловей.

Завели искусственного певца, он запел. Стал выводить рулады и настоящий Соловей. Но дело не пошло на лад. Человек пел по-своему, а механическая птица, как заведенная шарманка.

— Пусть поет новый соловей один! — сказал придворный капельмейстер. — Он безукоризненно держит такт и поет совсем по моей методе.

Искусственный соловей спел ту же самую мелодию еще раз. Он опять имел сумасшедший успех. Ведь он был красивей живого певца: весь так и блестел драгоценностями.

— Хотим еще слушать нового соловья! — воскликнула придворная дама.

— Как он прекрасен! — поддержал первый приближенный императора, которому не понравилась дружба государя с рыбаком — ведь его влияние падало.

— Люди любят слышать привычные мелодии, — воскликнул придворный капельмейстер. — Пусть споет еще раз.

Пока искусственная птичка повторяла ту же музыку, а другой она исполнять не умела, живой Соловей тихо и незаметно удалился. Он подошел к нише, где была дверь потайного хода, и скрылся из дворца.

— Хорошо бы спеть и нашему, настоящему, Соловью, — решил император.

Но того нигде не было.

— Что же это такое, однако? — рассердился государь. — Куда он подевался?

— Неблагодарная тварь, — хором сказали придворные.

— Просто скотина, — подхватили другие царедворцы.

— Он плюнул императору в душу, — развили тему прочие прислужники.

— А все-таки лучший певец остался у нас! — сказал первый приближенный императора.

Капельмейстер расхваливал искусственную птицу и уверял, что она даже выше настоящей, не только по платью и бриллиантам, но и по внутренним своим достоинствам.

— Что касается настоящего Соловья, высокий повелитель мой, и вы, милостивые господа, то никогда нельзя знать заранее, что именно он споет, у искусственного же все известно наперед!

— Надо и народу послушать ее! — сказал император.

Народ послушал и был очень доволен. От восторга все в один голос восклицали: «О!», поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами. Но бедные рыбаки, слышавшие настоящего певца, говорили:

— Недурно и даже похоже, но все-таки не то! Чего-то недостает в его пении, а чего — мы и сами не знаем!

Настоящего Соловья, ввиду его неблагодарности, объявили изгнанным из государства, это повеление мо-

нарха зачитали народу. Искусственная птица заняла место на шелковой подушке, возле императорской постели. Кругом нее были разложены все пожалованные ей драгоценности.

А потом император заболел. Он, лежа в постели, решил послушать своего придворного соловья. Он нашел кнопку завода, искусственная птица запела, как вдруг внутри ее что-то зашипело, зажужжало, колеса завертелись, и музыка смолкла. Что тут началось!..

Император вскочил и послал за своим лейб-медиком, но что же мог тот поделывать! Позвали часовщика, он попытался ее починить, но безуспешно. Механизм поистерся от частого употребления. А императору становилось все хуже и хуже. Болезнь оказалась серьезной. Народу объявили о том, что властелин Китая при смерти. Провозгласили нового императора, который вступит в должность, как только умрет прежний.

Во дворце стояла мертвая тишина. Но император еще не умер, хотя и лежал на своем великолепном ложе под бархатным балдахином с золотыми кистями, совсем недвижимый и мертвенно-бледный. Сквозь раскрытое окно глядел на императора и искусственного соловья ясный месяц. Бедный император почти не мог вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидит у него на груди. Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидела Смерть. Она надела на себя корону императора, забрала в одну руку его золотую саблю, а в другую — богатое знамя. Из складок бархатного балдахина выглядывали какие-то странные головы: одни гадкие и злые, другие добрые и милые на вид. То были злые и добрые дела императора, смотревшие на него, в то время как Смерть сидела у него на груди.

— Помнишь это? — шептали головы одна за дру-

гой. — Помнишь это? — и рассказывали ему так много, что на лбу у него выступал холодный пот.

— Я не знал об этом! — говорил император. — Музыку сюда, музыку! Я не хочу слышать их речей!

Но они все продолжали, а Смерть кивала на их речи головой.

— Музыку сюда, музыку! — кричал император. — Пой хоть ты, милая, славная, золотая птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, пой же, пой!

Но птица молчала. Смерть продолжала смотреть на императора своими большими пустыми глазницами. В комнате было тихо-тихо. Вдруг раздалось чудное пение. То прибыл через потайной вход живой Соловей, узнавший о болезни императора. Он пел, и призраки все бледнели, кровь прилиwała к сердцу императора все живее и живее. Сама смерть заслушалась Соловья и все повторяла: «Пой, пой еще, Соловушка!» Вот он запел, наконец, о тихом кладбище, где цветут белые розы, благоухает бузина, и свежая трава орошается слезами живых, оплакивающих усопших... Смерть вдруг охватила такая тоска по своему саду, что она свилась в белый холодный туман и вылетела в окно.

— Спасибо, спасибо тебе, милый друг! — сказал император. — Я выдворил тебя из моего государства, а ты отогнал от моей постели ужасные призраки, выдворил саму Смерть! Чем мне вознаградить тебя?

— Ты уже вознаградил меня раз и навсегда! — сказал Соловей. — Я видел слезы в твоих глазах в первый же раз, как пел перед тобою. Слезы — вот драгоценнейшая награда для сердца певца. Но засни теперь и просыпайся здоровым и бодрым! А я буду баюкать тебя своею песней!

Он запел колыбельную, и император заснул здоровым благодатным сном. Когда он проснулся, в окна уже

светило солнце. Никто из его слуг еще не заглядывал к нему: все думали, что он умер; один Соловей сидел у кровати и ждал, когда проснется император.

— Ты должен остаться у меня навсегда! — сказал император. — Ты будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги!

— Не надо! — сказал Соловей. — Она принесла столько пользы, сколько смогла! Я же не могу жить во дворце. Я каждый вечер буду приходить к твоему окну и петь тебе: моя песня и порадует тебя, и заставит задуматься. Я буду петь тебе о счастливых и несчастных, о добре и зле, что таятся вокруг тебя. Но обещай мне одно!

— Все! — сказал император и встал во всем своем величии: он успел надеть на себя свое царское одеяние и прижимал к сердцу тяжелую золотую саблю.

— Об одном прошу тебя: не говори никому, что у тебя есть я, который рассказывает тебе обо всем. До встречи!

И Соловей ушел через потайной ход.

Придворные явились поглядеть на мертвого властителя и застыли на пороге, а живехонький император сказал им:

— Здравствуйте, негодяи!

ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ КАК СНИМАЛСЯ ФИЛЬМ «АНДЕРСЕН. ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ»

...Всю жизнь я снимал фильмы на нашем отечественном материале. Чаще всего на современном — «Карнавальная ночь», «Гараж», «Служебный роман»... Иногда углублялся в историю России — «О бедном гусаре замолвите слово», «Гусарская баллада». Случалось, делал экранизации («Жестокий романс», «Ключ от спальни»). Чаще всего это были трагикомедии. Но независимо от жанра все фильмы были сделаны на родном, российском материале. Почему вдруг Андерсен?! А может быть, не вдруг?

Помню, впервые будучи в Дании в 1962 году на неделе русских фильмов и имея жалкие гроши, я купил огромный букет роз и притащил их на могилу Ханса-Кристиана. Чем был вызван этот порыв? Думаю, моим восхищением могучим андерсеновским талантом. Но не только. Подозреваю, что во мне живет немалая доля чувствительности, сентиментальности. Позже ряд критиков обозвали мои фильмы городскими сказками. Может быть, они были правы, и ощущение, что жизнь — это сказка действительно живет во мне. И я невольно чувствовал в Андерсене родственную творческую душу. Надо сказать, что я ничего о нем не знал в те времена, кроме того, что он сын сапожника и прачки.

В восьмидесятые годы в поисках сюжета мы с Эмилем Брагинским набрали на фигуру датского сказочника. Мы знали о нем тогда тоже очень немного: жил в бедности, самородок, некрасивый, женщины его не любили. И вот тогда мы придумали сюжетный ход, что артист, который будет исполнять роль Андерсена, сыграет и героев его сказок. В сказках он будет красив, любим женщинами, будет брать реванш за неудачи в жизни. Кроме того, мы слышали историю о том, как датский король во время фашистской оккупации надел на себя желтую звезду и поехал по городу, подавая этим пример своим подданным. Все датчане тоже надели на свои одежды еврейский символ и таким образом спасли евреев, живущих в Дании. Нам показалось, что может получиться красивая кинолента. Тем более и артист, который мог бы прекрасно сыграть роль самого Андерсена и роли героев сказок, был моим другом. Речь шла об Иннокентии Смоктуновском. Он и внешне походил на великого сказочника, а учитывая его внутреннее актерское и человеческое богатство, можно было лишь мечтать о таком исполнителе. Мы написали заявку на сценарий «Счастливый неудачник» и тихо положили ее в «стол». Мы понимали, что в нашей советской стране, зараженной антисемитизмом сверху донизу, эту картину снимать не дадут. Не забывайте, что именно в те годы из СССР происходила массовая эмиграция евреев...

Шли годы. Я много работал, число моих лент достигло двадцати четырех. И тут случилось событие, до которого, я думал, не доживу. Я перешагнул в XXI век, и мне исполнилось 75 лет. В связи с этой почтенной датой меня пригласил к себе наш Президент В.В. Путин.

Во время беседы Владимир Владимирович спросил меня, как это принято, о моих творческих планах. Повторяю, именно он спросил меня, а не я сам принялся

рассказывать о том, что намереваюсь делать в кино. Этот нюанс очень важен, ибо у меня не было никаких намерений просить Президента о чем-либо. Тем более я только что закончил комедию «Ключ от спальни» и решил, что больше фильмов снимать не буду. Конкретных кинематографических планов у меня не было. Но предстать перед Президентом человеком, у которого нет будущего, не хотелось. И я вспомнил о своем старом проекте, честно говоря, давно похороненном.

И я рассказал Президенту, что хотел бы поставить фильм о Хансе-Кристиане Андерсене, своеобразную фантазмагорию, где переплетались бы биография писателя и его сказки. Сказал, что это мой давний замысел, но вещь дорогая, ибо лента историческая, и поэтому я практически от этой идеи отказался.

— А сколько фильм может стоить? — поинтересовался Президент.

— Ну, если снимать совместную постановку, то... — тут я ляпнул, назвав огромную цифру с потолка, ибо, честно говоря, был совершенно не подготовлен к такому разговору.

Президент задумался, но затем сказал:

— Мы вам поможем...

Было ясно, что Путин одобрил идею. Признаюсь, когда я отвечал на вопросы Президента, все это было для меня достаточно абстрактно, я не собирался приступить к этой постановке. Это было уже далеко в прошлом. Я понимал, что такой фильм — неподъемное мероприятие. И годков мне, мягко говоря, уже немало. Так что сказать о том, что я шел окрыленный открывшейся для меня радужной перспективой, было бы неправильно. Однако и забыть этот разговор я не мог. Я рассказал о беседе с Президентом моему продюсеру

Леониду Бицу. Тот воодушевился и стал подталкивать меня, чтобы я засел за сценарий.

Вообще, если вдуматься, как много случайностей влияют на нашу жизнь. Ведь я мог не сказать об этом замысле Президенту, ибо в душе я с ним давно расстался. У Путина могла быть иная реакция. Он мог бы не обронить фразу о финансовой помощи. А продюсер не был бы таким настойчивым. Но недаром пелось в нашей старой песне: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Я принялся за изучение материала, потому что, могу признаться, знал о жизни моего будущего героя весьма мало. Я впервые прочитал его автобиографию «Сказка моей жизни», изучил огромное количество воспоминаний о нем. Помимо сказок, прочитал его стихи, повести и романы (между нами говоря, тоже впервые!). Прямо скажем, не очень-то яркие. Но сама жизнь Андерсена, его путь, тяжелые испытания, выпавшие на его долю, да и сам характер великого писателя произвели на меня сильное впечатление! Передо мной предстал персонаж тщеславный, экзальтированный, с огромным самомнением, обидчивый, слезливый, вспыльчивый, наивный до глупости, подверженный депрессиям, в чем-то трусливый, скупой, любитель пожить за чужой счет, практически профессиональный нахлебник и приживал, любитель наград, преклонявшийся перед властью имущими... При этом добрый, восторженный, в чем-то ребенок, доверчивый, ироничный, с дивным чувством юмора, в чем-то смелый, умный, прозорливый, настойчивый в достижении цели, а главное, невероятно талантливый...

У Ханса-Кристиана был далеко не датский характер. Знаете, довольно едкую поговорку: «Горячие эстонские парни»? У датчан тоже нордический нрав. Они

спокойнее, хладнокровнее своих южных соседей. Так вот со своим взрывным характером Андерсен очень отличался от окружающих.

Меня захлестывал материал. Из-за этого, вероятно, было снято больше эпизодов, чем могла вместить в себя кинокартина. Выбрасывать их было жалко, пришлось наступать на «горло собственной песни».

Но некоторые, интересные случаи из жизни нашего героя не вошли даже в сценарий. Незадолго до смерти Андерсена скульптор показал Хансу-Кристиану проект памятника. Писатель сидел с книгой, окруженный детьми, и читал сказки. Андерсен остался недоволен. «Какие еще дети? — пробурчал старый сочинитель. — Я писатель не для детей, а для всех возрастов!» И попросил детей убрать. Детей убрали. Так он и сидит, одинокий бобыль, в одном из парков в центре Копенгагена.

Еще меня потряс один экспонат в музее Андерсена на его родине в Оденсе. Я увидел за стеклом вставную челюсть писателя. Я обомлел. Представил, что прихожу в музей Пушкина или Достоевского и вижу среди экспонатов нечто аналогичное. Тут я наглядно понял разницу между нордическим (датским) и славянским (русским) менталитетами. Мы, очевидно, стыдливее и мягче, нежели прибалтийские жители. Однако я отклонился в сторону...

...Главное, я понял, надо показать Андерсена таким, каким он был, не идеализируя его. Но и не очерняя, не усугубляя его недостатков, не смакуя его дурные склонности. «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» сказала А. Ахматова. И, конечно, я не собирался делать биографический фильм, хотя событий горьких, парадоксальных, несчастных и праздничных было в его жизни немало. В результате во время написания сценария сложился и своеобразный жанр буду-

щей ленты — фантазия. В этой фантазии выдумка соседствовала с документальными событиями, реальные персонажи, имеющие прототипы, шли рука об руку с вымышленными. Например, история на суконной фабрике, где юного Андерсена приняли за девушку, за «мамзель», случилась в действительности, а, скажем, история с порвавшимся фраком — авторский вымысел. Или же встреча Андерсена-подростка — сына сапожника с наследным принцем кажется невероятной, но она тоже произошла в жизни, а эпизод с пеликанами, преследующими Ханса-Кристиана, придуман.

Тогда же я понял, что один не справлюсь с огромным материалом. Брагинского уже несколько лет не было. Когда-то я намеревался пригласить в соавторы блистательного Григория Горина, моего дорогого друга. Но и он покинул этот мир. И я позвал Ираклия Квирикадзе. Мы были только знакомы. Я восхищался его фильмами, но в последние годы он переключился на работу киносценариста. Главная конструкция как бы имелась, но предстояло наполнить ее эпизодами, ситуациями, диалогами, живыми чертами персонажей. Конечно, старт у Ираклия был невыгодный, ибо я уже прочно сидел в материале, а ему надо было входить в работу с нуля. Но Ираклий — замечательный парень! Он трудолюбив и, главное, поразительно талантлив. Конечно, некоторое время понадобилось на то, чтобы притерлись наши характеры. Но так как относились мы друг к другу с огромным уважением и доверием, этот период был весьма коротким. Главное в соавторстве, как мне кажется, умение уступать и отказываться от собственных придумок, уважая придумки партнера. Выяснилось, что мы оба обладаем этим качеством. Мысль, что соавтор, по меньшей мере, не глупее тебя, необходима в работе вдвоем. Конфликтов у нас не было, тем

более что мы поделили эпизоды и работали порознь. Потом другой шлифовал написанное соавтором, и мы, в результате, всегда находили общее решение. В итоге по окончании сценария мы не разбежались в разные стороны, а остались друзьями. Как и с Эмилом Брагинским, мы с Ираклием никогда не говорили друг другу: «Это я придумал...» или «А это мое предложение...» Все, что было написано, стало общим, совместным, нашим.

Конечно, в результате изучения биографии, поездок в Данию я стал напоминать себе мешок, переполненный сведениями и знаниями. Впихнуть в фильм хотелось все. Это мешало. Недаром кто-то сказал: «Излишество вредно во всем — даже в добродетели».

Многие сказки, к примеру «Гадкий утенок», или повести, скажем «Счастливчик Пер», или же романы, например «Импровизатор», были во многом автобиографичны, написаны Андерсеном с себя. Поэтому мысль о том, что самого писателя и его сказочных персонажей должен играть один и тот же исполнитель, была, как мне кажется, правильной, плодотворной. Но сначала я как режиссер совершил одну ошибку. Эпизоды, где действовал писатель, начинались у нас с 1819 года, когда Хансу-Кристиану было четырнадцать лет. Потом в повествовании он появлялся и семнадцатилетним, и тогда, когда ему было тридцать лет, и семьдесят...

Мне очень хотелось, чтобы один актер сыграл бы все возрастные периоды Андерсена, проходящие через фильм. И я мучил молодых, очень способных актеров Юрия Колокольникова и Андрея Смолу кинопробами. Я снимал каждого из них в сценах, где Андерсен в разных возрастах. Когда я порядком измучил и себя, и их, я сообразил, что это нереально. Недаром в подобных случаях, когда разница в возрасте персонажа очень велика, во всем мире в фильмах играют, как правило, два

исполнителя. Ибо из зрелого, заматеревшего мужчины не сделать юношу, а отрок никогда не сыграет взрослого с его морщинами, пластикой, походкой и легкой одышкой. Пришлось попрощаться с молодыми и начинать поиски взрослого Андерсена, а потом, под него, искать юного актера, похожего на старшего...

Однако я забежал вперед. До кинопроб, до запуска в производство было еще далеко. Ибо сценарий был готов, но не было ни копейки для того, чтобы можно было набирать съемочный коллектив и запускаться в производство, в подготовительный период.

Начались поиски денег. В родной Гнездниковский переулок, где были когда-то и «Комитет по делам кинематографии при Совете Народных Комиссаров СССР», и главк при Министерстве культуры СССР, и Министерство кинематографии СССР и, наконец, сейчас Федеральное агентство по культуре и кинематографии я пришел с протянутой рукой. Вообще, роль попрошайки, побирушки в последние годы стала неотъемлемой частью режиссерской профессии. Была составлена смета. Причем честная, не завышенная и не заниженная. Картина должна была стоить приличную сумму. По нашим российским параметрам, цифра серьезная. ФАКК мог дать нам одну шестую часть и то только в том случае, если мы уже запустились в подготовительный период. Но для запуска надо было сформировать съемочную группу, пусть пока небольшую, но все равно люди должны были получать зарплату.

Благодаря Анатолию Борисовичу Чубайсу первый взнос в нашу работу сделало РАО ЕЭС. Михаил Викторович Шмаков — руководитель профсоюзов — организовал для нас вторую финансовую инъекцию. Суммы, внесенные ими, в масштабах этих организаций, для сметы фильма были скромные, но благодаря им состо-

ялся старт нашей ленты. И я никогда не забуду помощи А.Б. Чубайса и М.В. Шмакова. Далее пришла помощь от Михаила Ефимовича Швыдкого и Александра Алексеевича Голутвы, руководителей ФАККа. Начались поездки с оператором и художником на выбор природы в Данию, в Санкт-Петербург и по Подмоскovie. Приходили актеры для переговоров и фото- и кинопроб. Их надо было одевать в исторические костюмы, гримировать. Надо было готовиться к строительству декораций, в том числе и натуральных, т.е. улиц Копенгагена XIX века.

Фильм предстояло снимать многонаселенный, с огромным количеством действующих персонажей, не считая участников массовых сцен. Нищие, обитатели сумасшедшего дома, короли, придворные, министры, адмиралы, персонажи нескольких Андерсеновских сказок, (а это отдельный мир), знаменитые певицы, актеры того времени, рабочие суконной фабрики, проститутки, гимназисты, солдаты и офицеры гитлеровской армии, старинные конькобежцы, гробовщики, музыканты, моряки, датские гвардейцы, сапожники... Надо было найти или построить старые парусные корабли, первые пароходы, «смирительный дом», жилище родителей Андерсена, каток при дворце герцога, суконную фабрику, гимназию тех времен, жилые апартаменты, три разных театра первой половины XIX века, декорации для сказок «Тень», «Свинопас», «Огниво», королевские покои и залы, дом адмирала, улицы города Оденсе, рыбный рынок в Копенгагене, кладбище, улицы, запруженные народом, коляски, кареты, почтовые дилижансы, магазины игрушек той эпохи и еще много чего.

Несколько месяцев продолжались подготовительные работы. Самым неотложным было выбрать места съемок и решить, кто будет играть главные роли. Правда, надо еще пошить костюмы на размеры конкретных

исполнителей, сделать эскизы декораций, иметь выбранные интерьеры, подготовить реквизит, мебель, соответствующую времени, изготовить бутафорию и оснаститься кинотехникой — камерами, киноплёнкой, осветительными и звукозаписывающими приборами и аппаратами. А также собрать полностью съёмочный коллектив: костюмеров, реквизиторов, ассистентов, пиротехников, администраторов, гримеров, светотехников, водителей, всего более пятидесяти человек. Вот тут уже требуются деньги немалые!

Начались судорожные поиски денежных субсидий, и я решил написать письмо Президенту, напомнить ему о нашей встрече и разговоре. А чтобы не выглядеть безответственным попрошайкой, я решил послать ему готовый сценарий — основу будущего фильма. Кстати, замечу скромно — мне и окружающим сценарий нравился. Я понимал, что у Владимира Владимировича вряд ли найдется время для его прочтения, но надеялся: кто-нибудь из помощников прочтает. Этим человеком оказался глава администрации Президента, человек, как вы понимаете, очень занятой! Это, разумеется, потребовало времени. Я раз в неделю звонил тогдашнему главе администрации Президента Д.А. Медведеву. Он обещал помочь. Я ждал. И когда я уже совсем было отчаялся и понял, что пора картину закрывать, так и не начав съёмок, последовал звонок от Дмитрия Анатольевича. Состоялась наша встреча, где я узнал, что «Газпром» мне поможет, выделит на съёмки фильма об Андерсене определенную (немалую!) сумму.

Тут произошло самое интересное. На деньги, присланные «Газпромом», можно было снять ровно половину фильма. А что делать потом? Предположим, я сниму эту самую пресловутую половину. Но это же будут разрозненные сцены, какие-то из середины ленты,

что-то будет снято из конца фильма, а отдельные эпизоды — из начала. И что я буду делать с этими отдельными, не связанными друг с другом, фрагментами? Из них ведь не смонтируешь даже короткометражки. И где я потом добуду средства на съемку второй половины кинокартины? Нет.... Надо, пока не поздно, отказаться и отправить деньги обратно в «Газпром». Но съемочная группа уже истратила все деньги, выданные нам ФАК-Ком. Если закрывать фильм, то ведь придется отчитываться о затраченном. А как? Вряд ли кто-то примет отчет пошитыми костюмами для исполнителей, кинопробами артистов, фотографиями найденной для съемки природы, железнодорожными и авиационными билетами, ведомостями о зарплате. Готового продукта ведь нет. Положение было безвыходным. Возвращение денег выглядело бы идиотизмом, — те, кто эти средства выделил, нас бы не понял. Но как же поступить? Снимать или не снимать? Вечерами я решал твердо — не снимать. Не лезть в авантюру, у которой не может быть счастливого финала. Но по утрам, когда организм бодр (относительно, конечно!), приходили иные мысли. Вот какие: мы снимем полкартины, подмонтируем снятый материал, начнем его показывать (материал будет хороший, ведь группа собралась талантливая!), и обязательно найдется какой-нибудь банк, или олигарх, или телеканал, который (кто-то!) скажет: «Дорогие наши! Вот вам деньги! Снимайте! Ваша картина нужна людям!» Вот такие наивные, глупые мысли посещали меня, и мы изо всех сил продолжали готовиться к началу съемок. Но вечером отчаяние снова охватывало меня. Мои горькие «размышлизмы» целиком разделяла со мной Эмма, не только жена, друг, но еще и редактор будущего фильма. А утром я снова бросался «в бой», чувствуя себя проходимцем и мошенником. Пока, наконец,

я не решился — снимать! Наполеон говорил: «Главное — ввязаться в сражение... А там посмотрим!» Но признаюсь, Наполеоном я себя не чувствовал... Мы все время ощущали, что в любую секунду все может накрыться. Согласитесь, эти ощущения не лучший контекст для процессов сочинения, пробуждения фантазии, рождения выдумки, нахождения оригинальных съемочных решений.

Однако поговорим о главном. Как же мы нашли исполнителя роли Андерсена? После того, как я отказался от идеи, что всю роль сможет сыграть один человек, мы стали искать артиста, который подойдет на зрелого, взрослого Ханса-Кристиана. Сергея Мигицко мы пригласили из Санкт-Петербурга совсем на другую роль. Но когда он появился в гримерной, — взъерошенный, возбужденный, чуть-чуть заикающийся, непоседливый, улыбающийся и при этом внешне походивший на датского классика, я сразу же воскликнул:

— Да ведь это Андерсен!

Ему стали делать грим на главную роль, а потом начались кинопробы. Я репетировал с ним несколько сцен с разными исполнительницами. Работать с ним было нелегко, он частенько не понимал, чего я хочу. В пробах Мигицко показал себя не лучшим образом: иногда топорным, порой переигрывающим, частенько чересчур громогласным. Но при этом меня не покидало ощущение, что он сможет сыграть Андерсена. По психофизическим данным он, по-моему, очень совпадал с тем Андерсеном, которого я себе представлял. Кроме того, я чувствовал, что актерская палитра его весьма богата, но пока он явно не мог нащупать верные краски, совпадающие с образом. От меня требовались вера в артиста и терпение. Однако съемочной группе он не понравился. Я остался в единственном числе. Но продол-

жал верить, что я делаю правильный выбор. И, как мне кажется, не ошибся. Однако Мигицко не мог сыграть первую половину роли, когда герою четырнадцать лет, двадцать и двадцать семь. Требовалось найти молодого Андерсена, но не просто хорошего артиста, надо было умудриться разыскать актера очень похожего на взрослого героя, по сути, двойника Мигицко. Я полюбопытствовал, нет ли у него сына? Оказалось, нет, только две дочери — старшая Катя, кстати, сыграла у нас в фильме маленький эпизод — молоденькую фрейлину в сказке «Свинопас». Сыграла, по-моему, превосходно — наивно и смешно.

Благодаря активным поискам Людмилы Романовой, ассистента по актерам, которая осуществляла поиск и подбор артистов на роли (сейчас это называется «кастинг»), у нас в группе появился двадцатитрехлетний Станислав Рядинский. Похожи они с Мигицко были чрезвычайно. Когда мы их поставили рядом, то возникло впечатление, что не то это отец и сын, не то два родных брата, разделенные разницей в возрасте. Станислав только закончил Щукинское училище и начал работать в «Ленкоме» у Марка Захарова. Я считаю, мне очень повезло с Рядинским. Он оказался думающим артистом (что встречается не так уж часто!), очень способным и самоотверженным. Надо сказать, что ему было труднее создавать характер, человеческую значительность, чем, скажем, Мигицко. Ибо за молодым Андерсеном еще не было того художественного багажа, андерсеновских сказок, писательской репутации. Как изобразить будущего гения, который в юности не обнаруживал никаких задатков? Приходилось играть молодого странного парня — зазнайку, слезливого, некрасивого, нескладного, трусоватого, то есть на его долю выпала та часть роли, которая называется «Гадкий утенок».

А та часть, которая называется «Белый лебедь», досталась Мигицко. Конечно, «лебединость» Мигицко тоже была относительной, ибо и он был странным, слезливым, обидчивым, самоуверенным, скуповатым, далеко не всегда обаятельным.

Про работу с Мигицко могу сказать, что он требовал на съемках большего участия «поводыря», т.е. режиссера, чем многие другие. Он не сразу входил в эпизод, его приходилось «доводить», но когда он, наконец, сливался с персонажем, у него это получалось, по-моему, великолепно. Ибо в самом характере, в человеческих данных актера были заложены и некая доля «безумства», доброты, некой взвинченности, незащитности, нелепой манеры поведения. Все это соответствовало нраву героя, которого Мигицко играл. Могу сказать, что я очень доволен обоими исполнителями. Еще и потому, что они оказались славными людьми высокой пробы, — надежными, влюбленными в профессию. Задача у обоих была труднейшая: персонаж, которого они играли, был НЕКРАСИВЫМ, да еще не совсем положительным в своем жизненном поведении. Это изначально отталкивало зрителя. И тем не менее он обязан вызывать к себе сочувствие, жалость, симпатию, ибо он автор гениальных сказок, любимых всеми людьми на земле. Но и Мигицко, и Рядинскому, обоим, досталась не только роль Андерсена. Сергею Григорьевичу перепало еще две роли — писателя в сказке «Тень» и датского короля Кристиана X в одном из важнейших эпизодов картины — «Фашистская оккупация Дании».

В «Тени» Мигицко поразил меня тем, как станцевал парный танец. А в эпизоде «Желтая звезда» актер поднимается, по-моему, до подлинных, трагедийных высот. Я преклоняюсь перед его дарованием. Мне было важно, чтобы зритель понимал: другие роли играет тот

же артист, что и Андерсена, но вместе с тем это другой образ, как бы еще некие ипостаси главного героя. Я восхищен, как Мигицко сыграл эти роли, ибо благодаря им обогатился, стал более стереоскопичным главный персонаж фильма. На долю Станислава Рядинского, помимо юного Ханса-Кристиана, выпало еще аж — три роли: ожившая Тень писателя в сказке «Тень», бравый солдат из «Огнива» и принц-свинопас в сказке «Свинопас». Что сказать? Молодой актер, недавний выпускник театрального училища, дебютант в кино играет сразу четыре роли. Конечно, Стас, чего греха таить, прошел во время наших съемок настоящие киноуниверситеты.

Играя Тень, он демонстрирует свои потрясающие пластические возможности. Мне кажется, Рядинский станцевал виртуозно, мастерски, не хуже талантливого балетного танцора. Я не говорю о том, как было трудно добиться точности, синхронности в сценах, где Тень копирует Писателя. Здесь требовалось мастерство, которое вырабатывается только с опытом. А как блистательно он сыграл принца-свинопаса! Красив, сексуален, смешон, нахален — все это исполнено озорно и мастеровито. Вообще, надо сказать, что Рядинскому очень повезло со сценами, где его партнершами были женщины. Обратите внимание, он целуется с Аленой Бабенко в сцене с короной в коридоре адмиральского дома; его пытается соблазнить Мария Аронова, шикарно играющая Сьюзен, жену Мейслинга; его смачно целует Лиля Макеева, проститутка Лола из публичного дома; в сказке «Огниво» он целуется с прелестной Натальей Щукиной, играющей принцессу. Ну, а о счастье, которое выпало на его долю в роли принца-свинопаса, нечего и говорить, — вся мужская часть съемочной группы завидовала ему черной завистью. Вспомните, сто поцелуев

очаровательной Евгении Крюковой (не забудьте, было много дублей!), а потом сцена раздевания принцессы. И в результате, ЗА ВСЕ ЭТО никакой от него благодарности в адрес режиссера, который устроил ему эту халю!

В фильме есть персонаж, который называется «Человек с добрым лицом». С ним встречается маленький Андерсен (его сыграл семилетний Ваня Харатьян) в сумасшедшем («смирительном») доме. У него на голове нимб из проволоки, и он называет себя «Господь Бог». Кажется, что подобное самопровозглашение — вид помешательства. Правда, когда мальчик не верит ему, что он Бог, пациент демонстрирует ему доказательство. Он произносит, воздев руки к ясному небу: «Да будет дождь!» И немедленно следует удар грома и с небес обрушивается ливень. А когда после смерти старый Андерсен попадет снова на этот же берег, он станет исповедоваться перед «психом» с проволочным нимбом на голове. И неожиданно проволочный нимб озарится божественным сиянием. Вот и думай после этого, кто же он, этот «человек с добрым лицом»?

Эта маленькая, но очень значительная роль требовала особенного исполнителя. Однажды на концерте, посвященном памяти Микаэла Таривердиева, моего друга, я увидел Вячеслава Тихонова. Я не встречал его несколько лет. Он изменился. Бывший князь Андрей, Штирлиц, мичман Панин постарел, отпустил бороду. Его лицо излучало доброту, значительность и полное отсутствие какой бы то ни было позы. Я сказал Эмме, которая, разумеется, была рядом: «Вот кто должен играть Бога в нашей картине». А дальше была радость встречи с замечательным человеком и потрясающим актером, с которым мы очень сдружились на этих коротких съемках.

Очень важная роль в фильме — Симон Мейслинг. Персонаж отрицательный, антипод светлому таланту Ханса-Кристиана. Его роль досталась великолепнейшему Олегу Табакову. Олег Павлович — это, конечно, актер-оркестр. Работать с ним очень легко и, одновременно, весьма трудно. Обилие красок, нюансов, интонаций требует от режиссера по сути одного: ограничивать безудержный поток табаковской фантазии, отбирать только те краски, которые точно соответствуют образу, призывать исполнителя к сдержанности. Ибо, повторяюсь, «излишество вредно во всем, даже в добродетели». Работать с Олегом — счастье. И я жалею лишь о том, что мы поздно встретились...

Признаюсь, я невероятно доволен всеми артистами, занятыми в нашем фильме. Две героини, две женщины сопровождают героя в киноленте «Андерсен. Жизнь без любви». Генриетту Вульф, друга Ханса-Кристиана с юношеских лет, его музу, девушку, влюбленную в него, играет прекрасная Алена Бабенко. Ее талант вспыхнул на нашем кинематографическом небосклоне несколько лет назад. Как она обрадовалась, что должна играть в фильме горбатую. Для актрисы, женщины — это первый признак того, что она умна, что не боится выглядеть некрасивой, ущербной. Алена необыкновенно симпатичное существо, очень живое. Манера ее игры выразительна, естественна, обаятельна. Кроме своего персонажа, Бабенко играет еще одну роль. Стилистический прием, где герои фильма становятся героями андерсеновских сказок, требовал вовлечения в сказочную ткань и спутниц Ханса-Кристиана. И вот в сцене, где Мигицко — король Дании Кристиан X — Алена играет его жену-королеву. Играет очаровательный персонаж, — любящую, нежную, привлекательную женщину — игра-

ет невероятно трогательно. Короче, я влюблен в эту актрису!

Теперь поговорим о счастливой сопернице Генриетты — певице Йенни Линд. Евгения Крюкова — моя давняя симпатия. Я был в восторге от того, как она сыграла в моем фильме «Ключ от спальни». Когда у красавицы-артистки огромное чувство юмора — это редкостное сочетание. В нашей ленте Женя играет три роли: великую певицу Йенни Линд, героиню сказки «Тень» — русскую принцессу, а в сказке «Свинопас» она — дочка императора, я бы сказал, особа весьма легкомысленная.

Труднее всего давалась ей роль певицы. Играть женщину добродетельную всегда менее выигрышно, нежели грешницу. Недаром все актрисы любят играть шлюх, изменщиц, играть адюльтер. В этом триптихе больше всего усилий нами вместе было вложено в благородную певицу, «шведского соловья», кумира публики. В этой роли Женя меня поразила своей музыкальностью. Конечно, петь пришлось другой исполнительнице, певице Ольге Гречко, ибо слишком много говорится в фильме об уникальном голосе Йенни Линд, голосе, который «рождается раз в столетие». Алексей Рыбников написал красивые арии с большим количеством фиоритур, чисто голосовых мелодических украшений, и я был уверен, что никакая драматическая актриса не сможет это убедительно и синхронно воспроизвести. Однако я ошибся — так легко, музыкально, пластично сделала это Женя Крюкова.

Русская принцесса в сказке «Тень» — персонаж страдающий, и Крюкова сыграла эту роль замечательно. Но главная ее вершина — это принцесса в сказке «Свинопас». Она сыграла красивую, глупую, жадную барышню, которая ради шарманки готова буквально на всё, — сыграла блестяще, с юмором! А сцена, где во вре-

мя поцелуев с грязным свинопасом она доходит до «кондиции», попросту виртуозна. Короче, я влюблен в эту актрису!

Маму Андерсена Анну-Марию играет уникальная трагическая актриса Оксана Мысина. Когда Наталья Иванова одела Оксану в старинный наряд, я поразился, как она стала похожа на тех женщин, кого рисовали художники семнадцатого и восемнадцатого веков. Она была оттуда, из глубины времени. Сцена, когда Андерсен после окончания гимназии навещает сошедшую с ума, спившуюся, наголо остриженную мать, сыграна актрисой с огромной эмоциональной силой. Поразительная интуиция, верное ощущение эпохи, достоверность чувств на экране — это все про Мысину. Ее крупный план, когда она смотрит на сына, который сдал ее в приют для престарелых и убогих, — дорогого стоит! Я рад, что встретился с таким огромным талантом. Короче, я влюблен в эту актрису!

У Галины Тюниной — безупречная репутация. Всеобщее (и справедливое) мнение — Тюнина одна из самых крупных актрис нашего времени. В фильме сестра Андерсена, Карен, — сначала порывистая девушка, униженная сиротством при живой матери, потом бывшая панельная шлюха, борющаяся за существование, потом больная, несчастная женщина, молящая брата о помощи — все три возраста сыграны ювелирно. И даже умершая сестра, приснившаяся Андерсену и произносящая обличительный монолог в гробу, исполнена артисткой без малейшего нажима, без истерики, без преувеличений. Вообще, одна из особенностей Гали — какая-то, я бы сказал, «патологическая» достоверность. Никакого нажима, никакой аффектации, и при этом полная убедительность и эмоциональная заразительность.

Замечательное дарование! Короче, я влюблен в эту актрису!

Наташа Щукина — моя артистка. Началось с того, что она играла в моей картине «Дорогая Елена Сергеевна», еще будучи десятиклассницей. Я уже тогда понял, что она невероятно талантлива. Потом я пригласил ее в «Небеса обетованные» на роль оторвы-пэтэушницы, охмурившей старика Федю (Олег Басилашвили). Девка, которая даже не подозревает, что такое мораль и «с чем ее едят». Она сыграла жестокую, безжалостную, бесстыжую, живущую в таком же времени молоденькую мерзавку. Кто видел эту ленту, наверное, вспомнит, как она, полуголая, пожирала «сгущенку» в кровати. Потом она сочно сыграла у меня в комедии «Ключ от спальни» — симпатичную мещанку, жену Вахлакова — персонажа Николая Фоменко. В «Андерсене» Наташа создала образ примадонны датского балета мадемуазель Шалль, кстати, лицо не вымышленное, а реально существовавшее. Жаль, что из-за сокращений выпал эпизод, где Щукина танцует на театральных подмостках в балете «Похищение римлянок». Сцена эта была очень симпатичной, с иронией поставлена великим танцором Владимиром Васильевым. Наташа станцевала Валерию пластично, музыкально и с азартом. На DVD, в рассказе о том, как создавался фильм, я обязательно включу эту сцену, как и ряд других эпизодов, которые были вынуты из монтажа не потому, что плохи, а потому что, как говорится, «трамвай не резиновый». В фильме Щукина играет еще и озорную принцессу в «Огниве», смахивающую на маленькую разбойницу из сказки Андерсена «Снежная королева». Делает это озорно и с удовольствием. Наташа Щукина — ведущая актриса «Ленкома», замечательный мастер, большой талант. Короче, я влюблен в эту актрису!

Я рад, что встретился в этой ленте с умопомрачительной Марией Ароновой, сыгравшей Сьюзен, жену Мейслинга. Я в восторге от того, как она сыграла свою маленькую роль, в особенности трудную и скользкую сцену, где она пытается соблазнить молодого Ханса-Кристиана! Вы понимаете, дорогой читатель, что я влюблен в эту актрису!

А Людмила Аринина — бабушка, а Валерий Гаргалин — король, а Федор Чеханков — Бурнонвиль, а Леонид Тимцуник — полковник Гульдберг, а Андрей Толубеев — адмирал Вульф и император в сказке «Свинопас», а Лиля Макеева — проститутка Лола и первая фрейлина в том же «Свинопасе», а Елена Подкаминская — Доротея Мельхиор, а Владимир Пинчевский — Мориц Мельхиор, а Ирина Ефремова — королева, жена Кристиана VIII — я счастлив, что работал с этими прекрасными исполнителями, и от всего сердца благодарю их за талант и прекрасные человеческие качества, которые они привнесли в наш фильм.

Конечно, я не удержался от соблазна и, как всегда, использовал служебное положение — сыграл в маленьком эпизоде хозяина гробовой мастерской, где делают «деревянный тулуп» для нашего героя. Моим партнером — мастером, сделавшим гроб, был потрясающий Валерий Баринов. Здесь я как режиссер допустил ошибку. Сниматься дилетанту, непрофессионалу, каким являюсь я, рядом с таким блестящим исполнителем, как Баринов, было самоубийственно. Но я осознал свой промах только на съемке. Я тянул изо всех сил, но превосходный партнер был выше меня на несколько голов. Я уже не говорю о том, что выбором этого персонажа для своего актерского экзерсиса сделал роскошный подарок писакам-критикам. Думаю, не одна бездарность напишет:

«Рязанов в роли гробовщика похоронил Андерсена еще раз...»

или

«Благодаря фильму Андерсен умер второй раз...»

или

«Рязанов не зря выбрал себе роль гробовщика Андерсена. Он доказал, что гробовщик и режиссер в его случае синонимы...»

Потом в своих мемуарах запишу фамилии тех, кто не удержался от этой дешевки...

Однако вернемся к началу съемок...

В Дании мы нашли готовые декорации и интерьеры, в которых можно было снять весь фильм. Там существует несколько так называемых «Музеев под открытым небом». Есть музеи старых городов и старых деревень. Датчане — люди, озабоченные сохранением своей истории. Старые городские дома XVIII—XIX веков, сохранившиеся в разных частях Дании, свезли в одно место, проложили улицы и каналы, установили фонари, замостили так, как было двести лет назад, восстановили конюшни, фабрики, трактиры, магазины и лавки, мастерские — портновские, сапожные, шляпные, часовые и прочие; воспроизвели аптеки, школы, почтовые отделения, квартиры жителей — как богатых купцов, так и бедняков, больше того, они обставили каждую квартиру мебелью, которая соответствовала не только эпохе, но и материальному состоянию данного жильца. Помимо мебели каждый дом был снабжен посудой, как столовой, так и кухонной, разными предметами быта — салфетками, скульптурками, ножницами, пальцами, принадлежностями для топки печей, подушками, музыкальными инструментами, иконами, картинами на стенах и так далее. В шкафах висела одежда тех

лет, ходили старинные часы. Посмотрите несколько фотографий, чтобы убедиться, что я не сочиняю.

Старинные деревни также стали «музеями». Там в конюшнях стояли лошади, были вырыты колодцы с журавлями, сельские дома были внутри обставлены, ветряные мельницы крутили свои крылья, а в прудах плавали утки и гуси; в кузнице можно было подковать лошадь, в загонах гуляли овцы, а по дворам кудахтали куры. При виде всего этого у меня голова пошла кругом! Я обалдел — это самый точный глагол, который обозначал мое душевное состояние. Надо же, какое везение! По сути, вся натура, все интерьеры стояли наготове и ждали, когда я приеду и сниму здесь свой фильм об Андерсене. Мы все — и оператор, и художник, и режиссерская группа, не говоря уже об администрации, были в восторге! Подумайте, не надо рисовать эскизы декораций, потом строить дома, улицы, каналы, квартиры, не надо искать реквизит, обставлять жилища мебелью... Все готово! Но не радуйтесь. Скажу сразу — мы там не сняли ничего, кроме нескольких пейзажей. Практически ни одного эпизода. Отрезвление пришло не сразу. Начало съемок было назначено на 10 апреля 2005 года. А 1 апреля я, выбранный датчанами «послом Андерсена» от России, прилетел в Копенгаген на празднование 200-летия сказочника. Таких «послов» устроители праздника пригласили в гости по пять — восемь человек из почти всех стран мира, всего около тысячи... Я же приехал не один, а с маленькой съемочной группой в составе оператора Вадима Алисова, администратора и двух помощников оператора, чтобы успеть снять несколько пейзажных кадров в музеях, пока еще не распустилась зелень. И снять также кое-какие фоны для последующих комбинированных съемок.

А в Москве продюсер Дмитрий Корж (он сменил на

этом посту Леонида Бица) готовил съемочную группу к ответственной экспедиции в Данию. Там мы намеревались снять ту самую половину фильма, на которую должно было хватить полученных от «Газпрома» средств. Был зафрахтован чартерный рейс в город Орхус, где и находился музей под открытым небом «Гамле Бю», что в переводе означает «Старый город». Кстати, надо сказать, что мы пытались заинтересовать датские организации нашим сценарием, чтобы они приняли материальное участие в нашем проекте. Все они сценарий хвалили, но говорили, мы, мол, маленькая страна, и денег у нас нет. Когда же начались наши пейзажные съемки (наша администрация в это время изучала расценки, тарифы, стоимости съемочного дня в музеях, аренды костюмов, карет, лошадей, и т.д.), мы столкнулись с полным отсутствием заинтересованности датской стороны. Невольно напрашивалась аналогия: как бы у нас, в России, вели себя люди, если датские кинематографисты приехали бы к нам снимать фильм, скажем, о Пушкине? Нам казалось, что отнеслись бы к этому с симпатией и пониманием, чего мы не заметили со стороны датчан. Кроме того, цены на все нас попросту ужаснули. На наши немалые деньги мы бы не смогли снять половину фильма, в лучшем случае — одну десятую. Помимо этого, выяснилось еще одно обстоятельство: нам не было позволено что-либо изменять в экспозиции музеев, переносить вещи, снимать в одном интерьере что-то другое, что требовалось по нашему сюжету. Кроме того, в музеях, и на улицах, и в интерьерах была стерильная чистота. Это все было музейное, для иностранных туристов, а не жизненное. В начале девятнадцатого века хватало грязи, мусора, коровьих лепешек на мостовой и тому подобное. Кадры, снятые в подобной «декорации», выглядели бы мертвечиной.

А в Москве в это время судорожно паковали в ящики костюмы, укладывали реквизит, составляли графики приезда артистов в Данию. Тоже дополнительная головная боль, ибо артисты все были заняты в театрах, давали между спектаклями два, максимум три дня. Мы мерили расстояние и время езды от Копенгагенского аэропорта, куда приходят международные авиарейсы, до места съемки в Орхусе... Постепенно становилось понятным — киноэкспедиция в Данию, несмотря на то, что декорации вроде бы стояли, — авантюра. Но отказаться было выше моих сил. Наша замечательная художница Людмила Кусакова уговаривала меня снимать все в России, мол, она все построит для фильма. Но меня, признаюсь, пугала эта перспектива.

Группа в Москве рвалась за границу, всем было интересно, да, в общем, и выгодно. Я терзался. Умом понимал, что если мы покажем гипотетическим будущим спонсорам лишь одну десятую часть фильма, это будет ничтожно мало. Такое количество не сможет убедить в необходимости продолжения съемок. Кроме того, потом придется доставать средства не на половину картины, а на девять десятых, т.е. почти полную сумму. Но так хотелось снять подлинный датский материал! И тем не менее голос разума все-таки победил! 7 апреля, за два дня до вылета, я, узнав, что деньги за перелет еще не перевели в авиакомпанию (о, умный, осторожный Корж!), отменил датскую киноэкспедицию. Сердце болело, уверенности в правильности решения не было. Но жребий был брошен! Сняв пейзажи и фоны, мы с Алисовым вернулись в Москву. И стали готовиться к съемкам дома. Все актерские графики полетели к чертям. Рухнуло многое, перестраиваться пришлось на ходу. Но скажу сразу же — решение оказалось судьбоносным! Когда начались съемки в России, я с первых ша-

гов ощутил поддержку людей. Это все равно как, когда футбольная команда играет дома, а не в гостях. Болельщики очень помогают, чтобы игра получилась наступательной, результативной, выигрышной! Но главным «выигрышем» оказалась Людмила Михайловна Кусакова — художник-постановщик нашей картины. Она творила чудеса. Каждый раз, закончив съемку очередного объекта, очередной декорации, я восклицал:

— Какое счастье, что мы не поехали в Данию!

Посмотрите фильм, и вы убедитесь — я прав! Какое количество выдумки, живых декорационных и жизненных деталей, живописность, какая мизансценическая свобода, какое поразительное чувство правды свойственно нашему художнику! Какие дивные интерьеры смогла она найти в Подмоскovie и окрестностях Петербурга. Людмила Михайловна одна из наших самых замечательных, наших лучших художников. За ее плечами уйма значительных картин, работа с яркими режиссерами. Она — автор в том числе такой гигантской декорации, как дореволюционная Москва, к картине Карена Шахназарова «Всадник по имени смерть» и декорационного комплекса «Славянское поселение» к фильму Николая Лебедева «Волкодав». Много интересных, оригинальных решений в фильме было подсказано именно Людмилой Михайловной.

Начало съемок было перенесено на 3 мая 2005 года. И тут судьба преподнесла нам очередной неприятный сюрприз. Заболел Вадим Алисов, с которым я снял в свое время «Вокзал для двоих», «Жестокий романс», «Забытую мелодию для флейты» и «Дорогая Елена Сергеевна». Ему предстояла серьезная операция и полуторамесячный реабилитационный период. Ждать его мы не могли, надо было срочно находить другого оператора. Мы обратились к Евгению Гуслинскому, оператору

опытному, маститому. Он согласился. Я с ним никогда не работал, поэтому на первых съемках мы притирались друг к другу. Оказалось, что у нас, если можно так выразиться, разные группы крови. Снимал Евгений Владимирович добротнo, быстро, чувствовался огромный кинематографический опыт. Но удовольствия, творческой слитности, понимания с полуслова достичь не удалось. И после двух с половиной месяцев съемок работу продолжил Вадим Алисов. Хочу воспользоваться случаем и поблагодарить Е. Гуслинского: он очень помог картине и мастерски снял свою половину фильма.

Однако к этому времени «газпромовские» деньги кончились, группа оказалась в простое.

И вот тут началось то, чего я панически боялся перед началом съемок. Мы, что называется, зависли в воздухе, вернее, в безвоздушном (безденежном) пространстве. Я и мой прекрасный друг — режиссер по монтажу Инна Брожовская стали лихорадочно монтировать снятое, чтобы начать им «торговать», то есть показывать материал тем организациям и лицам, которые могли бы помочь нам финансами. Это был для меня тяжелейший период. Неподъемный психологический груз лежал на мне. Надо было решать проблему быстро, ибо члены съемочной группы не получали зарплаты и могли разбежаться по другим картинам. Ведь людям надо на что-то жить. А потом с кем я стану снимать? Многое пришлось бы начинать с начала, вводить новых людей. И вот начались отказы в помощи: один за другим руководители банков, телеканалов, олигархи — все те, кто отсмотрел отснятый нами материал, давали ему высокую оценку, но... Никто не хотел расставаться с деньгами. Руководители ведущих телеканалов провозгласили, что с удовольствием покажут премьеру нашего фильма, но денег на окончание съемок у них нет.

Некоторые «толстые кошельки» отказывали цивилизованно, а иные, случалось, делали это по-хамски: не подходили к телефону, петляли, избегали встречи, переносили разговоры на несколько дней, надеясь, что я отстану. Секретарши ввали мне о командировках, о переговорах, загруженности своих шефов, которых для меня никогда не было на месте. Некоторым я звонил каждый день в течение месяца или двух. Я всех их помню — и начальников, и вышколенных преданных секретарш, боявшихся потерять работу.

Проблема как бы состояла в том, что многие «боялись» меня обидеть отказом и поэтому скрывались, как революционеры от царской охранки. А ведь отказать, если ты не хочешь принимать участие в чужой работе, было несложно: нет денег, другие планы, не вдохновил материал, зритель не пойдет на такое кино и т.д. А если отказ сдобрить комплиментами и извинениями, так еще и поблагодарил бы... Положение было оскорбительным. Я не помню себя более угнетенным и подавленным, чем в этот период. У меня на руках был съёмочный материал, из которого мог бы получиться хороший фильм, но это никого не интересовало. И я еще раз поклялся себе, что никогда больше не стану снимать фильмов, ибо не хочу еще раз подвергаться подобным унижениям. Может, через несколько лет, вероятно, и найдется кто-то, кто захочет помочь. Но ведь до этого надо было дожить, а такой гарантии я дать, в силу возраста, уже не мог.

Однако нашлись люди, благодаря которым фильм все-таки состоялся. Это прежде всего руководитель Федерального агентства по культуре и кинематографии Михаил Швыдкой, настоящий патриот нашей картины. Он помогал всячески, звонил огромному числу лю-

дей, которые могли хоть как-то нам посодействовать, подписывал письма о помощи директорам музеев, где мы снимали, представителям Президента, губернаторам. Михаил Ефимович оказался нашим добрым гением, его содействие, дружеский локоть я ощущал все время. Его доброе отношение помогло мне чрезвычайно.

Михаил Рудяк, глава «Ингеокома», Владимир Коган, руководитель индустриально-промышленного банка — их дружеская и финансовая поддержка вытащили меня, если говорить честно, из пучины отчаяния. Благодаря им я не стал мизантропом. Этим всем людям удалось не только спасти фильм, но и мою веру в человечество.

Однако я хотел бы вернуться еще к некоторым авторам нашей ленты...

Я сделал пятнадцать фильмов с композитором Андреем Петровым. И эту ленту намеревался делать с ним. Но мы не совпали в сроках. Андрей взял какую-то большую работу за рубежом. А я в это же самое время намеревался снимать картину. И я обратился к другому композитору. Признаюсь, я недолго его искал, вернее, не искал совсем. На Алексея Рыбникова я положил глаз (вернее, ухо) давным-давно. Я послал Алексею Львовичу сценарий с предложением «руки и сердца». Он благодарно откликнулся, и мы принялись за работу. Рыбников — изумительный мелодист, а также сочинитель, тонко чувствующий старинную музыку. В нашей картине это было очень важно. Алексей Львович — мастер, которому подвластны любые музыкальные жанры, он чувствует выразительность и неповторимость каждого инструмента.

Рыбников наполнил ткань фильма дивной музыкой: и нежной, и печальной, и праздничной, и трагиче-

ской. Его вальс на катке — очарователен; куплеты Сесиль — радуют душу; молитва сумасшедших — пронзительна; народная песня — красива и этнографически точна; мелодию к «Свинопасу» мы называли между собой хрустальной; а фортепьянная пьеса «Тема Генриетты» — просто чудо. Его музыка напоила картину душевностью и болью, грустью и весельем. Мелодии Рыбникова одновременно как бы из той, андерсеновской, эпохи, и очень созвучны нашему веку. Алексей Львович — подлинный соавтор картины, внесший в нее свою неповторимую и яркую индивидуальность, невероятно обогативший нашу общую работу.

Не могу удержаться от восхищения вдохновенной работой Натальи Ивановой — нашего главного художника по костюмам. Я давно считаю Наташу лучшей «одевальщицей» нашего кино. Мы вместе трудились, делая «Жестокий романс», «Ключ от спальни», «Старые клячи». Наташа — красивая, спокойная, надежная, ей ничего не надо говорить два раза, сотрудничать с нею — радость! Ее работа в фильме об Андерсене колоссальна как по количеству костюмов, так и по придумке моделей и по исполнению. Королевские одежды и наряды сумасшедших из «смирительного дома», костюмы придворных, солдат, торговцев на рыбном рынке, нищих, купцов; туалеты женские, весьма причудливые и разнообразные; облачения персонажей сказок, — принцесс, эльфов и фрейлин; одеяния проституток и моряков, конькобежцев и учеников гимназии; экипировка вояк всех видов, от оловянных до живых, от рядовых до генералов и адмиралов — все это рождено фантазией и талантом нашей художницы. А гардероб главного героя Андерсена на обоих исполнителей от молодых лет до старости, от нищих костюмов до состояния благоденст-

вия складывался более чем из тридцати нарядов. При том что благородные облачения висят на плеее Хансе-Кристиане весьма нескладно, как, впрочем, и бедняцкие... А еще Дания 1940 года, другой пласт времени, где надо было одеть и обуть фашистские войска, — солдат и офицеров, жителей Копенгагена, таксистов, велосипедистов-мальчишек, короля и королеву, немецкого посла — большое количество персонажей и массовки.

Уйма действующих лиц, еще больше костюмов, а сколько примерок! Все было всегда вовремя, к сроку, все было пошито безупречно, соблюдена социальная и историческая точность. Гигантский, талантливый труд, вызывающий изумление и восторг. А как работали помощники Натальи Юрьевны, ассистенты и костюмеры. Было много сцен, где надо было грамотно и очень быстро одевать сотни людей из массовки и следить на съемках, чтобы все костюмы сидели ладно, чтобы все было на месте и т.д.

И все делалось безупречно!

Теперь о балетмейстере. В моем возрасте новые друзья уже не появляются. Прочные дружбы завязываются в более молодые годы. Когда я пригласил в фильм постановщиком танцев Владимира Васильева, я сделал это потому, что восхищался им, как гениальным танцовщиком. Много лет я был зрителем — почитателем его безмерного таланта. Знал я также и о его замечательных балетмейстерских работах. Но действительность превзошла все мои ожидания и надежды. Владимир Викторович оказался потрясающей личностью: его увлеченность делом, замечательные придумки, фонтанирующая фантазия, режиссерский напор, точные реакции и при этом невероятная деликатность чувств поразили меня. Надо прибавить еще огромное человеече-

ское обаяние. Когда Васильев приходил на съемку, он полностью погружался в то, чего надо было добиться. Его замечания были тонки, умны и всегда по сути дела. Признаюсь, когда Володя присутствовал на съемке, я невольно расслаблялся, отдыхал, ибо знал, что рядом человек, который не упустит промаха. Заметит любую фальшь или неточность. Короче, кончилось тем, что мы подружились. У нас оказались до того похожие взгляды на искусство, на современность и вообще на все, что я только диву давался. Танец Андерсена и его Тени выдуман и поставлен, с моей точки зрения, блестяще! Работа с этим удивительным художником танца доставила мне огромную радость. И я счастлив, что судьба подарила мне на склоне лет такого дивного друга...

Екатерина Попова-Эванс — одна из лучших звукорежиссеров нашего кино. *Она записывает.* Она записывает чистовой звук, как мало кто. В ее фильмах всегда очень много реально записанного звука. И не только речь исполнителей, но и шумовые нюансы каждого эпизода. Скрупулезность, дотошность, доброкачественность, высокий профессиональный уровень и безупречный вкус — вот что отличает работу нашего превосходного звукорежиссера, с которой мы отработали все мои последние ленты. Она — мои замечательные «уши», тем более что одно мое ухо — правое — не слышит ничего. Так что вся «стереофония», звуки, доносящиеся с разных сторон зрительного зала, — это все на Екатерине Джоновне. Спасибо ей за высокую любовь к своему делу!

С Ниной Колодкиной — художником-гримером мы встретились впервые. Она оказалась не только мастером высшей пробы, но и по человеческим качествам замечательной женщиной. Вообще я должен сказать, что три женщины, три художницы, окружавшие меня в

группе, — Людмила Кусакова, Наталья Иванова и Нина Колодкина были моими самыми близкими, самыми верными людьми. Благодаря этому замечательному «матриархату» я выдюжил труднейшую постановку. Так вот, участи художника по гриму позавидовать, конечно, было нельзя. Работа ей предстояла попросту адская.

Надо было слепить двух Андерсенов, молодого и взрослого, очень похожими друг на друга. Это осуществить легче, когда актеры играют в разных эпизодах и не встречаются вместе в кадре, а тут вместе и не в одном кадре, а на протяжении длинного эпизода. В сказке «Тень» Сергей Мигицко и Стас Рядинский, играющий его Тень, все время рядом, вплоть до того, что вместе танцуют. У молодого Андерсена — Рядинского — вообще уйма гримов, ибо он проходит перед зрителем в возрастных стадиях четырнадцатилетнего отрока, семнадцатилетнего юноши, двадцатипятилетнего молодого человека. Кроме того, он играет в сказке принца — свинопаса, солдата в спектакле «Огниво». Разные внешние облики, но зритель всегда должен ощущать, что это — одна из разновидностей Ханса-Кристиана. А Мигицко играет не только сказочника, не только героя сказки «Тень», но и короля Дании Кристиана X в эпизоде фашистского нашествия. Иной грим, иная внешность, иная внутренняя суть. А женские гримы — Алена Бабенко то совсем юная девушка, то более взрослая Генриетта, а то уже совсем немолодая королева Дании — жена Кристиана X.

Сложнейшая задача предстояла гримеру в работе над персонажами Крюковой. Три роли, три разных образа. Йенни Линд — великая певица, благородная женщина. Она же русская наследная княжна, молодая осо-

ба, раненная неудачной любовью, терпящая еще одно фиаско в своем чувстве к человеку-Тени. И, наконец, глупенькая, взбалмошная, избалованная принцесса из «Свинопаса», существо безнаказанное, лишенное чувства и каких-либо моральных критериев. Если я начну перечислять всех персонажей, это очень и очень надолго. Я вспомнил шутку: в сумасшедшем доме один сумасшедший говорит другому: «Почитай, я написал книгу, хочу знать твое мнение». На следующий день больные снова встречаются. Прочитавший говорит «писателю»: «Книга потрясающая. Замечательный сюжет. Изумительные образы. Но есть один недостаток — слишком много действующих лиц». Тут нянечка закричала: «Эй, психи! Отдайте телефонную книгу!»

Так вот, Нине Ивановне предстояло «загримировать» телефонную книгу. Причем каждому «абоненту» надо было найти свой характер, надо было быть верной эпохе и выполнить много, много разнообразных режиссерских требований. Великолепно работала вся бригада гримеров, огромная им благодарность.

Съемочная группа — это всегда временный коллектив, собравшийся на одну картину. Это сообщество трудится бок о бок всего несколько месяцев в отличие, скажем, от театральных репертуарных трупп. Фильм кончается, и все разбегаются в другие съемочные группы. Очень важно, чтобы в подобном содружестве не завелось какой-нибудь паршивой овцы — лживого, недобросовестного или равнодушного работника. Наша съемочная семья отлично сдала экзамен не только по профессиональным качествам, но и по человеческим. Я не случайно применил слово «семья». Ведь во время создания фильма люди значительно больше времени проводят на съемочной площадке, нежели дома.

Реквизиторы, пиротехники, операторская группа, все работали точно, профессионально, надежно. Особо хочется упомянуть бригаду художников по декорациям под руководством Людмилы Кусаковой. Им, талантливым и трудолюбивым, выпал тоже неимоверно тяжелый кусок хлеба.

И теперь режиссерская группа, мой штаб, мои помощники — не сказать о них добрых, нежных, прочувствованных слов попросту невозможно. Сорежиссер Михаил Биц, в прошлом оператор (он снимал со мной «Невероятные приключения итальянцев в России»), был беспредельно влюблен в сценарий, в сюжет и был моей правой рукой. Замечательной, надежной рукой! По всем вопросам я советовался с ним, иногда (редко) мы ругались, отстаивая свои точки зрения, что не мешало нам дружить. Когда картина остановилась на неопределенный срок из-за отсутствия денег, он вернулся в Израиль, где живет постоянно, а потом кончился его отпуск (он работает на Израильском телевидении), и я остался без своего замечательного напарника. Я сильно был огорчен и расстроен, Миши мне очень не хватало. Прекрасно провела первую половину картины и Людмила Романова, которая занималась поиском и подбором актеров на роли и для массовок. Например, лица сумасшедших в прологе фильма — это ее работа. Она нашла Станислава Рядинского и многих других исполнителей, за что огромное ей спасибо. К сожалению, она во время внутрикартинной остановки не дождалась нас и ушла на другой фильм.

Второй режиссер Алексей Злобин, великолепно работавший с участниками массовых сцен, помог мне грандиозно. Он вот-вот начнет свою первую самостоятельную работу, и я желаю ему успеха от всего сердца.

Лариса Чайковская — тоже второй режиссер, была во время съемок моим близким другом, помощником, утешителем. Она — светлый человек. Главный ее «недостаток» — она чересчур добрая. В работе я ее частенько поругивал за то, что она «всехний» адвокат.

В число ближайших помощников и соавторов постановщика входит обычно монтажер фильма или режиссер по монтажу. Инесса Брожовская — мой давний друг. Она монтировала «Итальянцев в России», «Старые клячи», «Ключ от спальни». Она дополняет прекрасный матриархат, состоящий из трех художниц. Инна — трудоголик из трудоголиков. По характеру она славный, добрый, прекрасный человек, безнадежно борющийся за талию. За свою. И несмотря на то что я иногда кричу на нее, я ее очень люблю. Работаем мы с ней душа в душу. У нее светлая голова и умелые руки. Иногда, правда, руки у нее включают раньше головы. Инна — музыкальна, чувствует ритм, очень болезненно ощущает затяжки в сценах. Она — рабыня ритма и готова приносить в жертву многие сцены, лишь бы картина неслась. Из-за этого мы порою ссоримся. Но не больше, чем на пять минут. Работать с Инной — счастье. В «Андерсене» нам выпала не простая доля, мы одновременно монтировали два варианта нашего фильма, телевизионную версию и версию для показа в кинотеатрах. Их отличала, в первую очередь, длина. Для телевидения мы смонтировали двухсерийную, так называемую, полную картину, ее покажут в один вечер с перерывом между частями на программу новостей. А кинематографическая версия — более короткое, более динамическое зрелище.

Естественно, что в нашем фильме присутствуют сказочные персонажи и различные волшебства. При-

шла пора поговорить о том человеке, который у нас работал «колдуном». Раньше всяческие чудеса, трюки и превращения делались методом комбинированных съемок. Теперь это называется «компьютерная графика», а руководит процессом человек, которого зовут по-заграничному — «супервайзер». Работа нашему кудеснику, — Алану Дзарасову, — предстояла непростая. То молодой Андерсен беседовал со старым уличным фонарем, и надо было сделать говорящий фонарь; то от героя сказки «Тень» неожиданно отделялась его тень и начинала вести самостоятельную жизнь, а потом, уже из человеческого образа, возвращалась в свое Теневое состояние; то в кадре появлялись крошечные эльфы, притаскивающие огромные (на размер человека) «калоши счастья», надев которые наш Сказочник переносился в XX век; или же надо было устроить, чтобы из ясного неба ударила молния и пошел сильный ливень; или же огоньки свечей отказывались гаснуть от усилий плохого персонажа, прятались от него, а потом, вообще, убежали прочь; или же рукав от тесноватого фрака Ханса-Кристиана во время взмаха руки отлетал от плеча и повисал, оторванный, на руке... И еще немало передеваний, чудес, магических превращений присутствует в нашей ленте. У меня нет фотографии Алана Дзарасова, но те, кто посмотрел фильм, может, запомнили в начале кинокартины, в эпизоде сумасшедшего дома, колоритного бородатого психа, который упаенно бултыхается в грязной луже, получая от этого большое удовольствие. Это и есть наш супервайзер, Алан Дзарасов! В его лице мы нашли замечательного товарища, талантливого выдумщика, изобретателя и исполнителя трюков, одержимого работой. Про него можно смело сказать, что он, как пелось в старой песне, «сделал сказку былью». Я рад, что встретился с таким чудесным (во всех смыс-

лах) субъектом, и благодарю его и группу его мастеров за самоотверженную и безотказную работу в нашем фильме.

Ну, и последнее — администрация.

После того как мы попрощались с продюсером Леонидом Бицем, группа осталась без руководства. «Коней на переправе не меняют», — говорит пословица, но в нашем случае пришлось. И я вспомнил крылатые слова Огурцова, героя «Карнавальная ночь», который ровно пятьдесят лет назад, в 1956 году, произнес: «Бабу-Ягу со стороны брать не будем, воспитаем в своем коллективе». Руководствуясь этим замечательным принципом, я предложил стать исполнительным продюсером, т.е. главным организатором съемочного процесса, ответственным за все, в том числе и за финансы, — Дмитрию Коржу. Дима работал в нашей группе уже довольно много лет. Он был директором картины на всех моих последних работах. Он еще молодой человек, ему недавно перевалило за 30. Он был в контексте картины, ездил на выбор природы, был в курсе всех наших проблем. Случилось, в сущности, обычное дело. Второе лицо в служебной иерархии стало первым. И, хочу сказать, он прекрасно справился. Для новичка-продюсера наша лента была очень сложной, многопроблемной. Надо хорошо знать все тонкости сопредельных кинематографических профессий, уметь экономить, но не в ущерб качеству съемок. Надо ладить с людьми, причем сложными, порой самолюбивыми, порой амбициозными, а это нелегкое искусство. Дмитрий Александрович Корж провел наш киношный корабль среди видимых и «подводных» рифов, не теряя спокойствия, выдержки и хладнокровия. По-моему, на нашей картине он стал первоклассной «Бабой-Ягой»...

Вот таким замечательным коллективом мы и набросились в конце октября 2005 года на оставшуюся половину съемок. Все, что предстояло нам запечатлеть на целлулоид, снималось в подмосковных и московских музеях, а также на натурной площадке «Мосфильма», где Людмила Кусакова переделывала отдельные участки своей же декорации «Дореволюционная Москва» в еще более дореволюционный Копенгаген. Эпизод награждения Андерсена орденом, куплеты Сесиль из «Парижских прелестниц» и сцена Кристиана X с женой, а также королевская ложа после спектакля «Огниво» снимались в музее Останкино, в деревянном дворце графов Шереметьевых. На всех этих объектах мы очень страдали от холода: в музеях не топили — поддерживали необходимую для деревянных сооружений температуру. Но если мы щеголяли в валенках и теплых куртках, то артистки снимались в легких платьях, а то и в декольте. Мужчинам-артистам было легче: под старинные костюмы можно было надеть современное теплое белье.

Огромную сцену спектакля «Огниво» и еще ряд эпизодов мы снимали в старинном деревянном театре «Архангельское», построенном итальянским архитектором Гонзаго для князя Юсупова. Там, естественно, тоже не топили и не разрешали использовать тепловые пушки, боясь возможности пожара. Премьера спектакля, где декольтированные дамы, разодетая, вернее, раздетая публика, оркестранты, артисты, изображающие веселое действие на сцене, а температура — градуса 4 выше нуля. Съемочная группа, разумеется, выглядела, как полярники на дрейфующей льдине. Но все равно все мерзли, жаловались на холод, однако терпели. Такая же обстановка была и в доме-музее Мураново, де-

ревянном имени, построенном Евгением Боратынским, чьи потомки породнились с семьей Ф.И. Тютчева. А еще мы вторгались в музей Пушкина в Больших Вяземах, в академический санаторий «Узкое» и т.д. Все эти эпизоды снимались не так уж близко от Москвы и много времени уходило на переезды. Вообще, физические нагрузки у всех были очень большие. Ведь рабочий день был не менее двенадцати часов, а посчитайте еще время на уборку и переезды, — вот и получалось пятнадцать, а то и поболее часов. И так каждый день, лишь раз в девять-десять дней давали выходной.

Съемки кончились 21 февраля 2006 года. А дальше деньги опять кончились. И пришлось снова доставать средства, уже на монтаж, озвучание, запись музыки и компьютерную графику. Параллельно я стал писать книгу по мотивам фильма и сценария, которую вы сейчас дочитываете, дорогой читатель!

И на прощание еще об одной, вернее, о двух женщинах не могу не поговорить. Это редактор нашей ленты Эмма Абайдуллина. Боюсь, буду необъективен, ибо Эмма по совместительству — моя жена. Поэтому речь идет сразу о двоих. Жена и редактор всегда со мною рядом. Благодаря им обоим я жив и работаю. Они обе помогают мне принимать трудные решения, они обе дают мне дельные советы, они обе всегда в курсе моих начинаний, они обе помогают преодолевать сомнения. Иногда они в унисон ругают меня, невзирая на лицо (мое!). Правда, иногда они путают функции, и редактор меряет мне давление или пускает в глаза капли, тогда как жена предлагает выкинуть из фильма какой-нибудь эпизод или придумывает афишу фильма. Потом эта афиша становится обложкой книги. Когда, дорогой читатель, вы закроете книгу, посмотрите еще раз ее обложку. Ее при-

Эльдар РЯЗАНОВ

думала то ли жена, то ли редактор, то ли обе вместе. Мне кажется, они обе относятся ко мне неравнодушно. Я им за это очень признателен и плачу им тем же. Без них я никогда бы не осилил этой трудной картины...

Когда я начинал фильм, то об одной вещи, которая тревожила меня, не поведал никому, кроме жены. Я беспокоился, смогу ли выдержать эту бешеную, нечеловеческую нагрузку, которая обрушивается на режиссера, ставящего фильм. За свои мозги я как-то (простите за нескромность!) не опасался, а вот за здоровье — вдруг не сдюжит, подведет, засбоит, — беспокоился. Я знал о своих хворобах и думал, как бы не ввергнуть группу в пучину простоев. Но, слава богу, этого не случилось. Ни одного дня группа не стояла из-за болезни постановщика. Я вспомнил: во время войны на фронте никто не болел, съемки картины напоминают порой военные действия, конечно, без человеческих потерь. Но душевные и физические нагрузки — колоссальные. Очевидно, происходит очень сильная, нацеленная на съемку, концентрация организма, которая ставит заслон всяким физическим недугам. Я думаю, что прав, ибо после окончания съемок старые и новые хворобы стали вылезать из всех щелей. Теперь буду залечивать раны...

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПРОЛОГ	10
ГЛАВА ПЕРВАЯ	21
ГЛАВА ВТОРАЯ	46
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	71
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	93
ГЛАВА ПЯТАЯ	112
ГЛАВА ШЕСТАЯ	126
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	142
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	177
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	188
ЭПИЛОГ	202
POST SCRIPTUM	205
ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ КАК СНИМАЛСЯ ФИЛЬМ «АНДЕРСЕН. ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ»	214

Литературно-художественное издание

Эльдар Рязанов

**АНДЕРСЕН. ЖИЗНЬ БЕЗ ЛЮБВИ
КИНОРОМАН**

Ответственный редактор *А. Корина*
Художественный редактор *А. Новиков*
Компьютерная графика *И. Новикова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Е. Козлова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 05.12.2006.

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Петербург».

Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 13,44 + вкл.

Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 5367.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15.

Home page - www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

145-00

К гениям судьба чаще всего неблагоприятна. Вот и Андерсен, великий сказочник, был некрасив, беден и обделен любовью. Его в детстве до слез доводили мальчишки, женщины не отвечали взаимностью этому неуклюжему господину, а слава маячила где-то вдали...

Эльдар Рязанов написал кинороман о жизни Андерсена специально для читателей «Эксмо», с которыми его связывает давняя творческая дружба. А мы приурочили выход книги к широкомасштабному показу одноименного фильма режиссера.

ISBN 5-699-18683-2

9 785699 186839 >